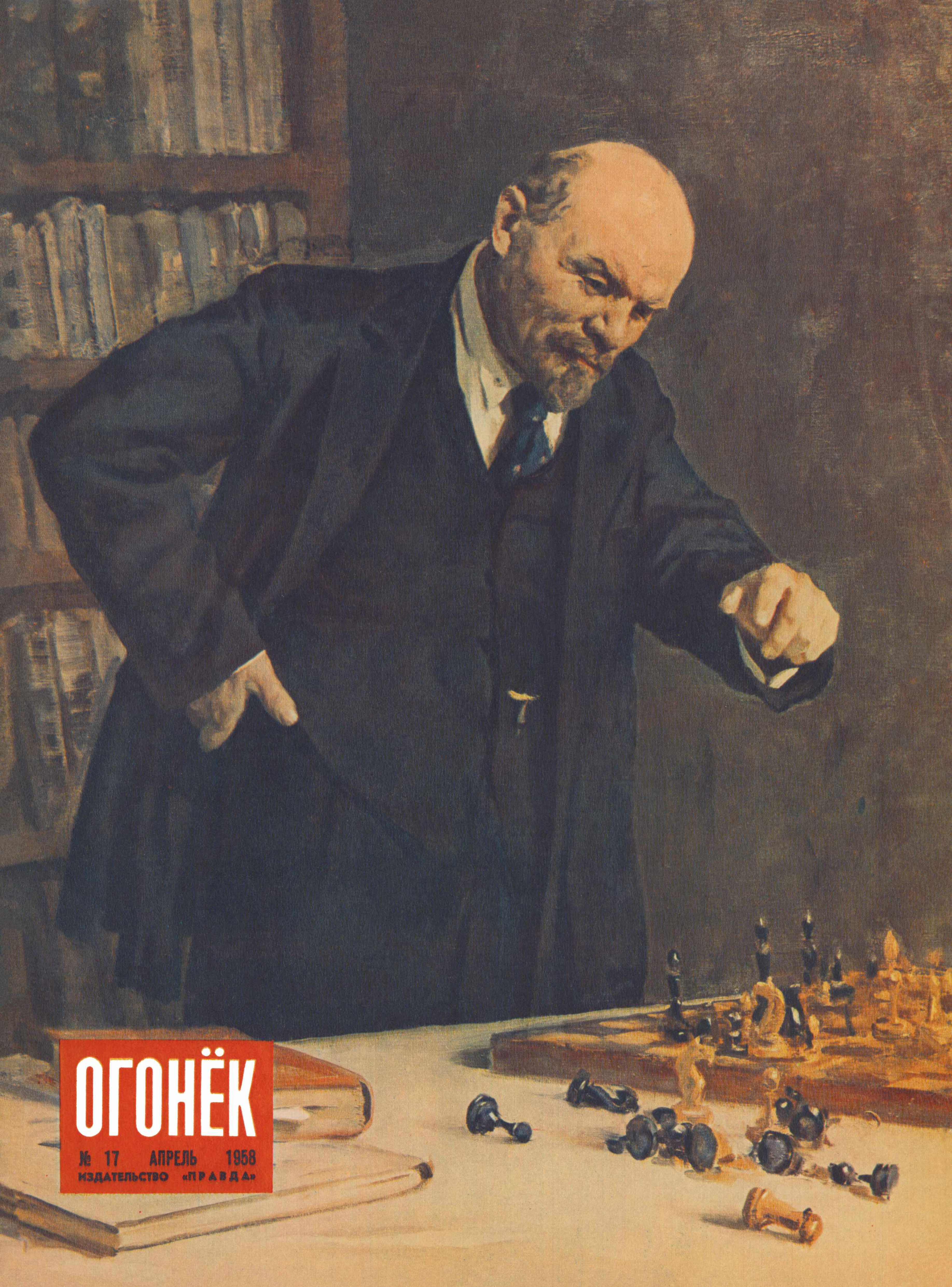

ОГОНЁК
№ 17 АПРЕЛЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Строительство железобетонного двухъярусного моста в Лужниках, который свяжет центр Москвы с Юго-Западным районом.

Фото М. Савина.

На первой странице обложки: **В. И. ЛЕНИН НА ОТДЫХЕ.**

Картина П. Ф. Судакова.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

На четвертой странице обложки: На Волге. Последние льдины.

Фото Г. Санько.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 17 (1610)

20 АПРЕЛЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

15 апреля в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылся XIII съезд ВЛКСМ.

Со всех концов необъятной нашей страны съехались в столицу лучшие сыны и дочери Ленинского комсомола: передовые рабочие заводов и фабрик, строители домен, шахт, электростанций, покорители целины, вожаки колхозной молодежи, советские студенты. Всех их объединяют любовь к Коммунистической партии, славные трудовые дела на благо Родины.

Член Президиума и секретарь ЦК КПСС тов. А. И. Кириченко огласил приветствие XIII съезду ВЛКСМ от Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

С отчетным докладом Центрального Комитета ВЛКСМ выступил секретарь ЦК ВЛКСМ тов. А. Н. Шелепин.

На снимках: делегаты и зарубежные гости съезда встречают аплодисментами появление в президиуме руководителей партии и правительства.

Фото Б. Кузьмина.

По приглашению Государственного совета Польской Народной Республики 16 апреля из Москвы в Польшу отбыл К. Е. Ворошилов. В поездке К. Е. Ворошилова сопровождают: Е. А. Фурцева, депутат Верховного Совета СССР, секретарь и член Президиума ЦК КПСС, К. Т. Мазуров, член Президиума Верховного Совета СССР, кандидат в члены Президиума ЦК КПСС и первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, С. В. Червоненко, председатель Мандатной комиссии Совета Национальностей Верховного Совета СССР, секретарь ЦК Компартии Украины, А. Ю. Снечкус, член Комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР, первый секретарь ЦК Компартии Литвы, В. П. Елютин, министр высшего образования СССР, Н. С. Патоличев, депутат Верховного Совета СССР, первый заместитель министра иностранных дел СССР, П. А. Абрасимов, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Польской Народной Республике.

На снимке: проводы на Белорусском вокзале.

Фото М. Савина.

«ПРЕКРАТИТЕ ИСПЫТАНИЯ И НАЧНИТЕ ПЕРЕГОВОРЫ»,— ГОВОРИТ АНГЛИЙСКИЙ НАРОД

Гарри ЛЕСТЕР

В воскресенье 13 апреля более двенадцати тысяч человек собрались на Трафальгарской площади в Лондоне на митинг, организованный лейбористской партией и Британским конгрессом тред-юнионов, чтобы потребовать прекращения испытаний атомного оружия и созыва совещания в верхах. Бурными аплодисментами были встречены слова лидера лейбористской партии Хью Гэйтскелла, заявившего, что правительства Англии и США должны последовать примеру Советского Союза и прекратить испытания.

Незадолго до этого митинга свыше пяти тысяч человек из самых различных слоев общества и из всех партий отправились с того же самого места на Трафальгарской площади в четырехдневный поход к Центру исследований атомного оружия в Олдермастоне, расположенном на расстоянии свыше 80 километров от Лондона, чтобы потребовать прекращения испытаний атомного оружия.

Это были пасхальные дни в Англии и, хотя пасха была самая холодная за все прошедшее столетие, хотя температура воздуха была, как в декабре, кроме пяти тысяч участников марша, на Трафальгарскую площадь пришли еще пять тысяч зрителей. Это был один из величайших маршей, какие видела когда-либо Англия.

По мере того, как колонна продвигалась на запад от Лондона, тысячи людей в городах и деревнях, через которые пролегал маршрут, выходили на улицу, чтобы приветствовать и подбодрить участников похода. Фермеры приносили им яйца, масло, молочные продукты, а жены фермеров опустошали свои буфеты, чтобы напоить их чаем и прохладительными напитками. Участники марша ночевали в залах, предоставленных местными лейбористскими и профсоюзными организациями, а также в частных домах местных жителей.

Общее настроение участников марша хорошо выразил лейборист Дэвис, который сказал: «Мы все шли в поход ради счастья на земле. Никакого счастья не может быть, пока этот ужас царит в небесах».

Участники марша получили приветственные послания из многих стран, в том числе из США, а пастор Нимеллер специально приехал из Германии, чтобы самому принять участие в этом марше.

Подойдя к Центру исследований атомного оружия с его проволочными заграждениями и надписями «опасно», участники марша, прежде чем собраться на заключительный митинг, медленно обошли территорию Центра кругом в полном и внушительном молчании.

На митинге они выслушали заявление пастора Нимеллера о том, что борьба за ядерное разоружение является делом не одного народа, а народов всех стран. «Над нами надругался Гитлер, используя пленных как морских свинок, но теперь ваши дети и внуки используются как морские свинки в ядерных испытаниях. В борьбе за прекращение испытаний у вас есть товарищи и союзники во всем мире, в том числе и в моей стране».

Затем была единогласно принята резолюция, которую на следующий день представили премьер-министру Англии, американскому и советскому послам.

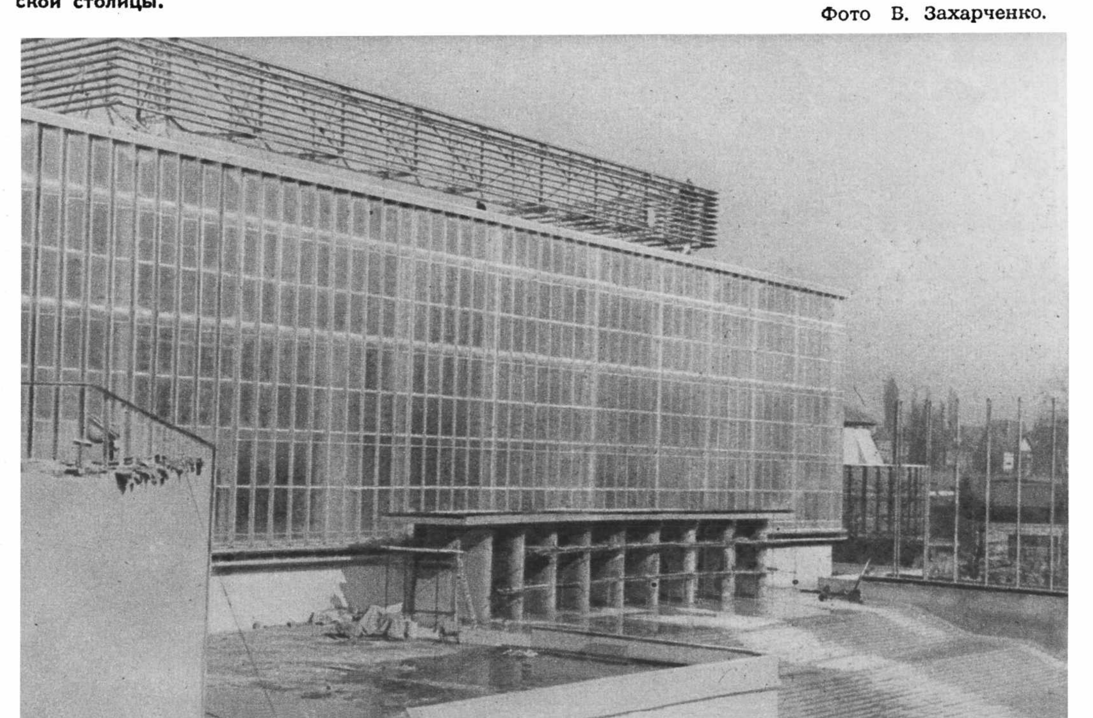
Американский посол отказался принять делегацию. Советский посол Яков Малик лично принял ее и более часа беседовал с делегацией, возглавляемой членом парламента, лейбористом Феннером Броккуэем. «Я торжественно заявляю,— сказал советский посол,— что ваши требования и наша позиция совпадают. Я настроен оптимистично и считаю, что эти проблемы будут решены».

Мощные демонстрации прошедших двух недель вдохновили английский народ на еще более активную борьбу, целью которой является покончить с самоубийственной политикой гонки атомных вооружений.

Лондон, апрель.

«Мир и труд» — таков девиз Советского павильона на Всемирной выставке в Брюсселе. Еще задолго до официального открытия выставки у этого павильона собирались жители бельгийской столицы.

Фото В. Захарченко.

Праздник музыки

14 апреля в Москве закончился Международный конкурс пианистов и скрипачей имени П. И. Чайковского. Это крупнейшее событие в мировой культурной жизни вылилось в светлый, вдохновенный праздник музыки.

Мы попросили члена жюри конкурса скрипачей композитора АРАМА ХАЧАТУРЯНА и заместителя председателя жюри конкурса пианистов известного польского музыкального деятеля ГЕНРИХА ШТОМПКА поделиться своими впечатлениями о конкурсе.

Фото Е. Умнова.

Музыканты, награжденные первыми премиями: скрипач Валерий Климов (СССР) и пианист Ван Клиберн (США).

УСПЕХ СОВЕТСКОЙ СКРИПИЧНОЙ ШКОЛЫ

— Талантливая артистическая молодежь произвела на меня неизгладимое впечатление,— говорит А. И. Хачатурян.— Всех участников конкурса при различии наклонностей, темперамента, вкуса, манеры исполнения роднит прежде всего служение искусству, любовь к музыке, страстное желание внести и свою лепту в исполнительскую музыкальную культуру.

Труден был путь победителей конкурса. Такой сложной программы не знало ни одно соревнование музыкантов за последние двадцать лет. Авторитетное требовательное жюри как бы «прощупывало» исполнителей со всех сторон.

Концерт для скрипки с оркестром Чайковского, который играли все участники конкурса скрипачей, дает возможность исполнителю проявить все стороны дарования. Исключительно сильным был состав участников. Большинство, несмотря на свою молодость, имеет за плечами многолетний опыт выступлений.

Тем более почетна победа аспиранта Московской государственной консерватории Валерия Климова. Это зрелый артист выдающегося дарования. Отточенная техника, глубокое понимание музыки принесли ему заслуженный успех и лавры победителя. Достойным соперником Климова оказался завоевавший вторую премию В. Пикайзен — музыкант большого дарования, с отличным вкусом, с превосходным исполнительским мастерством. Приятно отметить успех блестящего виртуоза, талантливого румынского скрипача Штефана Рухи. Было бы несправедливо обойти молчанием мастерство и талант таких исполнителей, как М. Лубоцкий, Д. Флисслер, В. Либерман, В. Жук, Э. Камилларов, Т. Козигян... К их числу следует отнести и австралийскую скрипачку М. Кимбер. Ее отличают большой талант, виртуозность, чистота звука.

Успех советских музыкантов, завоевавших шесть призовых мест из восьми,— это успех советской исполнительской скрипичной школы, пользующейся всемирным признанием. Ее по праву возглавляют выдающийся скрипач современности Давид Ойстрах, а также Леонид Коган.

Я надолго сохраню теплые воспоминания о моих коллегах — членах жюри, о той обстановке взаимной симпатии, дружеского понимания, которая царила во время официальных заседаний и в частных встречах.

РАДОСТНОЕ ОТКРЫТИЕ ТАЛАНТОВ

— Я неоднократно участвовал в работе жюри международных состязаний музыкантов в Париже, в Рио-де-Жанейро, Лиссабоне, Варшаве, но закончившийся конкурс имени П. И. Чайковского мне особенно запомнится,—сказал Генрих Штомпка.— Он проходил на выдающемся художественном уровне. Участникам пришлось выдержать в высшей степени серьезное и трудное испытание своих исполнительских и волевых качеств. Программа конкурса предусматривала такой всеобъемлющий комплекс произведений, который под силу только высокоодаренным виртуозам. Я не помню такого конкурса, где бы музыканту пришлось играть одновременно два концерта с оркестром, которые требуют огромной музыкальной эрудиции, как это было в финальном туре пианистов в Москве. Однако участники оказались на высоте. Первенство в таком состязании — это признание выдающихся артистических способностей международного класса.

Выступление американского пианиста Ван Клиберна в III туре стало откровением и для членов жюри и для слушателей. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что мы слышали гениального виртуоза.

Из советских участников конкурса наиболее одаренным показал себя Л. Власенко, завоевавший вторую премию,— пианист с безупречной техникой, превосходным пониманием музыки.

Эмоциональную возвышенность, яркую творческую индивидуальность продемонстрировал Н. Штаркман. Он награжден третьей премией.

Большим сюрпризом явилось для меня прекрасное выступление китайского пианиста Лю Ши-куня, удостоенного второй премии,— пианиста большого масштаба, серьезного и вдумчивого, а также выступление японского пианиста Тоиоаки Мацуры, обладающего блестящей техникой и огненным темпераментом.

Очень жаль, что на финальное прослушивание не попала ученица профессора Л. Оборина — Н. Юзбашева, мастерство которой окрашено обаянием и поэтичностью. Я не сомневаюсь, что у этой пианистки большое будущее.

Хочется пожелать музыкантам, участвовавшим в международном творческом соревновании, новых больших успехов, дальнейшего совершенствования своего мастерства.

Высокий художественный уровень конкурса определялся и составом жюри.

Я безмерно счастлив, что мне пришлось заседать с этими выдающимися музыкантами мира.

Хороший подарок преподнес смотру пианистов советский композитор Д. Кабалевский, написавший специально для конкурса Рондо.

В заключение я хотел бы выразить уверенность в том, что конкурсы имени П. И. Чайковского и в дальнейшем явятся радостными открытиями талантов. Это будет лучшей данью памяти гениального русского композитора.

Председатель оргкомитета конкурса народный артист СССР Д. Д. Шостакович вручает награду пианисту Лю Ши-куню, получившему вторую премию.

В Советском Союзе по приглашению Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова в связи с Международным конкурсом музыкантов имени Чайковского гостила Ее Величество Елизавета, королева Бельгии.

Почетная гостья совершила поездку по нашей стране. Она побывала в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Тбилиси, Сочи. 14 апреля состоялась беседа Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева с королевой Бельгии. В тот же день Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов устроил в честь королевы прием в Большом Кремлевском дворце.

На снимке: королева Бельгии Елизавета в Кремле на приеме у К. Е. Ворошилова.

Фото В. Носкова.

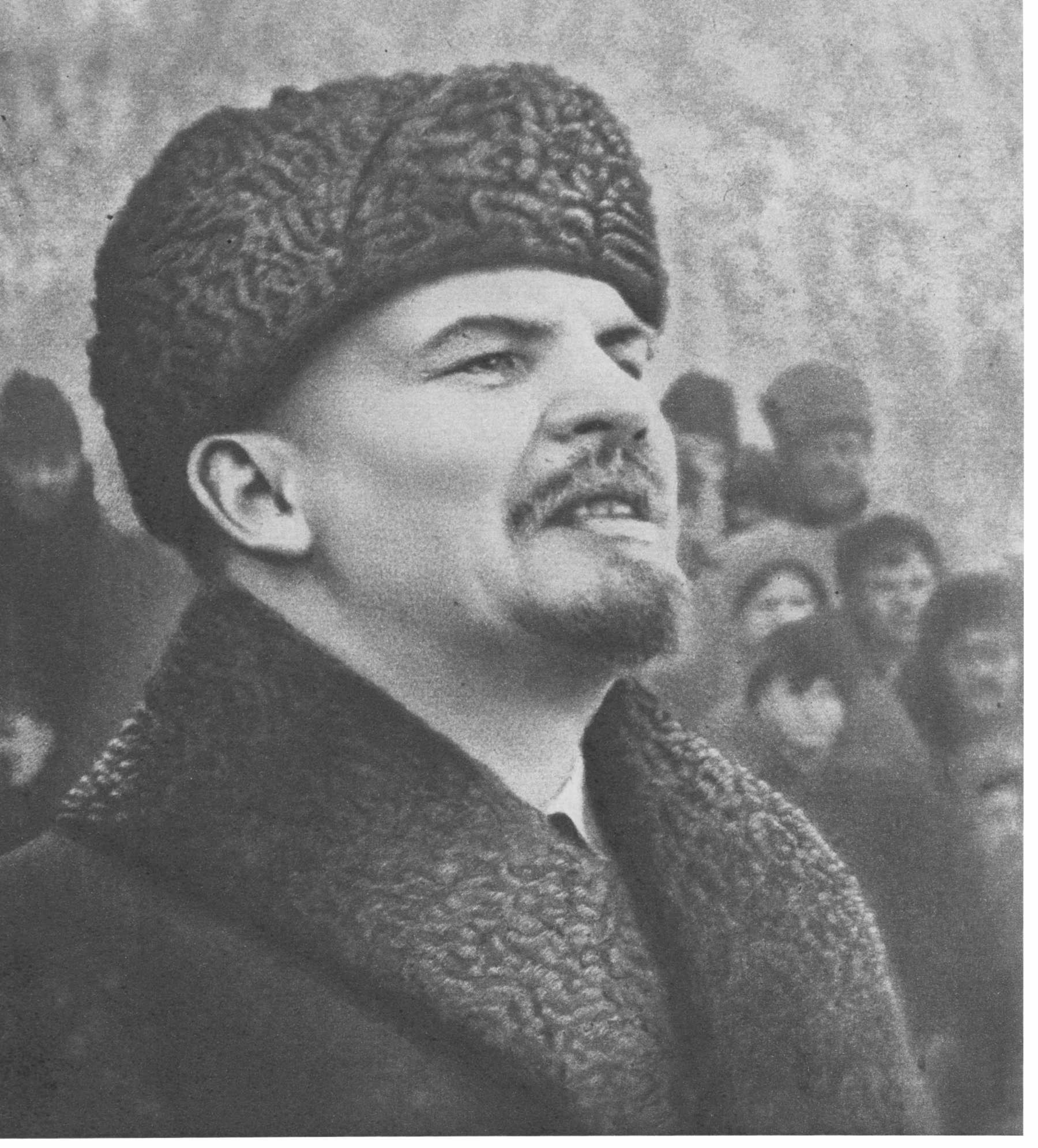

Лауреаты (слева направо): советский пианист Лев Власенко (2-я премия), советский скрипач Виктор Пикайзен (2-я премия), румынский скрипач Штефан Руха (3-я премия).

В ПИТЕРЕ И В МОСКВЕ

Рассказ
Маргариты Васильевны **ФОФАНОВОЙ**

В «Огоньке» № 44 за 1956 год были опубликованы мои воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Они относились к тому периоду, когда Ильич, находясь в подполье, скрывался у меня на квартире. Это было в самый канун Октябрьской революции.

...Продолжу свой рассказ.

Первую неделю новой, социалистической эры я провела почти безотлучно в Смольном. Была на заседании Петроградского Совета, депутатом которого являлась, на II съезде Советов, дежурила в Военно-революционном комитете у телефонов, выполняла, как и другие товарищи, отдельные поручения Ильича. На первых порах главным из этих поручений была раздача листовок с декретами о мире и о земле. Листовки мы раздавали не только разъезжавшимся делегатам съезда, но и всем собиравшимся в путь фронтовым солдатам, деревенским ходокам, которых так много было тогда в Смольном. Ленин просил нас не жалеть листовок, давать каждому столько, чтобы он мог как можно больше распространить их в дороге. При всей своей занятости Ильич то и дело заглядывал в комнаты, где шла раздача, и несколько раз звонил в типографии, чтобы ускоряли печатание декретов. «Человек, у которого в руке наши декреты, — говорил Ленин, — вооружен самым мощным, самым необходимым сейчас оружием. Такой человек — лучший агитатор за идеи революции».

Ильич часто выезжал в те дни из Смольного: то в штаб, руководивший военными действиями против войск Керенского, то на заводы, и в частности на Путиловский, где строился бронепоезд, то на митинги. А приближались морозы. И Надежда Константиновна с Марией Ильиничной поглядывали с беспокойством на легонькое демисезонное пальтецо, в котором расхаживал Ильич. Еще когда он жил у меня на Сердобольской, это пальто решено было утеплить, подложив ватин. Тогда же я приготовилась вспороть подкладку. Но Владимир Ильич, давший сначала согласие на эту операцию, сказал вдруг: «Маргарита Васильевна, не нужно этого делать. Боюсь, на ватине пальто станет мне udесновато. Лучше купим, чуть погодя, настоящее зимнее».

Я поняла его маленькую хитрость: просто не хотел меня утруждать. В Смольный он ушел в демисезонном пальто и продолжал ходить в нем в холодную погоду. Не раз заговаривали с ним о необходимости приобретения шубы, но он только шутливо отмахивался. И лишь когда ударили морозы, дал наконец согласие на покупку. Дожидаться, что он улучит часок и сам отправится в магазин, было, конечно, безнадежно. И Надежда Константиновна сказала мне: «Маргарита, ты знаешь, я не специалист в этих делах. Очень прошу тебя, поезжайте-ка с Манечкой и купите Володе шубу...»

Мы поехали с Марией Ильиничной в «Деловой двор», большой универсальный магазин на Мойке, близ Невского. Там, в отделе готового платья, мы выбрали Ильичу пальто с черным каракулевым воротником, на вате, из добротного материала, хорошее, удобное, правда, с одним, на мой взгляд, недостатком: воротник — шалью. Он красив, но с обыкновенным воротником, который можно застегнуть, все-таки теплее. К сожалению, с застежными, английского типа воротниками были только меховые шубы, очень дорогие, совсем не по средствам, имевшимся в нашем распоряжении... Кроме пальто, мы купили Ильичу и каракулевую шапку-ушанку. У нас еще оставалась некоторая сумма. Продавались великолепные вязаные мужские жилеты из чистой шерсти. «Возьмем!» — предложила я. Мария Ильинична задумалась: «Не сочтет ли нас Володя транжирами?» Я стала уговаривать. «Ладно, — сказала она. — Вещь, действительно, чудесная. Покупаем!»

И пальто и шапка понравились Владимиру Ильичу. А вот третьей нашей покупки, как и предполагала Мария Ильинична, не одобрил: «Неразумная трата денег. Ты, Маняша, переусердствовала...» Мария Ильинична смолчала, приняв таким образом всю вину на себя, не выдав истинной виновницы «неразумной траты». Этот жилет Ильич в Питере так ни разу и не надел, считая его излишней роскошью...

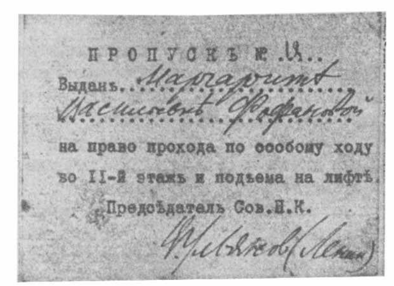
К моменту покупки пальто — а это было в самом начале ноября — «Ильичи» (так друзья называли супружескую пару Ульяновых) не имели еще своей квартиры. Владимир Ильич ночевал у Бонч-Бруевича на Херсонской, а если задерживался на работе допоздна, то ложился отдыхать в маленькой комнатушке, примыкавшей к совнаркомовской канцелярии. Весь тогдашний Совнарком размещался в трех комнатах: кабинет Ленина, приемная и канцелярия. Мне кажется, что следовало бы в этих комнатах на третьем этаже левого крыла Смольного восстановить обстановку той поры и открыть их для обозрения, как это сделано с квартирой Ульяновых здесь же, в Смольном...

Надежда Константиновна до получения квартиры жила у Елизаровых на Петроградской стороне. А работала она на Выборгской в районном Совете. И бывало, они с Владимиром Ильичем, закрутившись в делах, сутками не встречались. Помню, как однажды Ильич, дня два уже не видя Надежды Константиновны, попросил меня по дороге домой — я жила тоже на Выборгской — «забежать к Наденьке в Совет и разведать, здорова ли она».

Но вот наконец квартира получена, «Ильичи» вместе! Расположено их жилье удачно: в том же крыле, где и Совнарком, и прямо под совнаркомовскими «апартаментами» — этажом ниже. Квартира представляла собой, собственно, одну комнату, так как вторая, проходная, была полуумывальной, полукухней, заставленной к тому же какими-то огромными шкафами, наследством института благородных девиц... Квартира охранялась красногвар-

дейцами, и попасть сюда можно было лишь по специальным пропускам, которые выдавал сам Ильич. Круг лиц, обладавших ими, был ограничен. У меня имелся пропуск № 12, заполненный и подписанный рукой Владимира Ильича. Эту желтенькую картоночку я долго хранила у себя, а затем передала в музей.

Вот этот пропуск:

ПРОПУСКЪ № 12

Выданъ Маргарите Васильевне Фофановой

на право прохода по особому ходу во II-й этажъ и подъема на лифтѣ.

Предсѣдатель Сов.Н.К.

В. Ульянов (Ленин)

Надежде Константиновне из-за ее чрезмерной занятости трудно было вести хозяйство. Ей необходим был помощник. Таким помощником, а вернее, деятельным, энергичным «управителем», стала несколько позже мать финского большевика А. В. Шотмана, хорошо знакомого Ильичу по подполью. Она приняла на себя все основные хлопоты по дому. А пока ее не было, Надежде Константиновне помогала Мария Ильинична, помогала и я. Моя домашняя работница Юзя готовила Ульяновым обед, прибирала у них в квартире. Юзя только что вернулась из деревни, куда ездила навестить своих больных родителей. И, конечно же, Ильич, жадно ловивший в те дни каждую весточку с мест, не упустил случая, чтобы расспросить ее обо всем виденном. Как восприняли в их деревне известие о революции? Что говорят про декрет о земле? Как собираются распорядиться помещичьим хозяйством?.. Обстоятельная Юзя подробнейшим образом доложила обо всем этом Ильичу.

Юзя была глубоко верующей католичкой. Превыше ксендза не было для нее авторитета. С ним, ксендзом, она советовалась по любому поводу, большому и малому. Платье ли собирается шить, письмо ли пишет — непременно бежит к своему духовному отцу. А вот от чая с сахаром отказалась, не поконсультировавшись с ксендзом. Дело в том, что, по установившейся в Питере традиции, прислуге, кроме основного жалованья, полагалось еще выплачивать специальные деньги «на чай с сахаром». Получала их у меня и Юзя. Но однажды говорит: «Маргарита Васильевна, вы мне «чайных» больше не платите. Выпишите мне лучше на эти деньги «Красную газету». Оказывается, побывала она на митинге, где выступал Володарский. И так взял он ее за душу, так понравился ей его пламенная речь, что стала моя Юзефа бегать по всем митингам, на которых ожидалось выступление Володарского. Купила его портрет и повесила у себя над кроватью. Узнала, что редактирует он «Красную газету». И вот хочет выписать ее. «А ты с ксендзом посоветовалась?» — спрашиваю. «Ну зачем с ним про такое?..» — отвечает в смущении.

Рассказала я об этом Ильичу. Он в восторге. «Чаю с сахаром предпочла, говорите, нашу «Красную газету»? А ксендзу — нашего Володарского? Превосходно! Архипревосходно! Вы даже не представляете себе, Маргарита Васильевна, сколь значителен данный факт...» Ильич и позже, в Москве уже, не раз вспоминал этот случай с Юзей, приводя его в пример того, как революционные идеи благотворно влияют на человеческие умы...

Я агроном по образованию. И Владимир Ильич часто давал мне поручения, связанные с деятельностью Наркомзема. А потом и говорит: «Пора вам садиться непосредственно в наркомат».

Трудно было работать в этом ведомстве. Вся коллегия, начиная с наркома, состояла здесь из левых эсеров. Они много шумели о так называемой «социализации» земли, а по существу, тормозили выполнение декрета о земле. Поначалу я была, кажется, единственной большевичкой на весь Наркомзем и чувствовала себя тут одинокой и порой беспомощной. С какой завистью слушала я за столом у Ульяновых рассказы Надежды Константиновны о ее работе в Наркомпросе, куда она перешла недавно из района! Вот это был действительно большевистский наркомат, осуществлявший подлинную революцию в просвещении! А наш — эсеровская вотчина, болото... Но Ленин не спешил с удалением левых эсеров из Наркомзема. За их лозунгами шла еще определенная, довольно значительная часть крестьянства. И это следовало учитывать. «Не падайте духом, уважаемый товарищ! — говорил мне Ильич. — Выше голову. Твердо держитесь своей линии... Но не будем торопиться! Жизнь сама скоро разоблачит лозунги левых эсеров, вскроет гнилую сущность их «социализации»...»

В начале марта я была как-то у Ульяновых, и Владимир Ильич сказал: «Маргарита Васильевна, не для широкой огласки... Будем переезжать в Москву. Как вы? Поедете? Останетесь?» «Возьмут — поеду...» «Почему не возьмут? Я напишу, чтобы вас включили в список». И тут же набросал записку наркому. Я передала ее по назначению и начала потихоньку собираться в дорогу. Вскоре был назван день отъезда — 10 марта. А утром десятого нарком несколько смущенно и как бы извиняясь объявил мне: «Знаете, нам урезали число отъезжающих, и вам придется повременить...» Это было огорчительно, но я решила, что и в Петрограде найдется работа, и, распаковав чемодан, плетенку, отправилась к Ульяновым попрощаться. Застала их за сборами. Ильич перевязывал книги. «А вы уже собрались?» — спросил он. «Я не еду, Владимир Ильич. Меня вычеркнули из списка. Я пришла сказать вам «до свидания». «В кошки-мышки играют господа эсеры, — сказал зло Ильич. — Вычеркнули, говорите? Ну что ж, поедете вычеркнутой. Нам в любом виде нужны большевики в Наркомземе...» Пришлось снова упаковываться.

Живу в Москве. Работаю попрежнему в Наркомземе. Большевистского полку прибыло здесь. Но левые эсеры все же в преобладании. Продолжают мышиную возню с «социализацией», с мертворожденными «земельными советами». А делом — агрономией, животноводством — не занимаются, губят всякое живое начинание. Ильич вынужден многие вопросы по сельскому хозяйству решать через голову наркомземовского руководства. Так было с подмосковными огородами.

Весна в разгаре, нужно думать о посадке овощей. Ильич запросил деятелей из Наркомзема: каковы у них планы на этот счет? Как предполагают снабдить Москву капустой, картошкой, свеклой? Коллегия прислала длиннющий «прожект» на веленевой бумаге. Главная надежда, по этому «прожекту», на завоз из дальних областей. Какое дело Наркомзему до того, что разгорается гражданская война, что транспорта не хватает! Дальний завоз, и все тут... Ильич видит, что с Наркомземом каши не сваришь, что оставит Наркомзем столицу без овощей. И тогда Ильич наводит справки по другим каналам. Узнает, что при Моссовете образовался в инициативном порядке огородный отдел, что есть там «энтузиаст картошки и капусты» агроном Буланже Владимир Александрович. Ленин разыскивает его, звонит по телефону, просит зайти.

О разговоре, который состоялся у них, рассказывал мне недавно сам Владимир Александрович. Ильич интересовался: какова уже имеющаяся огородная база под Москвой? Что нужно для ее расширения? Какой требуется инвентарь, сколько? Где доставать рассаду?.. Тут же, при Буланже, позвонил в банк и распорядился о кредитах огородникам. Потом связался по телефону с Дзержинским. «Мы тут, Феликс Эдмундович, — сказал Ильич, — задумали огородную эпопею. Хотим досыта накормить Москву овощами. О деталях мы с вами еще поговорим, а сейчас испрашиваю у вас только принципиального согласия встать во главе этого важнейшего, архиважнейшего дела. Наркомзем загубит нам его на корню... Рад, очень рад, Феликс Эдмундович, что вы беретесь...» И армия огородников, вооруженных лопатами, двинулась под командованием железного Феликса на подмосковные поля. Это был первый шаг к тому, чтобы вокруг столицы была создана

Рисунок П. Васильева.

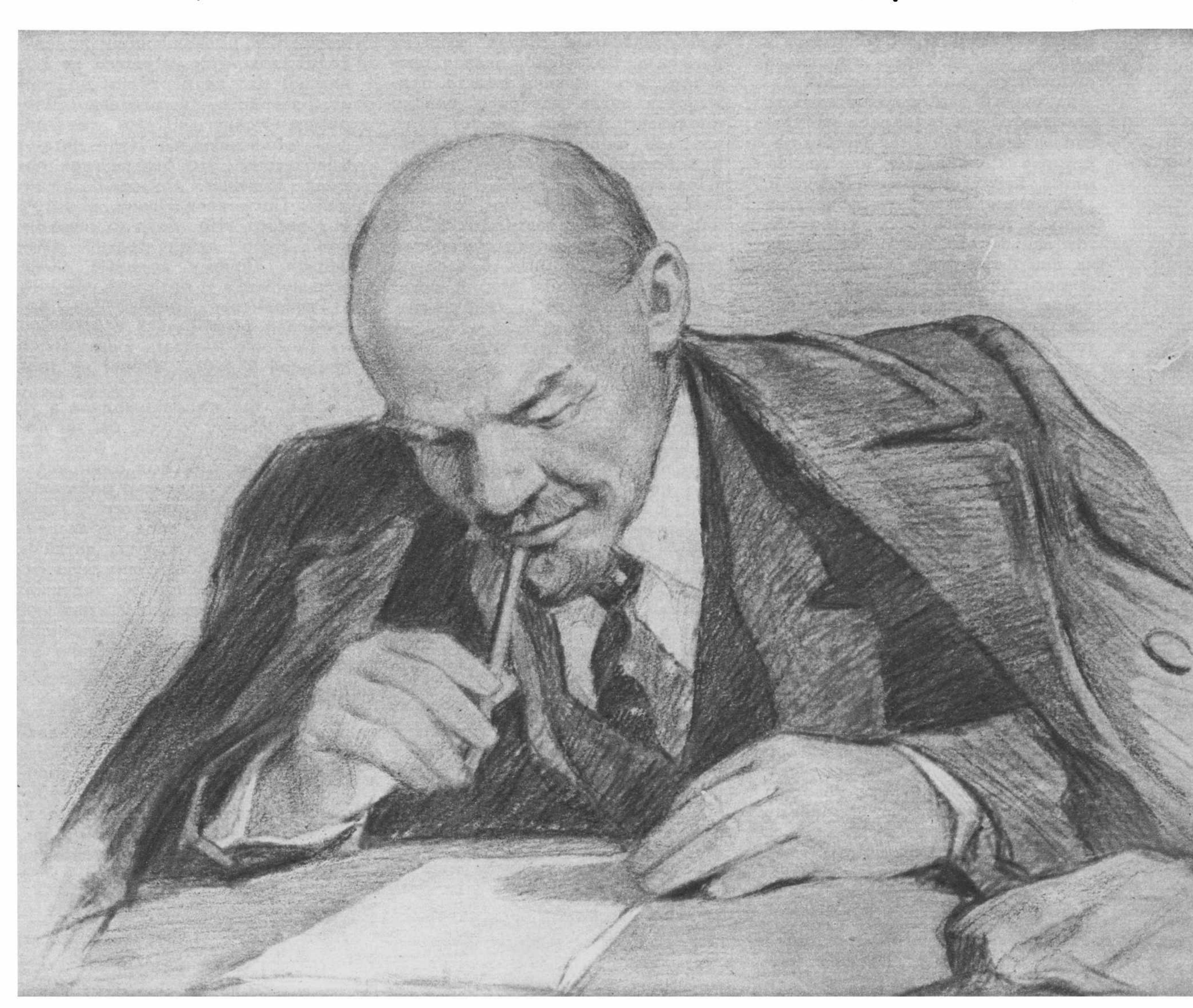

Рисунок П. Васильева.

овощная зона радиусом в 30—40 километров...

Как и в Питере, я бывала на квартире у Ульяновых. Мне приходилось много ездить по стране. И каждый раз после возвращения из командировки — то с Украины, то с Поволжья — я попадала «под обстрел» Ильича. Он обрушивал десятки вопросов, и тут уж нельзя было отделаться общими словами. Выкладывай детали, живые наблюдения, факты. От такого его расспроса не удавалось ускользнуть ни одному работнику Совнаркома или наркоматов, вернувшемуся из поездки.

В конце августа я собиралась ехать в уездный городок Мологу, тот самый, что находится сейчас на дне Рыбинского моря. Из-под Мологи пришла телеграмма от председателя местного комбеда. Он просил прислать «представителя из Кремля» для приемки в распоряжение государства «всех бывших помещичьих угодий и ценностей». Ильич знал об этой телеграмме и хотел дать мне перед отъездом какие-то указания. Но в тот день, когда я должна была к нему явиться, случилось страшное несчастье: эсерка Каплан стреляла в Ленина...

К раненому Ильичу не пускали никого, кроме самых близких. О состоянии его здоровья страна узнавала из бюллетеней, которые ежедневно печатались в «Правде». Я несколько раз говорила по телефону с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной. Голос у той и у другой становился с каждым разом бодрей: Ильич поправлялся. И вот наконец кто-то из них, я уж не помню, кто именно, говорит: «Приходи завтра к утреннему чаю». Сколько раз виделась я с Ильичем, беседовала с ним! И все же в то утро шла по кремлевскому двору, с трудом сдерживая волнение.

Дверь открыла медсестра. Когда я вошла в столовую, там были Надежда Константиновна и Мария Ильинична. А где же Ильич? Вот и он выходит из спальни. Лицо бледное, но глаза живые, веселые. Левая рука на перевязи. Ее, видно, нельзя разгибать, и на Ильиче вместо пиджака, в рукав которого она не пролезает, вязаный жилет. Тот, что мы купили в Петрограде... В здоровой руке Ильич держит «Правду». Увидел меня, поздоровался, и сразу к Марии Ильиничне: «Маняша, с завтрашнего дня надо бы прекратить печатание бюллетеней. Хватит!» Сказал он это ей потому, что Мария Ильинична работала секретарем «Правды».

«Как вы себя чувствуете, Владимир Ильич?» — спросила я. «Самым наилучшим образом. Пора на службу!.. А вы еще не были в Мологе?» «Еду послезавтра». «Я навел кое-какие справки об этом поместье,— говорит Ильич.— Оно принадлежало Мусину-Пушкину, богачу, меценату. Там у него должна быть редчайшая коллекция картин. Так вы не утруждайте себя приемкой этих ценностей. Я уже созвонился с Луначарским. Он вышлет туда когонибудь из своих музейщиков. А вы займитесь чисто агрономической стороной дела... Ну, хватит о делах!»

Вернувшись из Мологи, я предстала перед Ильичем с докладом о поездке. Я старалась говорить обстоятельней, подробней, зная, что Ильича все интересует. И то, что на пристани в ожидании парохода стояли извозчики, и что в гостинице, принадлежащей уездному исполнительному комитету, было чисто, натоплено, можно было заказать в номер ужин, и что из города я могла позвонить в поместье по телефону, и за мной прислали лошадь, и ехали мы по хорошей, накатанной дороге... Все это радовало Ильича, которого раздражали наскоки зарубежной печати, утверждавшей, что в России все летит прахом, рушится и гибнет. А с каким одобрением кивал Ильич головой, когда я рассказывала о комбеде, во главе которого стоит бывший пастух. Дом со всеми его 100 комнатами, с картинной галереей, с ценнейшей мебелью сохранен таким, «каким был при барине». Ценности занесены в особую опись, которую комбед приготовил к приезду представителей Наркомпроса. На трех молочных фермах племенные коровы — «симменталки», «швицы», «голландки» — в чистоте и в холе. Урожай собран весь до зернышка и хранится в закромах. На складах точнейший учет. В саду и яблочка не пропало. А в роще, примыкающей к усадьбе, ни деревца не тронуто. Не выдержал Ильич, воскликнул: «Браво комбеду!.. Пусть приезжают господа заграничные буржуи и дивятся на русского «дикого» мужика, который отлично справляется без бар и без мироедов...»

Осенью коллегия Наркомзема была целиком обновлена. Места левых эсеров заняли большевики. По предложению Ильича меня тоже ввели в коллегию. Я ведала вопросами животноводства, и мне приходилось теперь часто бывать у Ильича с докладами. Помню, как во время одного из таких докладов вошла секретарь и протянула мне срочную телеграмму из Тамбова. Я прочитала и расхохоталась. «Что вас так рассмешило?» — спрашивает Ильич. Я прочла вслух: «Воинская часть арестовала самовольно лучшие барабаны. Прошу немедленно вмешаться. Заведующий конезаводом такой-то». «Ничего не понимаю! Что за барабаны на конном заводе?» — недоумевает Владимир Ильич. «Шутки телеграфа,— объясняю я.— Надо читать: брабансоны. Это бельгийская порода тяжелых, грузовых лошадей». Посмеялся Ильич, а потом и говорит: «Но дело-то серьезное. Надо действительно вмешаться. Почему военные самовольничают?» И позвонил при мне в Реввоенсовет республики, потребовал разобраться с жалобой из Тамбова, наказать виновных, а лошадей вернуть. Ленин не терпел анархии...

С чем бы я ни приходила в ту пору к Ильичу, о чем бы ни докладывала ему, среди всех его вопросов ко мне был один неизменный: «Что слышно о ребятах?»

Осенью семнадцатого, готовясь скрывать у себя на квартире Ленина, я отправила детей — Галю и Сергея — в Уфимскую губернию к бабушке и дедушке. Думала, ненадолго. Но разлука затянулась: Уфа была захвачена белыми, затем освобождена на короткий срок и снова занята белярами.

Судьба моих ребят все время заботила Ильича. Вызывает както к себе, знакомит с находившимся в кабинете молодым военным и говорит: «Товарищ собирается «в гости» к белым... Будет, возможно, в Уфе. Не хотите ли, Маргарита Васильевна, передать что-либо ребятам? Может, пошлем им денег, которые имеют хождение в Уфе? Они есть у нас в банке...» Так и сделали. Деньги вместе с моим письмом к детям были вручены храбрецу, отправлявшемуся в тыл врага. Позже я узнала, что этот человек выполнил все задания Ильича, в том числе и связанное с моими ребятами. Он разыскал их и отдал письмо, деньги. А в Москву уже не вернулся, погиб...

Когда шли бои за окончательное освобождение Уфы, Ленин приказал первой же воинской части, которая ворвется в город, найти моих детей и вывезти...

К осени девятнадцатого Галя и Сережа были в Москве.

А осень эта выдалась тяжкая, голодная. Не забуду, как, получив жалованье, я отправилась в Охотный ряд и на все свои наличные купила продуктов, которых могло хватить лишь на два, ну на три дня, не больше. А чем все остальное время кормить ребят? Как жить дальше?

С этими грустными мыслями я и пришла в тот день к Ильичу с очередным докладом по делам Наркомзема. И вид у меня был, наверно, такой озабоченный и, может быть, даже растерянный, что Ильич спросил: «Что с вами? Почему закручинились?» Я сослалась на головную боль. Но разве Ильича проведешь! Он продолжал допытываться, и я призналась, что меня тревожит. Задумался Ильич, печальными стали его глаза. И я уже пожалела, что сказала ему о своих заботах. «Ничего, ничего,— произнес он тихо,— вытянем, выдюжим, Маргарита Васильевна! Сейчас вот подсчитываем все наши наличные ресурсы. Думаю, что урвем чегонибудь на паек для членов коллегии...»

Галя, дочка моя, заболела. Неправильный диагноз и неправильное лечение усугубили недуг. А был у нее туберкулез позвоночника. Куда везти Галю? Где лечить? Поделилась я своей бедой с Надеждой Константиновной, а та рассказала Владимиру Ильичу. И вот уже через много лет, в Ленинском сборнике, прочла я письмо Ленина, с которым он обратился в ЦК партии и о котором я тогда и не подозревала.

Обращаясь в Секретариат ЦК, Ильич писал:

«1) Дочь Маргариты Васильевны Фофановой, 15 лет, больна тяжелой формой костного туберкулеза. Прошу отправить ее (если окажется необходимым, с матерью) в Ригу, в нашу санаторию. Средств, конечно, не имеют.

М. В. Фофанову я знаю как энергичную и преданную большевичку с лета 1917 года. Осенью того же года, перед октябрем, в самые опасные времена, она меня прятала у себя на квартире.

С революции октября 1917 года работает все время не покладая рук. Тяжелая болезнь ее дочери выбивает ее совсем из сил и из работы.

(Адрес Фофановой — 4-ый дом Советов, Воздвиженка 5, кв. 31)...

В. Ульянов (Ленин)».

Галя моя лечилась, вылечилась, у нее самой теперь трое детей, которые знают, что их мать спас Ленин...

Литературная запись
А. СТАРКОВА.

КАРА-ДОКТОР

Мария **БЕЛКИНА**

Рисунок В. Высоцкого.

I

— Тэдя Синг? Кто такой Тэдя Синг?

— Заслуженный врач... Из Индии родом. Живет где-то в районе.

— А-а... Это же Кара-доктор! Так сразу и сказали бы. А то Тэдя Синг!

Кара-доктор! Его так все и зовут. Мальчишки на селе, завидя машину, кричат: «Кара-доктор приехал!» И в Нукусе, столице Кара-Калпакии, в Совете министров, если спросить о нем, его тоже знают как Кара-доктора. Тэдя превратилось в Федю, то есть Федора. Синг — в Семеновича. Федор Семенович Кара-доктор! Кара означает черный. «Черный доктор» — так его окрестили в народе, когда он впервые появился в Кара-Узякском районе. Каракалпаки сами смуглы, а у Тэдя Синга кожа еще смуглее.

Его сразу можно узнать. Но не по цвету кожи, нет!.. Мне всегда кажется, что старого или пожилого индийца легко угадать среди любой национальности не по чертам, не по оттенку кожи, а по выражению лица. Какая-то печать мудрой грусти ложится с возрастом на их лица. И кажется, это не только печать одной прожитой жизни, но и трудной судьбы целого народа.

Если бы вы попали в маленький районный городок Кара-Узяк и прошли перед вечером по улице Ленина, то во дворе дома № 8 вы его увидели бы. Он любит копаться в земле. Двор засыпан мелкими листьями урюка. И тридцать три тополя, посаженные им, как зажженные свечи воткнуты в землю вокруг его дома, и желтые верхушки их колеблются у самого неба.

Голова его стрижена наголо, брови растрепанные, седые, веки тяжелые, с короткими, тоже уже седеющими ресницами, рот большой, волевой, чуть асимметричный... Но главное — выражение лица!

Жена его, Ольга Игнатьевна, сероглазая сибирячка, лет под сорок, с русыми косами вокруг головы, всегда рядом с ним.

II

— Кара-доктор бар? Кара-доктор есть? — раздаются голоса в коридоре амбулатории.

И очередь на прием растет. Тут и старики, и молодежь, и женщины с детьми. Уже не первое поколение здешних жителей лечит Кара-доктор. Он принимал матерей при рождении, а теперь они своих детей ведут к нему на прием, хотя в амбулатории есть и специальный врач-педиатр. Теперь и в амбулатории и в больнице много врачей разных специальностей. А когда Тэдя Синг появился в этом районе, он был здесь первым и единственным врачом. До него были только фельдшеры. Это, правда, было уже давно, почти двадцать пять лет тому назад — в 1934 году. Он тогда только что окончил 2-й Московский государственный медицинский институт и приехал сюда на практику.

Кара-Калпакия в ту пору выглядела совсем по-иному: машин не было, да и дорог не было! Пришлют из колхоза верховую лошадь, взгромоздятся вдвоем с фельдшером-переводчиком — Тэдя Синг тогда не знал ни слова по-каракалпакски — и шлепают по грязи. Приедут, а там роженица дней пять разродиться не может, богу душу отдает. Или у человека уже перитонит начался, а он ни за что на операцию не соглашается. Никаким уговорам не поддавались тогда больные. Здравотдел пошел даже на такие ухищрения: платил тем, кого оперировали. Первый оперируемый дал вырезать себе грыжу, выздоровел и в придачу к хорошему самочувствию получил деньги. И пошла молва из села в село. Второй человек пришел, согласился на операцию, поторговался, ему уже меньше дали. Третьему — еще меньше. Ну, а там и без денег стали ложиться на стол. Лиха беда — начало!

Приучились. Чуть что — дают врачу знать. Даже сами диагноз ставят. Раз срочно вызвали Тэдя Синга километров за тридцать. Он уже тогда сам ездил, научился говорить по-местному. Инструменты, медикаменты заберет и на велосипеде пылит по дороге. А тут шину проколол: наскочил на что-то. Да еще дождь пошел. Промок. Дорогу развезло. На попутном грузовике трясся. Еле добрался. Приехал. Где больной? Больной чай пьет.

— Я был больной! Садись чай пить! Аппендицит, думал... — И тыкает себя пальцем в левый бок.— Тут кололо, теперь не колет, здоровый!

Объелся пловом и звонит: срочно врача!

Ну что тут скажешь? Сам приучал, чтобы сразу вызывали, не ждали, когда худо будет.

А недавно, наверное, часа полтора на санитарной машине разыскивал одного больного старика. Шофер сбился с дороги, никак не мог подъехать к бригаде. Машину, как баркас в непогоду, бросало по бороздам рисового поля. Прямо по полю ехали, рис уже давно убран. Но куда ни сворачивала машина, всюду упиралась в новый, только что прорытый арык. Пришлось пешком идти, пока шофер дорогу разыскивал. В бригаде пусто: все на сборе хлопка. Только старики и малыши. А бригада вдобавок еще корейская, ни один старик не говорит ни по-русски, ни по-каракалпакски. Так из дома в дом пришлось ходить, а дома далеко разбросаны друг от друга. Тэдя Синг всех стариков подряд осматривал, пока нашел кого надо.

— Да, здесь врач больного ищет. А там, где я родился, больной в те времена искал врача и не находил. Так и умирал, и никто ему не оказывал помощи...— сказал мне Тэдя Синг.

У него привычка: он часто говорит так, словно думает вслух.

III

На белой лежанке сидит маленькая девочка в одной рубашонке, темнокожая, черноволосая. Опустила ресницы, поджала ноги калачиком и поет, раскачиваясь, индийскую песенку. Если спросить, как ее зовут, ответит:

— Людяна Тэдевна.— И тут же добавит: — Можно просто Люда, Люда-девочка...— И, сдвинув густые и длинные ресницы, лукаво глянет черными глазами.

Людяна... Лудиана — так на карте Индии обозначен город. А километрах в тридцати от этого города есть деревня Терёж. Там жил когда-то паренек. Отец его Садо Синг и старенький дед еще затемно уходили в поле. А он должен был замесить тесто, напечь лепешек, затомить молоко, снести обед в поле. Дед подоит буйволицу, нальет в чугун молоко, и оно томится на медленном огне. А паренек — он был тогда чуть постарше Людяны — играет с мальчишками. Проголодается, схватит лепешку, зачерпнет кружкой молока, и опять убежит, и опять прибежит. Раз забылся и почти все молоко выпил. Дед сделал обруч, сколотил деревянную крышку и стал запирать чугун. Он не жадный был: просто семья Синга была очень бедна. Паренек лепешку в рот, а она сухая, дерет горло. Он и придумал: засунет в щелку крышки тонкий бамбук и тянет через него молоко. Дело ловко пошло. Только раз он опять забылся. И когда дед отпер крышку — засохшая пенка на самом верху чугуна, а молоко на самом дне. Догадался дед и сколотил сплошную крышку.

И вот, когда этот паренек подрос, он забрал себе в голову, что обязательно должен учиться. Дед отвел его к сельскому учителю, принес тому мешок зерна и сказал:

— Делай что хочешь, учи! Только глаз не коли и костей не ломай!

Так он выучился грамоте. Но как-то не ответил учителю, болен был, и тот его избил до полусмерти. На этом учение и кончилось. А к соседям из города на каникулы приезжали сыновья.

— Отец,— спрашивал паренек,— почему они могут учиться? Разве у них голова больше моей? Разве у них в голове больше, чем у меня?

— У них денег больше...

И, видя, что сын все только и мечтает о том, как бы учиться, даже задумал удрать в чужие края, отец раз сказал ему:

— Хочешь, я продам землю, тогда денег хватит, поедешь учиться. А я возьму суму и буду нищенствовать. Выучишься, разыщешь меня...

Но этого парень не хотел. Он поедет в Шанхай, в Америку, заработает сам деньги. Отец не пускал. Парень бежал. Взял тринадцать рупий, одеяло, лепешку и удрал. С ним еще трое мальчишек собрались в Шанхай. Отец нагнал их ночью на верблюде.

— Ты все же решился, сынок? — Он не стал ему выговаривать, не приказывал вернуться назад.— Как же ты так, без денег?

Парень сознался: он взял тринадцать рупий — все, что нашел дома. Отец велел ждать до утра. А утром заложил часть земли, дал деньги сыну, благословил.

Сын поклонился отцу, поцело-

Маршал Советского Союза
Семен Михайлович БУДЕННЫЙ

К семидесятипятилетию со дня рождения

Фото Г. Вайля.

вал его ноги и пошел, не оглядываясь. Не мог оглянуться...

— Выучусь и вернусь, обязательно вернусь...

IV

— У вас был царь Николай, учиться не пришлось!

Тэдя Синг любит рассказывать о своей жизни. Ему есть что рассказать. Вечерами он сидит, крутит радиоприемник. А если кто зайдет, разговор затянется долго за полночь.

Он попал в Россию случайно. Когда ребята добрались до Шанхая, там таких же, как и они, бездомных и безработных, хватало. Они ходили в порт, ждали пароходов из-за океана. Троим товарищам удалось приобрести американские паспорта, а Тэдя Сингу достался русский.

Так в 1915 году он оказался во Владивостоке. А оттуда — Томск, Чита, Хабаровск, Иркутск, Новосибирск, Красноярск, Верхнеудинск, Барнаул... Один сибирский город сменялся другим. Он спускался в шахты, рубил тайгу, работал на железной дороге, был грузчиком в портах, актером в цирке, даже факиром!

В Верхнеудинске выступал факир: русский гримировался под индийца. И Тэдя Синг решил: если может русский, почему же не может он, индиец?! Стал тренироваться, и появился факир Тэдя Синг! Что он делал? Прокалывал спицами щеки, ладони. Ложился спиной на битое стекло, на грудь ему ставили наковальню и били по ней молотом, а он вставал, и на спине ни царапины. Он был очень силен. Недаром еще мальчишкой он ходил бороться с парнями из других деревень.

Он и сейчас еще очень крепок. Разворот плеч, мускулатура говорят о его былой мощи, но он как-то осел с годами, как, бывает, оседает в землю дом...

На руке выше локтя у него шрам. Это след от сабли, когда он на глазах у публики рубил себе руку. Он спрашивал: «С кровью или без?» Если кричали: «Без!»,— он вонзал саблю до кости, а когда вынимал ее, на лезвии ни капли крови, на руке ни царапины. Но если кричали: «С кровью!»,— кровь была.

Как же так можно: с кровью и без крови? «Это какой-то фокус?» — спросит тот, кто слушает.

Никакого фокуса! Сила воли, умение владеть телом, послушные мускулы... И потом, когда человеку нечего есть, когда у него мечта, он все может!

И глаза его вспыхивают каким-то фосфорическим блеском. Глаза у него необычные — карие, а по краю яблоко обведено зеленовато-голубоватым кружком, и когда он волнуется или сердится, кружок светится. Тогда взгляд его трудно выдержать.

V

...В 1918-м под Томском был ранен в бою красноармеец Тэдя Синг. Он упал лицом прямо в снег. Он боялся этого снега. Там, где он родился, не было снега. И когда белые хлопья начинали падать с неба, он очень мерз. Он был не только ранен, но и сильно обморожен и долго лежал в госпитале. Там лежал и комиссар его полка. Боец поведал ему о своей мечте.

— Ну, теперь-то ты уже на верной дороге,— сказал тот.— Теперь ты будешь учиться. Я выздоровлю, устрою тебя в Москве...

Но он умер, комиссар. И в Москву Тэдя Синг попал только в 1927 году.

На углу Воздвиженки и Моховой, в доме, на котором теперь висит мемориальная мраморная доска, в одном из залов шел обычный прием. Там было человек сорок. У всех были просьбы, жалобы. Михаил Иванович Калинин в назначенный час выходил в этот зал и с каждым беседовал по очереди.

В один из дней перед ним оказался молодой индиец с упрямым и настойчивым взглядом. Он протянул бумагу, на которой было написано: «Я хочу учиться»... Михаил Иванович внимательно поглядел на парня сквозь узкие стекла очков в металлической оправе и, написав что-то на заявлении, сказал:

— Поднимитесь на второй этаж. Разыщите там товарища Белова. Он вам все устроит. В случае чего, обращайтесь прямо к нему, он всегда поможет.

Так Тэдя Синг попал на рабфак. В 1929 году он поступил во 2-й Московский государственный медицинский институт. Цель была почти достигнута. Но много еще трудностей было впереди. Не хватало знания русского языка. Не хватало элементарных школьных знаний. И там, где другим нужно было потратить час, он занимался по три часа! А еще надо было зарабатывать деньги. Он дежурил ночами в больнице, работал грузчиком по выходным...

А в деревне Терёж, что неподалеку от города Лудианы, его ждал отец. Он писал сыну (писали, конечно, соседи): «Это большое счастье, что ты попал в такую страну, где можно учиться. Учись, я тебя подожду».

А в деревне Орловка, что неподалеку от города Усть-Каменогорска, его ждала светловолосая молоденькая учительница, его жена, которая учила его русской грамматике, когда он после ранения попал в эту деревню.

...И вот наступил 1934 год. Мечта сбылась: Тэдя Сингу вручили диплом врача. Но в деревне Терёж его уже никто не ждал: отец умер. Не дождалась и жена: умерла, оставив ему двух сыновей... Тэдя Синг принял русское гражданство и попросил, чтобы его послали врачом туда, где меньше снега. И его направили в Кара-Калпакию.

VI

Когда пришла ему в голову мечта стать врачом?

Когда?! Теперь это трудно вспомнить. Может быть, когда отец хворал, и он возил его в город к врачу, где они отдали за лекарство все, что накопили. Может быть, когда он сам болел чумой. Он захворал в поле, и отец принес его домой на руках. Слепая бабка ощупала и произнесла только одно слово: «Чума!». И все ушли из дома. И все соседи ушли. Жили в поле. Только дед остался с ним, подавал ему пить, а он был без сознания, а когда пришел в себя, дед был без сознания. Тэдя Синг выжил, а дед умер. Заразился и умер... И никто его ничем не лечил. Врачи даже и не показывались в деревнях, где была чума...

Когда Тэдя Синг это рассказывает, папироса в его руке, исколотой спицами, начинает дрожать.

— Сентиментальным становлюсь под старость! — говорит он.— Раньше даже и некогда было вспоминать, а теперь все чаще вспоминается детство. Деревня Терёж! И так отчетливо, словно все это было только вчера... А уже целая жизнь пронеслась! Раньше мне даже было и не так больно, что отец меня не дождался. А теперь все заново переживаю! Все представляю его — совсем одинокого. Может, потому, что теперь мы с ним сравнялись возрастом... Две родины! У всех людей одна. А я раздвоился! Корни здесь пустил. И родной язык почти забыл. А все-таки родная земля тянет! Все мечтаю с какой-нибудь делегацией съездить, посмотреть, как там...

Он встает и шагает из угла в угол.

— Я ведь теперь даже сны вижу по-русски, индийские сны по-русски...

И опять шагает от радио к лежанке. Людяны Тэдевны уже нет на лежанке. Каждый вечер она там устраивается и поет индийские песенки в надежде, что это отсрочит неприятную минуту, когда ее понесут в кровать. Но эта минута все же наступает, и в соседней комнате на белой подушке ее головка чернеет, как жук, попавший в сметану. А в другой комнате Борис Синг тихонько наигрывает на гармонике «русскую». Ему от роду тринадцать лет. Он учится в школе. А на кухне Ольга Игнатьевна гремит посудой.

Они встретились с Тэдя Сингом случайно в поезде, когда он вез из Сибири в Кара-Калпакию своих сыновей... Сыновья давно уже выросли. Старший, Борис Синг, погиб в Великую Отечественную войну под Шауляем... Аркадий Синг стал инженером-электриком, работает в Новосибирске. У него своя семья.

...Тэдя Синг все шагает, задумавшись, и вдруг улыбается каким-то своим мыслям.

— Ты что? — спрашивает тревожно Ольга Игнатьевна, заметив его улыбку.

— Вспомнил, наконец!.. Несколько дней все не мог вспомнить, как по-индийски собака. Кута̀! Все, все позабыл... Как там теперь?..

Л. А. Шматько. ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА О ПЛАНЕ ГОЭЛРО.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

Д. А. Налбандян. ЛЕНИН В 1919 ГОДУ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

ЮБИЛЕЙ

Рассказ

А. БУЛГАКОВ

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

Порфирий Сергеевич Мартынов присел на твердый глиняный бугор и снял потрепанную кепку.

— Фу, ну и жарища!.. — пробормотал он, вытер большим пестрым платком лысый, словно отполированный, череп и глубоко вздохнул.

Донимала жара. Забраться бы сейчас в тень, положить на голову мокрое полотенце, вздремнуть часок!.. Нет, где там дремать, надо идти. Ходить ему еще, ой, как много! Вот эти красные, пока еще голые, не покрытые штукатуркой дома с черными дырами оконных проемов ждут Порфирия Сергеевича. И вон те торчащие каменными пнями «стулья» фундаментов, они тоже ждут. А главное, вот это ровное сырое ущелье траншеи водопровода. Сколько еще здесь работы! А по графику траншею пора уже кончать...

Голова Порфирия Сергеевича, казавшаяся особенно тяжелой на тонкой, жилистой шее, склонилась на грудь. По траншее он графика, конечно, не выдержит, будут его вызывать, обсуждать, ругать «Мартынстрой» — вот ведь ехидный народ, как прозвали прорабство Мартынова! А разве это прорабство? Универмаг какой-то! Прежде тут суетились трое прорабов, а потом как-то так, само собой, получилось, что постепенно все перешло к одному Порфирию Сергеевичу. Так и выходит всегда: он везет, его нагружают. Зачем ему это нужно? Совершенно не нужно, только лишние хлопоты и неприятности. Давно уже пора отказаться от доброй половины работ...

Порфирий Сергеевич усмехнулся в усы: «Хорохорится старик!» Ни от каких работ он не откажется. И вовсе не потому, что так хочет начальство. Начальства он не боится. Нет, тут дело в другом. Еще до революции Мартынов окончил техническое училище, отвоевался вместе с отцом — железнодорожным рабочим — и с тех пор строит и строит. Сначала латал старые домишки, потом ставил заводы, а теперь вот строит целые города. Привык, сроднился с работой, полюбил ее и свой «Мартынстрой» никому не отдаст...

Рядом с Порфирием Сергеевичем прямо из-под земли вылезла лобастая голова с коротко остриженными пепельными волосами и бронзово-красным насупленным лицом. За головой показалось большое, грузное тело в добротном сером костюме. Тело с неожиданной легкостью упруго приподнялось над траншеей, и перед Мартыновым во весь рост возник управляющий трестом Иван Гаврилович Громенко. Следом за ним из траншеи вылез невысокий коренастый бригадир водопроводчиков Зайцев. Он скупыми, точными движениями отряхнул свой комбинезон и уставился на прораба спокойными синевато-серыми глазами.

«Ну, сейчас начнется!» — подумал Порфирий Сергеевич и еще больше сгорбился. Он не ошибся: действительно «началось». Громенко — а он был на две головы выше Мартынова — склонил к нему большое лицо, посопел и хрипло зарокотал: прокладка траншеи ползет по-черепашьи, бригада Зайцева бездельничает, словно она не на срочном объекте, а в Сочи на пляже, и прораб похаживает вокруг, словно приехал сюда на экскурсию.

«Наябедничал Андрей Иванович!» — подумал Мартынов и с укором посмотрел на бригадира — хороший, честный работник, но упрям, болен хроническим недовольством. Все не по нем... Разве он не знает, что у Мартынова один-единственный экскаватор и его не разорвешь! Зайцеву же и дела нет до этого, давит и давит, как гидравлический пресс,— давай, мол, его!

А управляющий все рокотал:

— Разве это крепление?! Поймите, эдак вы людей перебьете!..

Он нажал ногой на одну из досок, ограждавших траншею. Доска скрипнула, подалась, и из-под нее ручейком посыпались комочки сухой глины.

«Ну, ты не то что доску, кирпичную стену свернешь!» — сердито подумал Мартынов. Рядом с Громенко он, щуплый и сморщенный, выглядел, как цыпленок рядом с воинственным петухом.

Наконец управляющий излил свое возмущение и уже миролюбиво сказал:

— Кое в чем вам надо помочь. Зайдите ко мне вечерком... Э, нет, сегодняшний вечер у нас с вами занят... — вспомнил Громенко, и вдруг складки на его мясистом насупленном лице разгладились, а глаза тепло заблестели и спрятались в хитрые щелочки.

Мартынов вспомнил, чем занят сегодняшний вечер, и окончательно рассердился: тут уйма дел, отдохнуть некогда, а придется тратить время на какую-нибудь ерунду.

А вечером он сидел за столом на сцене клуба, трогал плохо сгибающимися пальцами красное сукно на столе, смотрел в большой светлый зал и вспоминал, как учил штукатуров тянуть каннелюры — вертикальные желобки на колоннах, — как «выбивал» у снабженцев редкие краски, чтобы придать стенам веселый тон, и как по этому залу, тогда пустому, темному и некрасивому, тяжелой походкой шагал Громенко, и ворчал, что вот-вот будут упущены сроки, что на порядочных стройках уборные лучше отделывают, и, конечно, поминал «Мартынстрой».

Сейчас желтоватые, под слоновую кость, расписные стены мягко отражали свет многих ламп, а ряды удобных, добротных кресел были все заняты. Все до единого. И Мартынов невольно подумал: «Вот ведь, ругают, ругают, а пришли, все пришли. Многие, наверное, прямо с работы, устали, да и дел у них, конечно, невпроворот, а сидят...» Порфирий Сергеевич был стар. Все теплое, яркое, что было в его жизни, пройдя сквозь наслоения многих лет, будто бы стыло, тускнело. Но сейчас ему было хорошо. Он себя давно так не чувствовал. Очень давно.

По обе стороны от него за столом разместился «цвет» треста и «Мартынстроя», все принарядились. И Порфирию Сергеевичу — а он пришел в клуб в стареньком, латаном, перепачканном краской пиджачке — было неловко. Так сказать, виновник торжества, и одет хуже всех. А ведь у него лежит в сундуке отличный новый костюм. Собственно, новым его назвать трудно: сшит он давно. Но надевал Мартынов этот костюм ровно три раза: два раза на Октябрьские праздники и один раз на свадьбу Сергея. Мария Петровна заставила: «Сына женим, а ты одет, как старый пропойца».

Мартынов вспомнил жену и обругал себя: не сказал ей про юбилей. Обидел старуху. Она бы сейчас разомлела от гордости. «Впрочем, кто же знал, что все будет так торжественно», — успокоил себя Порфирий Сергеевич и принялся слушать ораторов.

Трибуна скрипела под тяжестью тела Громенко. Он басовито откашлялся, а Мартынов по привычке сгорбился.

Но управляющий говорил мягко, тепло:

— Многие считают, что хлеб строителей горек. Верно, наш хлеб далек от бисквита. Но он прекрасен, наш горький хлеб! Ей-богу, прекрасен, товарищи!.. Подумайте, скольким сотням, да какое сотням, тысячам людей, сделал хорошее, украсил жизнь строитель Мартынов за сорок лет своей трудной, тяжелой работы!–воскликнул Громенко, на мгновение примолк, потом продолжал еще мягче и теплее: — Не буду я расписывать твою биографию, Порфирий Сергеевич: о ней достаточно говорит этот зал, который ты строил, зал, до отказа наполненный твоими товарищами. Прими ты от всех нас большое спасибо и низкий поклон. И не сердись, если мы тебя иногда зря и зацепим, маленько обидим. Сам знаешь, работа!..

Лицо Громенко осветилось доброй, чуть лукавой улыбкой, а взгляд небольших карих глаз был серьезен. Он сошел с трибуны, подошел к Мартынову и положил большие ручищи на его худые плечи. Порфирий Сергеевич встал, хотел было ответить, но вдруг у него защипало в глазах. Он покраснел, широко улыбнулся беззубым ртом и неловко сел на свое место — смущенный, но радостный, пожалуй, счастливый.

После Громенко еще несколько человек хвалили с трибуны прораба Мартынова, а потом к нему подошел Зайцев. Он был в тщательно отутюженном, аккуратном, но тесном черном костюме. «Наверное, сына раздел...» — подумал Мартынов. Он знал, что у бригадира большая семья, каждый рубль на счету — франтить ему не приходится. А вот сюда принарядился, проявил уважение к старику...

На работе Зайцев держался спокойно, даже самоуверенно: там все известно, там он всегда знал, что надо делать, как поступить. А здесь, на глазах у сотен людей, был неловок. К юбиляру он подошел какой-то чужой, деревянной походкой, неудобно, косо протянул ему большой желтый портфель, наклонил голову, точно собрался бодаться, и скучным, замогильным голосом произнес:

— Вот, товарищ Мартынов, в честь вашего, так сказать, сорокалетия от постройкома, коллектива строителей и... — он запнулся, посмотрел на серебряную табличку, прикрепленную к портфелю, и закончил: — администрации.

Его щеки побагровели, лоб вспотел, а серые глаза смотрели смущенно и виновато.

Порфирий Сергеевич стоял против него, держа в руках тяжелый, пахнущий кожей портфель, и не знал, как быть дальше.

— Да скажи что-нибудь... — услышал он сердитый шепот председателя постройкома.

Сказать Мартынов мог о том, как у него тепло на сердце, о том, что хорошо жить и строить с таким вот народом, что он чувствует себя сильным, словно молодым, и что он будет еще умнее, энергичнее работать. Но мысли мешались, теснили друг друга, приходили все враз, и глаза опять защипало. И Порфирий Сергеевич смолчал и поклонился залу.

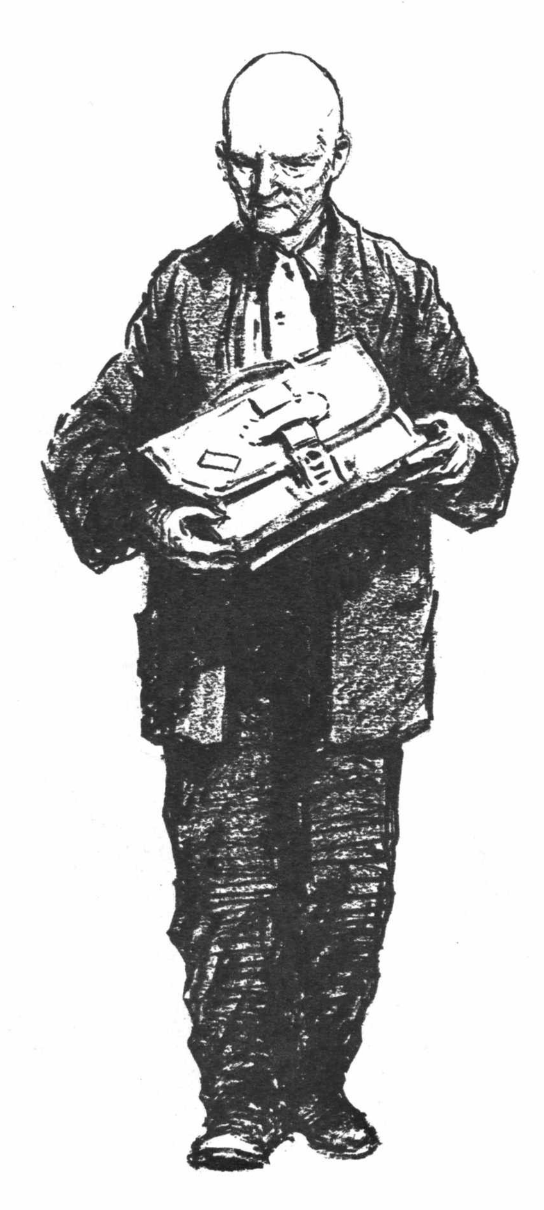
Слов и не нужно было. Люди все поняли. Они встали с мест, и большой зал дрогнул от грохота. Вплелись медные звуки оркестра. Когда появился здесь оркестр, Мартынов не видел.

Поздно вечером Порфирий Сергеевич сидел в кресле подле радиоприемника. Напротив у стола под лампой сидела Мария Петровна — сухонькая старушка с энергичным маленьким личиком и строгими большими светло-карими глазами. Она укуталась в пушистый белый платок, хотя в комнате была теплынь — голышом не замерзнешь, и ловко работала маленькими ручками: вышивала воротник мужской полотняной рубахи — подарок мужу.

Изредка Мария Петровна бросала ласковый взгляд на большой желтый портфель. Да, кабы не эта красивая вещь, Порфирию Сергеевичу сегодня изрядно бы досталось: подумать только, не удосужился позвать жену на свой юбилей! Но, увидя в руках мужа элегантный, правда, совершенно бесполезный портфель — Порфирий таких штук сроду не носил, а сыну не отдашь: дареный, — Мария Петровна смирилась. Конечно, для порядка она побурчала и даже всплакнула, но скорее от радости, что ее непутевого мужа так уважают.

В доме Мартыновых царствует мир и покой.

Включен приемник. Музыка, задорные песни — где-то там, далеко идет концерт, поют, лихо пляшут. Порфирий Сергеевич слушает и снова переживает все, что случилось. Громенко каков! Бывший кузнец, и ведь говорит, как настоящий оратор или артист — за сердце берет. «Горек наш хлеб, но прекрасен!» Порфирий Сергеевич вспоминает эти слова и даже несколько распрямляется на своем стуле. Пожалуй, он гордится своим горьким хлебом, гордится своей большой, трудной жизнью...

С улицы доносится раскат дальнего грома, и лицо Мартынова сразу меняется. Он подбегает к открытому окну. Ночь теплая, тихая и черная-черная. Небо точно густо залито тушью — ни просвета, ни звездочки. Порфирий Сергеевич с опаской высовывает руку наружу — пока дождя нет, авось, пройдет стороной!.. Ну, а если хлынет над городом? Тут бывают страшные ливни, как в тропиках. Мартынов представляет изогнутые доски крепления траншей и по привычке убирает голову в плечи. Эх, пронесло бы эту грозу стороной!..

Но гроза стороной не прошла, ночью хлынул ливень.

В сером сумраке дождливого раннего утра сгорбленный сердитый Мартынов пробирался вдоль бесконечной траншеи. Кепочка Порфирия Сергеевича намокла и сморщилась, как шляпка кособокого гриба, за шиворот Мартынову затекла вода, ноги, обутые в тяжелые смазные сапоги, скользили и разъезжались по липкой коричневой глине. Он наклонился над траншеей. Внизу, где еще вчера сияли лаком чугунные трубы, сейчас стоит коричневая, густая, как какао, вода. Откосы траншеи набухли, доски крепления прогнулись и выперли. То там, то здесь слышится треск, глухой удар, шорох обвала и всплеск — крепление обрушивается. Правда, оно слабовато. Но ведь так мало досок! Вечно, вечно чего-нибудь не хватает!..

Мартынов оглядывается. К траншее по-кошачьи осторожно и легко шагает Зайцев. Круглое лицо бригадира нахмурено, тонкие губы плотно сжаты, а в синеватых глазах — холодная злость. Он подходит и глухо бубнит о том, что фронта работ совсем не осталось, что бригада простаивает, что это безобразие надо наконец прекратить. Мартынов нехотя отругивается и соображает, где взять насосы для откачки воды и досок, чтобы усилить крепление.

Разбрызгивая лужи, подъезжает «Победа» мышиного цвета. Из нее вылезает, накренив машину, насупленный Громенко. На черной коже его пальто не высохли капли дождя, на болотных сапогах — комья грязи.

«Начальство уже успело где-то побывать — видно, там ливень еще больше напакостил, — соображает Мартынов, понимая, что управляющий очень сердит. — Сейчас начнется!..»

Громенко посмотрел в траншею, огляделся кругом, склонил над прорабом насупленное лицо.

— Сорок первый год строите, а работать не научились... — пошел и пошел басить.

Мартынов втянул голову в плечи, прикрыл глаза и сердито думал, что действительно он сорок лет строит, сорок лет изо дня в день над ним что-нибудь да висит, чего-нибудь не хватает, а он выдумывает, изворачивается и постоянно выслушивает ругань, вот как сейчас. Нет, хватит! Завтра же он уйдет на отдых, на пенсию!.. И на этот раз даже некогда было усмехнуться над собой: опять, мол, хорохорится старик!

А в конце дня утомленный Мартынов присел на коричневый глиняный бугорок, снял кепочку, вытер пестрым платком полированный череп и огляделся. Дождь давно прекратился, подсохшая глина уже покрылась узором трещинок. По бортам траншеи весело желтели новые доски крепления, а на дне сияли черным лаком чугунные трубы. Над их раструбами склонились люди бригады Зайцева — заделывали стыки. Работали без шума, спокойно и проворно. Да и по всему «Мартынстрою» работа шла ровно и споро. Вымытая ночным ливнем площадка в розоватых лучах предзакатного солнца выглядела веселой и чистенькой. Она чем-то напоминала Порфирию Сергеевичу его упругий, приятно пахнущий кожей новый портфель с блестящей серебряной пластинкой. На ней красивым, каллиграфическим почерком написано про сорок лет работы прораба Мартынова. И вдруг ему пришла мысль: а что, если сбросить эти годы да спросить: «Кем будешь, Порфирий Мартынов?»

Конечно, строителем!

г. Казань.

Сошлись односельчане! Слева направо: секретарь парторганизации Г. И. Ленчик, председатель колхоза М. И. Шость, секретарь райкома М. Я. Черненко и ветераны колхоза К. П. Черненко и А. Е. Деркач.

КРАСНОГРАДСКИЕ НОВОСТИ

Георгий РАДОВ

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Красноград недалеко от шумного Харькова, но побойчел он, говорят, лишь с той недавней поры, как рассекла его пополам трасса Москва — Симферополь. Кого не встретишь теперь на Красноградском автовокзале! Увидишь тут и москвича-курортника, слегка одурманенного стремительной ездой на экспрессе, и веселую компанию южных колхозных продавцов, «обмывающих» удачный вояж... И уж, конечно, среди этой пестрой публики сразу приметен человек местный, «тутешный». С одним таким и познакомился я в первый же вечер в Краснограде.

Человек этот был пожилой, рыжий, краснолицый, в бараньей шапке времен, вероятно, самого Тараса Шевченко, и сидел он в уголке за столиком и пил пиво.

— Из Поповки, — объяснил он, когда я спросил у него о местожительстве.

— Ну и как там у вас, в Поповке?

— А с чем равнять? — живо спросил он. — С чем равнять нашу жизнь?

Я помолчал, ожидая, что он сам укажет, «с чем равнять». Он ответил не сразу...

— Диды у нас как-то сошлись, — сказал он, косясь в окно. — Ну, диды-то, они бывают всякие! Это в книжках они сплошь мудрецы, а так с проборцем... Ну, словом, сошлись, слово за слово: чи дуже, мол, она переменилась, наша жизнь, при колхозах? Один дид говорит: «А вот глядите... Сошлись мы в колхоз, сдали хабур-чабур, подсчитали: тридцать коней, семнадцать борон, одна корова Моргунка. Моргун у нее был хозяин, по нему и окрестили — единственная ж была! А зараз? И коров у нас двести сорок, и бычки, и телочки, и свиней до тысячи сдаем, и на трудодень получаем по девять карбованцев, и одного неделимого фонда на два миллиона! И трактора купуем за четыреста тысяч! А как хозяинуем? Что знал наш дядько? Какие культуры? Да святую троицу: жито, ячмень, овес... Ну, еще коегде гречку пускал — ото и весь ассортимент! А зараз? Озимая пшеница царствует! И свекла, и кукуруза, и огороды, и сады, и силос кладем в цементные траншеи — такого даже у наибогатейших куркулей не було. И опять-таки техника!» Словом, доложил дед обо всех наших достижениях. А другой, вредный такой дидок, рубит с плеча: «А хаты? Глянь-ка на село! Какое оно было при царе Миколе, такое и осталось! Полы в хатах земляные, «доливка», крыши соломенные. А когда построены! Теща моя девяносто три года прожила, и она не помнила, когда построена хата. И живем! А где моемся? В корытах. Залезет в корыто дядько пудов на десять — это же цирк! И яслей нема, и школы-десятилетки, и больницы порядочной. Жизнь?!.»

— И кто же из них прав? — спросил я, не понимая, куда клонит мой собеседник.

— Обое, — сказал он с горечью. — И тот светлый дидок и тот вредный дидок — обое правые: и достижений у нас полна сапетка, ну, и хаты, что правда, то правда, ни к бисовому батьке они не годятся, наши хаты... И моемся в корытах...

— А почему же баню не построите?

— С добрым утречком! Да мы только вот-вот забогатели. Я ж тебе говорю: зараз мы технику покупаем за четыреста тысяч, а в пятидесятом году весь наш неделимый фонд — как говорится, движимое и недвижимое — стоил четыреста тысяч.

— Председатель новый явился?

— Голова у нас собственный! — с достоинством сказал он. — Шость Максим Иванович. Наш, из Поповки. И деды и прадеды его тут жили, а он, видишь, чуть не с самой коллективизации в городе служил. Черт-те зачем его там держали в конторах, давно б надо было кинуть человека в колхоз. Так нет же, сидел в конторах, а до нас присылали таких, что хоть стой при них, хоть падай — ниякого толку. А тут послали его и еще одного коммуниста, Ленчика Григория Ивановича. Эти повели! Попадали, правда, черту в зубы. Год поработали, и вот тебе засуха... Другой год вышел урожайный, а на третий все озимые

— Нельзя бросать институт! — говорит телятница, студентка-заочница Лида Стрюк (справа) своей подруге Рите Демидовской.

вымерзли. Как назло! На четвертый год было развернулись, нет, опять-таки кукуруза не уродила... И все ж таки выскочили. Да как! Орден Ленина заслужил наш Максим Иванович.

— Значит, если б его раньше послали...

— Не знаю, как бы оно вышло раньше... Тут же не в одном нашем селе соль! Во всем государстве дела получшали с колхозами... И в области! И в районе! В пятьдесят пятом году, знаешь, сколько пшеницы собрали наши красноградцы? Считай, по сто шестьдесят пудов с гектара! Урожай? И это ж не на деляночке, а по всему району. У-умно дело ведет райком! Не зря Михаила Яковлевича Черненко, нашего секретаря, «Победой» премировали...

Люда Черненко, передовая доярка Красноградщины.

...Поповка — туда я выехал на другой день — и в самом деле выглядела разбросанной, унылой и небогатой. Правда, за селом на пригорках стояли добротные фермы, но хаты, хаты и впрямь были низенькие, с подслеповатыми оконцами — минувший век!

— С легким паром!
У бани колхоза «Заря коммунизма».

Голова, Максим Иванович Шость, отдыхал в Кисловодске, лечил надорванное трудами сердце, зато повидал я его отца, Ивана Сидоровича, небольшого, сухонького, типичнейшего селянского деда в старенькой кожушке.

Появился он в правлении спозаранку. Над Поповкой только вставало еще не раскаленное добела солнце, а он, уже стуча палкой по порожкам, входил в контору.

— Диду! — с мягким укором сказал ему секретарь партийной организации Ленчик. — Ну что это вы ходите, диду?

— Дела! — важно возразил дед.

— Какие там дела?! Сидели бы в хате. Черти вас мордуют с утра.

Дел у старика и впрямь решительно не было. Собирался он, правда, свести корову к быку, но, видимо, корова была не в курсе предстоящего дела, заупрямилась, не удержали ее старческие руки. Дед плюнул на беспонятливую корову и, как он всегда это делал по утрам, зашагал в контору, на люди. И вот сидит на диванчике, опершись на палку, следит за сутолокой конторского утра и ждет-пождет, когда же Ленчик, бригадиры и трактористы покончат с делами и заведут с ним какой-нибудь разговор.

— Моторный вы, диду, — говорит наконец Ленчик, отрываясь от бумаг. — Ходите, ходите...

— Та хиба ж це ходьба? — удивляется дед. — Вот тесть мой, покойничек, ходил! Тот ходил! Восемнадцать раз пеши сходил на Кубань...

Трактористы переглядываются.

— Пешком на Кубань? Это ж сколько от нас? Пятьсот километров? И обратно пятьсот? Зачем его носило в такую даль?

— А на заработки...

— Восемнадцать раз?

— А то ж... Ходили и по двадцать! Каждый год...

— А дома не могли заработать?

— До-ома! — хмурится дед. — На Кубани-то жнитва начинаются раньше. Юг! Вот мой тесть и мчится туда. Наймется, накосится, заслужит карбованцев двадцать — и пешочком до дому, да еще добрым пешочком, чтоб и тут захватить жнитва, еще какую-сь десятку у куркуля выхватить.

— А у куркулей было богато земли?

— Эге! И по семьдесят десятин было, и по сто...

— А у тестя вашего?

— Две десятины! И те сдавал в аренду тому же куркулю.

— Зачем?

— Да вы необразованные! — сердится дед. — Чем бы он ее колупал, землю? Пальцем? Коняки не було, бикив не було. А налог плати! Детей корми!

Стариковскую «политбеседу» слушают не одни трактористы. Тут же сидит Кирилл Пантелеевич Черненко — до самой коллективизации он председательствовал в комнезаме; рядом — Андрей Ефимович Деркач, черноволосый, цыганистый с лица, один из первых революционеров села... Старейшие колхозные запевалы с усмешкой смотрят на деда Шостя; так смотрят, словно бы сказать хотят: «Э, диду, да вы вон как поумнели! А давно ли сами образовались? Что-то, помнится, слыхали мы от вас другие речи...»

Да, поздненько прозрел дед Шость.

Вот они, рядом на этажерке, два темно-красных томика, а в них строчки непосредственно о нем, об Иване Шосте, и о других поповцах, и о натальинцах, и о песчанцах, и обо всем бывшем Константиноградском уезде, и дед, если б он знал грамоту, мог прочесть эти строчки еще шестьдесят лет тому назад! А в этих строчках ленинской рукой, с ленинской тщательностью определено и подсчитано, почему они так бедовали, крестьяне Константиноградского уезда, Полтавской губернии, и зачем они «пеши» ходили на Кубань, когда вокруг лежали тысячи десятин земли... И еще написано, что надо было делать константиноградским крестьянам, чтобы не бедовать.

Но дед тогда вовсе не знал грамоты и, разумеется, не ведал, что как раз в ту самую пору, когда тесть его совершал пешие рейсы на юг, в Сибири, в Шушенском, политический ссыльный молодой Владимир Ульянов разбирал «Сборник по хозяйственной статистике Полтавской губернии» и гневно замечал на полях: Константиноградский уезд... «У 50% дворов — 18,6% посева; у 20% дворов — 50% посева.»; и что тот же Владимир Ульянов несколько лет спустя в Лондоне снова вспомнил о бедующей Константиноградщине! Он вспомнил о ней и потому, что дошли в Лондон вести о восстании крестьян Константиноградского и других уездов Полтавщины. В ту пору крестьяне разгромили пятьдесят помещичьих усадеб. «Крестьянское восстание было подавлено, — с горечью писал Ильич, обращаясь к деревенской бедноте, — потому что это было восстание темной, несознательной массы...»

И этого не читал дед Иван. Он как раз и был в той самой «темной массе», которую собирался вывести к свету вождь родившейся партии. Неграмотный, хотя и лукавый, недоверчивый ко всему, что делается на свете, он, Иван Шость, не очень-то переменился и после революции. Вокруг шумели комнезамы, сверкали звездочки первых коммун, пришли тракторы, а дед Иван — тогда еще дядько Иван — не трогался со своей единоличной полоски. Погиб от бандитской пули первый председатель комнезама, Семен Перцевой; загорелась в ночи от кулацкой спички клуня первого председателя колхоза, Гната Олексенко; разгневанная беднота «раскуркулила» богатеев, все село бурлило, а дядько Иван, выбившийся наконец в середняки и даже обзаведшийся своей мельничушкой-ветрянкой, — дядько Иван все держался за чапыги единоличного плужка и выжидал, что оно будет дальше... Уже в соседнем «Червоном партизане» люди получили первые килограммы на трудодни, уже сын Максим выделился, ушел на хутора и там вступил в колхоз, а дядько Иван не трогался, гадал, как оно лучше. Он вступил в колхоз только в тридцать четвертом году! Много ли сдал добра в общий котел?

Дед отводит глаза. Ему как бы совестно, что в колхоз он вступал не бедняком, как большинство односельчан, а середняком, да еще и крепеньким. Отвечает уклончиво:

— Сосед мой одну борону сдал.

— Одну борону?! И все?

— Одну, та ще й стареньку...

И вот он сидит в конторе того самого колхоза, куда двадцать четыре года назад его сосед свез борону — все, что нажил он за десятилетия жизни, — сидит и слушает, как мы говорим с Ленчиком.

А мы говорим о неделимом фонде, утроившемся за три года и перевалившем за два миллиона, и еще о том, что молока поповцы получили по двести центнеров со ста гектаров, и о том, как деловито и умело хозяйствует Максим Иванович Шость.

Я искоса наблюдаю за дедом. Он молчит, рассеянно смотрит в окно. О чем думы? О сыне, который вот управляется на двух тысячах с лишним гектаров? Или, может, о том, как борона его соседа, вошедшая в неделимый фонд, обернулась двумя миллионами?! А может, горюет, что так и не выучил грамоту и уже на склоне лет узнает то, что должен был прочесть парубком?..

— Что вы, диду, — прерывает его раздумье Ленчик, — загоревали?

— Треба идти.

Он уходит, и я вижу в окно, как старательно, пристукивая палочкой, он вышагивает по своей Поповке, где все так переменилось и только хаты, да, только хаты, напоминают о старине...

— Но что же с хатами? — спросил я у секретаря райкома Михаила Яковлевича Черненко, воротившись в Красноград.

— Плохо с хатами, — с горечью сказал он. — Не дошли руки! Знаете, совестно приезжать в села. Я-то местный!

Да, он местный, Михаил Черненко, и, может, потому так беспокоит его жизнь земляков. Как и Максим Шость, он вырос в Поповке, в батрацкой семье, и, может, остался б неграмотным, если бы не пришла другая пора и сельский комнезам не послал его на учение... И по сей день в Поповке живут мать секретаря райкома, и брат, и сестры, и племянницы. И когда я разговорился с одной из горластых женщин, она сказала в сердцах: «А ну его, Черненка! Умница-человек, а разводит семейственность». «Семейственность? — удивился я. — Какую же это семейственность?» «Да Людку-то, племянницу свою, ишь, куда двинул! Орден ей дали...»

Ей-же-ей, меня заинтересовала эта «семейственность», и в тот же вечер я познакомился с Людой Черненко, восемнадцатилетней, высокой, бойкой девушкой. Да, что правда, то правда: племянница секретаря райкома получила орден «Знак Почета», и, как выяснилось, с этим решительно ничего нельзя было поделать. В пятнадцать лет эта рослая девушка, внучка батрачки и дочь доярки, пошла на ферму. Да, на ферму, хотя, что там скрывать, могла б, как родичи иных «ответственных» товарищей, просить у дяди «чистую службу». Но она пошла именно на ферму и в первый же год, удивив всех доярок, стала кормить коров по-своему, а теперь уже со «Знаком Почета» занимает первое место в районной сводке.

Вернувшись в Москву, я рассказал об этой «семейственности» одному знакомому, который все сетовал, что никуда не может пристроить дочь. Он зарозовел, отвел глаза и сказал:

— Д-да, семейственность! По-

больше бы ее, такой семейственности...

— ...Так что же с хатами, Михаил Яковлевич? — повторил я.

— Поедем к Миронову! — распорядился он. — В «Зарю коммунизма».

И вот шагаем по раскисшей весенней дороге. Рядом с Черненко Василий Андрианович Миронов, невысокий, лобастый, в стареньком пальто,— никак не скажешь, что это и есть голова богатейшего колхоза в районе. Все тут, в «Заре коммунизма», богаче, чем в Поповке. Впрочем, и сам-то Миронов — старожил по сравнению с Максимом Шостем. В пятидесятом году принял он на руки хозяйство шести объединившихся колхозов, и стоило оно все «гамузом», с «потрохами» восемьсот тысяч рублей.

— А сколько сейчас в неделимом фонде, Василий Андрианович?

— Пять миллионов триста тысяч.

Миронов называет эту цифру без пафоса, видимо, она еще не устраивает его. А мы принимаемся за осмотр неделимого фонда. Где же они, эти пять миллионов? В чем?

Фонд очень приметен. Издалека видны роскошные капитальные строения ферм, а внутри — электродойки, автопоилки, подвесные дороги, электричество. Посверкивает на солнце новенькая водонапорная башня. Едем на свиноферму и видим фабрику: из кормокухни, где механизмом управляет всего один человек, в свинарники расходятся подвесные дороги.

— Что может дать эта фабрика в год?

— Две тысячи центнеров мяса,— говорит Миронов, и опять-таки говорит без пафоса, буднично, видимо, и эта цифра не устраивает председателя.

Черненко нежно поглядывает на Миронова, хотя, надо признаться, они не очень-то мирно живут. Накануне, на слете механизаторов, повздорили... Черненко сказал в докладе, что без ведома райкома колхоз на первых порах не имеет права снимать с работы трактористов, а Миронов вспылил: «Как это так?! Мы-то хозяева! Технику покупаем, трактористов берем, а распоряжаться опять не сможем?» «Дров наломаете!» — вспылил Черненко. «Мы?» «Не вы, так другие». «А вы тех и поправляйте, кто наломает!» Так и остались при своих мнениях, что, впрочем, бывало не раз: оба люди сильные, умные, властные, со своим вкусом, со своим почерком...

По дороге с фермы встречаем колонну: тракторы тащат новенькие красные комбайны — это колхоз переправляет «до дому» технику, купленную у МТС.

— На сколько же тысяч подпишете купчую? — спрашиваю я у Миронова.

— На восемьсот!

На восемьсот тысяч! А семь лет назад весь доход этого колхоза еле превышал полмиллиона рублей.

Въезжаем в село и тотчас останавливаемся у небольшого кирпичного домика. Баня! Дело обычное, а сколько еще у нас деревень, где моются в корытах! День не банный. Черненко открывает дверь: кафель, влажные полки парной, ванны... Секретарь райкома суровеет.

— Не отстану, пока в каждом селе не выстроят баню. Корыто! Позорище!

— Кирпичные заводы надо строить, Михаил Яковлевич,— говорит Миронов.— Четыре поселка в колхозе — надо их стягивать в одно место? А как строить? Область безлесная — опять городить мазанки? Нет, к черту! В этом году поставим кирпичный завод! Уже решение приняли: запретить строиться в старых поселках и городить завалюхи.

— Десятилетку вам нужно...

— Уже спланировали! На свои построим, на колхозные. Пусть область пособит материалом...

Оба оживляются. Как и у Черненко, так, видно, и у Миронова благоустройство сел — самое наболевшее. Красноградские комсомольцы озеленили автостраду. Каштаны, яблони, груши отменно принялись, и секретарь озабочен: как бы весной не растащили по дворам молодые деревца. Патрулей выставить? А у Миронова свое.

— Я вот как думаю, Михаил Яковлевич. У нас в колхозе семьсот дворов. Почти все хаты, считайте, надо ломать со временем, новый закладывать поселок. Так будем и строить колхозом! Кто захочет, пожалуйста, сам стройся, а колхоз будет заводить свой жилой фонд. Во-он, видите, первый домик, тот для специалистов...

— Как обойдешься с деньгами?

— Так и обойдемся. Купим технику, а в этом же году еще миллион положим в неделимый фонд, а на тот год побольше, как раз на школу, на жилье, на больницу. Клуб-то строится...

Они говорят о деньгах, свободно оперируя миллионами, толкуют, что неделимые фонды колхозов Красноградщины перевалили за пятьдесят миллионов, что только в прошлом году в банк положено десять миллионов, а мне снова вспоминается борона. Та самая ржавая борона, которую сосед Ивана Шостя свалил на общем дворе, положив, так сказать, один кирпич в общественную собственность. И вот этой собственности становится уже тесно в колхозном дворе, и она смело шагает в общенародное достояние — в школы, больницы, дороги, бани...

Мы возвращались в город вечером. Черненко припоминал былое: батрачество, комнезамы, годы учения, войну (он был штурманом на дальних бомбардировщиках),— потом сказал задумчиво:

— Понимаешь, одна штука не дает мне покоя: надо б нам иметь филиал заочного института. Видал наших девчат-десятиклассниц? Лиду Стрюк? Вот-вот, в «Серпе и молоте». Телятница — и уже на третьем курсе. Мы ее приветствуем, а надо же и пособлять! Вон Рита Демидовская, доярка, не выдержала, бросила учение. Трудно! А что стоит филиал института открыть в Краснограде? Знаешь, сколько наберется заочников? Трактористы, доярки, свинарки, телятницы...

Он приоткрыл дверку машины, вздохнул:

— Опять заморозки! Не пострадали б озимые! Ох, как же нам нужен этот урожай!

Машина выкатила на автостраду. Впереди показались огни Краснограда.

— Вот она, наша техника! — Василий Андрианович Миронов пробует купленную в МТС машину.

Дружная семья

Педер ХУЗАНГАЙ,
народный поэт Чувашии

МЫ — РОССИЯНЕ

Пусть не русская кровь в нас течет,
Пусть в глазах не лазури сиянье,
Но Россия — наш дом и оплот,
Мы — четыреста лет россияне!

О БЛИЗКОМ БУДУЩЕМ

Наш Шубашкар [1]! Порою называли
Мы стариком седым тебя... Но вот
Твое мы имя в плане прочитали,
В великом плане завтрашних работ.

И сразу ты помолодел, наш город,
Иное солнце вспыхнет над тобой.
Все взоры привлечешь к себе ты скоро,
И я увижу новый облик твой.

Наш Шубашкар! Уже сегодня Волга
Сроднилась с водами пяти морей.
Изменим мы природу, ждать недолго —
Каштаны зацветут у волгарей.

Наш Шубашкар! Морские пароходы
С тобою заведут свой разговор.
Раскинутся под мирным небосводом
Проспектов ширь и площадей простор.

Сверкающий шлифовкою металла,
Мы через волны перекинем мост;
Гирлянду ламп повесим, чтоб сверкала
И зависть вызывала бы у звезд!..

Немало песен пел народ чувашский
О дальних, о неведомых морях;
И дивные о них сложил он сказки
На волжских и на сурских берегах.

Бледнеют сказки перед былью: вскоре
Советский богатырский наш народ
Еще одно создаст на Волге море
И, может быть, Чувашским назовет.

От моря этого по нашей воле
Незримой молнией помчится ток.
Электротракторы я вижу в поле,
Электровоза слышу я гудок.

И вижу я: до самого рассвета
Горят, как в ночь большого торжества,
Об электричестве и о Советах
Пророческие Ленина слова...

Перевод автора.

[1] Шубашкар — Чебоксары.

МЕШОК КОРРЕСПОНДЕНЦИЙ

Ирина **ИЛЬИЧЕВА**

Фото Галины **САНЬКО**.

Почтовый вагон пассажирского поезда Москва — Красноярск. Здесь днем и ночью идет напряженная жизнь. На столах, в сортировочных клетках с названиями городов,— денежные переводы, открытки, письма. Сколько в них человеческих чувств, новостей, скрытых от постороннего взгляда! Многие письма принесут неизвестному адресату счастье и радость. В других, может быть, есть и горькие вести...

Начальник почтового вагона Елизавета Максимова и ее помощница Раиса Минаева работают очень быстро. Они сортируют по адресам почту, заделывают почтовые мешки, достают из сейфа ценные письма, посылки.

Позади остался Новосибирск — крупнейший пункт почтового обмена. За окнами бескрайние таежные леса сменяются мелькающими огнями поселков, строек...

Наблюдая за работой связисток, мы захотели проследить судьбу одного мешка с корреспонденцией. Мы перелистали объемистый справочник связистов и решили: сойдем на станции Итат. Позднее мы прочли в Большой Советской Энциклопедии следующие строки об Итате: «Село, центр Итатского района, Кемеровской области. Железнодорожная станция на Великой Сибирской магистрали... В районе развиты посевы зерновых, молочное животноводство...». А пока мы знали об Итате лишь то, что поезд здесь стоит две минуты, а скорые и экспрессы тут и вовсе не останавливаются. Но много ли надо времени, чтобы передать местному почтовому агенту мешок с корреспонденцией.

О нем, об этом мешке корреспонденций, наш фотоочерк. Конечно, мы расскажем только о некоторых письмах: ведь Итатский район ежедневно получает более полутора тысяч корреспонденций, да еще 1 700 центральных газет и журналов, 20 научных изданий, 46 газет и журналов из разных стран и на разных языках.

— Ой, Зоя, он демобилизуется и едет домой! — Аня Байкина обнимает Зою Мустафину.

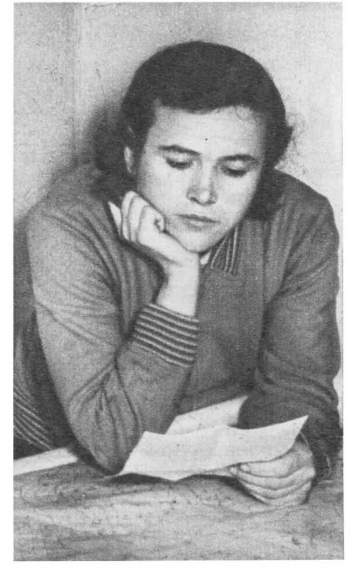
Две подруги — лучшие доярки колхоза имени Калинина. Где-то далеко на Западе служат в армии друзья их детства. Они почти каждый день пишут подругам. И, судя по настроению девушек, в этих письмах самые хорошие, самые нежные слова...

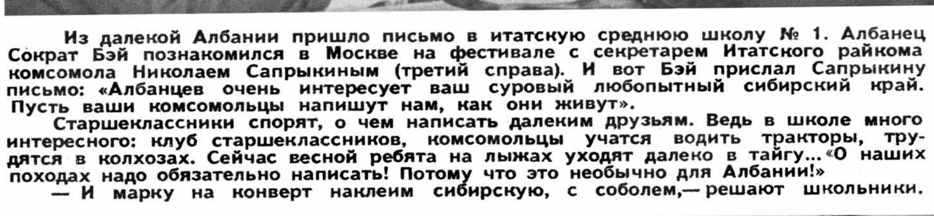

Учительница итатской средней школы № 2 Оксана Ивановна Пенкина учится на заочном отделении Московского института иностранных языков. Ее муж Петр Иванович—тоже студент-заочник Красноярского педагогического института. У них четверо детей: старшие—школьники, малыши ходят в детский сад.

— Вам, студенты, сегодня бандероли принесла и газеты иностранные,— говорит Нина Кононовна Панкратова. Двадцать пять лет работает она почтальоном в Итате. Ее часто увидишь в семьях, где все учатся.

Из далекой Албании пришло письмо в итатскую среднюю школу № 1. Албанец Сократ Бэй познакомился в Москве на фестивале с секретарем Итатского райкома комсомола Николаем Сапрыкиным (третий справа). И вот Бэй прислал Сапрыкину письмо: «Албанцев очень интересует ваш суровый любопытный сибирский край. Пусть ваши комсомольцы напишут нам, как они живут».

Старшеклассники спорят, о чем написать далеким друзьям. Ведь в школе много интересного: клуб старшеклассников, комсомольцы учатся водить тракторы, трудятся в колхозах. Сейчас весной ребята на лыжах уходят далеко в тайгу... «О наших походах надо обязательно написать! Потому что это необычно для Албании!»

— И марку на конверт наклеим сибирскую, с соболем,— решают школьники.

Александр Александрович Зимин — председатель колхоза имени Кирова. Он тридцатитысячник, в прошлом техник-геолог. Зимин ведет переписку с московскими и воронежскими учеными. Недавно в его адрес пришла из Москвы посылка с семенами желтого люпина; из воронежской опытной станции прислали семена кукурузы.

Сегодня получена объемистая бандероль со штампом «Книга—почтой». Пока Зимин рассказывает нам о больших и радостных переменах в сибирском колхозе, сын спешит вскрыть пакет. Так и есть: всем по книге! Отцу — «Овощеводство», маме — сочинения Я. Гашека, а мему — долгожданные «Приключения Незнайки»...

В Итатском районе почти на поверхности лежат огромные запасы бурых углей. Отряд геологов работает сейчас над исследованием и подготовкой к эксплуатации этих не тронутых пока богатств сибирской земли.

Инженер-гидрогеолог Надежда Павловна Павленко получила сегодня письмо из Томского университета. Профессора одобрили план осушения основной части богатейшего угольного месторождения. Но есть в письме строки, которые заставили Надежду Павловну призадуматься. Профессора советуют своей бывшей воспитаннице начать работу над кандидатской диссертацией.

— Заманчивое предложение. А вот справлюсь ли? Много работы, семья, дети...

— Вам, дедушка, опять перевод из Москвы...

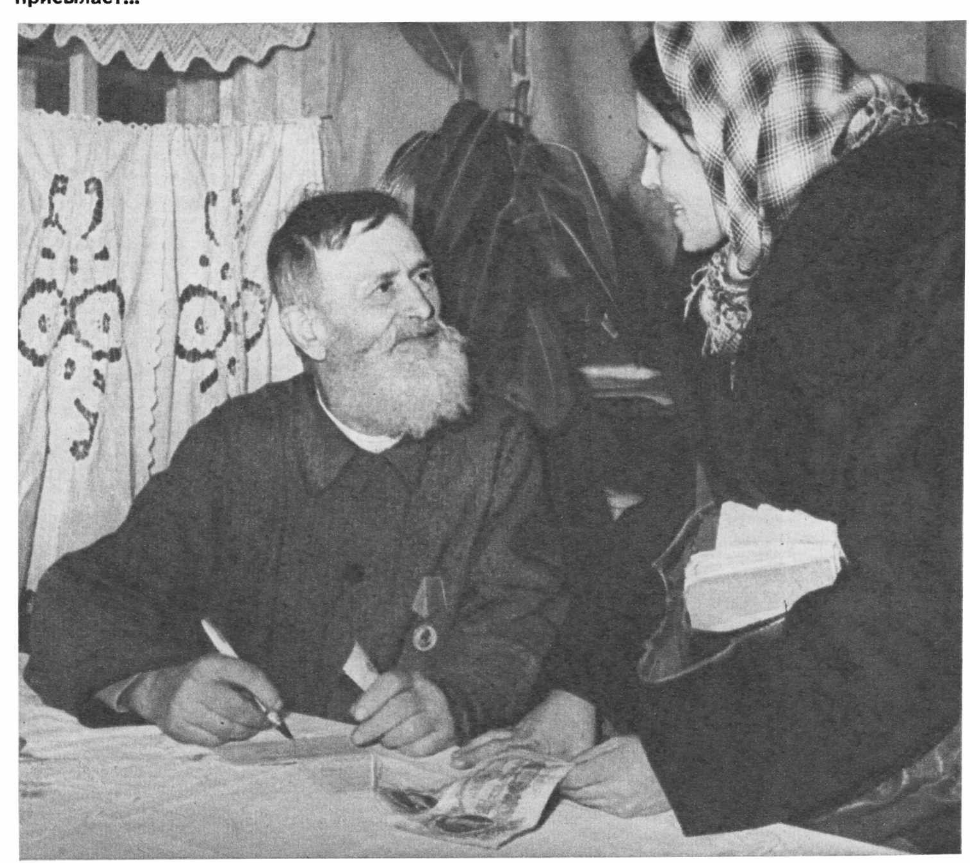
— От Саши?

— Да, от Александра Сергеевича.

Хороших детей вырастил Сергей Гаврилович Траханов, восьмидесятитрехлетний объездчик колхоза имени Ленина. Старший—ветеринар, второй — военный моряк, капитан 1-го ранга, дочь — колхозница.

Весточки от Александра Сергеевича Траханова, морского офицера, приходят из разных мест страны. Каждое его письмо — семейное событие. Отец при этом не преминет вспомнить, что и он когда-то служил матросом, в Порт-Артуре.

— Каждый отпуск наш моряк приезжает погостить в родной колхоз, — рассказывает Сергей Гаврилович. — И сразу берется за грабли, топор, рубанок. Сено косит, крышу перекрывает, по хозяйству работает. Говорим: «Отдохни»,— а он смеется. Пишем ему: «Не шли деньги, живем в достатке»,— не слушается. каждый месяц присылает...

В таежной глуши лежит поселок Шульмаево.

Сюда семье Ивановых привез письмо начальник конторы связи А. И. Денисенко. Это письмо из Кемеровского обкома партии — очень важный и волнующий документ. Ивановых приглашают переехать жить в областной центр. Им предоставляется отдельная квартира; дети уже определены в разные классы музыкальной школы.

Как-то десятилетняя Таня и близнецы Валентин и Тамара выступали на концерте художественной самодеятельности. В тот же день в Кемерово ушло письмо из Итатского райкома партии. Письмо о семье Ивановых, в которой все дети (а их восемь) играют на гармониках, аккордеоне, баяне. Играют по слуху: нот пока не знают. Семьей музыкантов заинтересовались в Кемерове. Оттуда пришло письмо — просим в областной центр!

— Конечно, мы поедем в Кемерово! — взволнованно говорит Тимофей Дмитриевич Иванов, пенсионер, инвалид Отечественной войны.— Скажу одно: спасибо! — И, обращаясь к детям, командует:— А ну, ребята, туш!

Прошло несколько дней. И вот уже сельский почтальон везет из колхозов в Итат ответные письма. Там их сложат в мешок, который погрузят в вагон поезда, что стоит на станции только две минуты. И пойдут путешествовать по белу свету приветы из Итатского района.

КАК ПРОИСХОДИЛА ЭТА БЕСЕДА...

Л. БОГУЦКАЯ,
член КПСС с 1918 года

В 27-м томе Собрания сочинений В. И. Ленина напечатано краткое изложение беседы Владимира Ильича с сотрудником «Известий ВЦИК» по поводу восстания «левых» эсеров.

О том, как происходила эта беседа, я и хочу рассказать.

...Лето 1918 года. Страна истощена четырехлетней империалистической войной. Голод. Разруха. Сыпняк косит людей. Молодая Советская республика кишит контрреволюционными заговорами. А ей, Советской республике, шел тогда только девятый месяц!

В такой обстановке в Москве, в Большом театре, собрался V Всероссийский съезд Советов. Я была в то время корреспондентом «Известий ВЦИК» и присутствовала на съезде.

«Левые» эсеры явились на съезд с явным намерением сорвать его. Они стремились во что бы то ни стало втянуть республику в войну. «Долой Брестский мир! Долой комитеты бедноты!» — кричали они во время выступлений делегатов-большевиков. Председатель съезда Я. М. Свердлов с трудом вел заседание. Вдруг он выступил с внеочередным заявлением:

— В три часа дня совершено покушение на посла Германии графа Мирбаха. Мирбах убит.

Провокационное убийство Мирбаха было началом «левоэсеровского» мятежа...

По указанию редакции мне срочно пришлось переключиться на собирание материала о борьбе с мятежниками. Из зала заседания съезда я вышла на улицы Москвы и невольно почувствовала что-то новое, напряженное в их облике. Особенно большое оживление царило на Покровском бульваре. Здесь, в обычно тихом Трехсвятительском переулке (ныне Б. Вузовский), скрылся убийца Мирбаха «левый» эсер Блюмкин. Тут же, в бывшем доме Морозова, находился штаб «левых» эсеров. Они уже начали арестовывать коммунистов в прилегающем к их штабу районе. Товарищ Дзержинский был вероломно захвачен в плен в тот момент, когда явился в помещение «левоэсеровского» отряда. У Покровских ворот мятежники вырыли окопы, поставили орудия, одно из них было наведено на Кремль.

Когда я добралась до своей редакции — она помещалась в одном доме с «Правдой» на Тверской улице,— туда уже поступили тревожные сведения: во двор Кремля попали снаряды, мятежникам удалось на 2 часа захватить телеграф и разослать несколько антисоветских телеграмм. Ночью пришло правительственное сообщение о том, что «...советская власть, опираясь на волю Всероссийского съезда, приняла все необходимые меры к подавлению жалкого, бессмысленного и постыдного мятежа...».

Но вот газета уже сверстана и спущена в машину. В редакции еще оставались редактор отдела информации старый большевик А. Антонов и я. Неожиданно вошел В. И. Ленин. Он был в темном летнем пальто с поднятым воротником и в кепке. Стремительной походкой Владимир Ильич направился к поднявшемуся ему навстречу Антонову. Поздоровался с нами. По привычке газетчика я сразу, как только Ленин начал говорить, постаралась все записать.

— Вот, объезжал позиции! Раздавим этих истерических крикунов! Чего захотели: втянуть нас в войну! Я сам и многие мои товарищи слышали в день мятежа выражения сильнейшего негодования против «левых» эсеров со стороны даже самых темных слоев народа. Серая, безграмотная старушка, негодуя, говорила по поводу убийства Мирбаха: «Ишь, проклятые, толкнули-таки нас на войну!»

Ленин встал, прошелся по комнате.

— Сегодня же ночью ликвидируем эту авантюру и скажем народу всю правду, что мы на волосок от войны. Все, кто против войны, будут за нас.

Ленин был бодр, энергичен. Нам даже странным казалось, что, несмотря на такое позднее время, на лице его не было никаких следов усталости. Он беседовал с нами минут двадцать — двадцать пять, похвалил, что мы не уходим из редакции, пока кто-нибудь не придет на смену.

Антонов попросил у Владимира Ильича разрешения дать запись беседы с ним в выходящем номере газеты. Ильич глянул в мою сторону, он видел, что я все время записывала его рассказ, улыбнулся как-то ласково, ободряюще и сказал: «Ну, что ж! Попробуйте и прочтите мне по телефону».

Когда Владимир Ильич ушел, я показала Антонову запись беседы с Лениным. Запись эта была прочитана по телефону Владимиру Ильичу. Он одобрил. Но поместить беседу в газете от 7 июля было уже поздно. Номер печатался. Как быть? Тогда решили беседу издать приложением к номеру от 7 июля, а 8 июля напечатать в газете.

Рано утром я раскрыла окно. Стрельба на улицах Москвы еще не прекратилась. Вдруг наше внимание привлек шум мотоцикла во дворе редакции. Через минуту в комнату, где мы работали, вошел товарищ в военной форме и протянул нам корзинку:

— Это вам из Кремля!

В корзинке был хлеб и консервы. Их прислал Владимир Ильич, который даже в такой момент, когда он лично руководил ликвидацией «левоэсеровского» мятежа, не забыл о работавших всю ночь сотрудниках «Известий». А было это в те дни, когда работникам Кремля часто приходилось огорчаться тем, что они могли подать Владимиру Ильичу к завтраку только стакан чаю, даже без кусочка хлеба...

Вот так и происходила эта беседа, краткая запись которой напечатана в 27-м томе Собрания сочинений В. И. Ленина.

Такой лозунг висит на стене просторного коридора и многократно повторяется на всех этажах большого здания Ленинградского профессионального технического училища № 1, учебного заведения нового типа, с двенадцатилетним сроком обучения. Отсюда выйдут высококвалифицированные рабочие с полным средним образованием. Об особенностях трудового воспитания в училище мы попросили рассказать директора училища Николая Александровича Балабановича.

— Наше училище, созданное прошлой осенью, скоро заканчивает свой первый учебный год. У нас 250 питомцев — девочек и мальчиков, бывших воспитанников детских домов в возрасте от 7 до 16 лет. Здесь они живут и учатся. Государство создало им все условия для занятий и отдыха.

Лозунги... Их много в нашем большом доме. И среди них один, который помнят все. Он стал девизом в нашей работе: «У нас белоручек нет!»

Любовь к труду, желание и умение создавать, строить своими руками мы стараемся прививать детям с первого дня их жизни в училище, с первого же класса. Малышей учат самостоятельно заправлять кровати, убирать свои спальни и классы. Их детским играм нисколько не мешает выпиливание лобзиком по дереву, вышивание. Пусть не всегда хорошо получается, мы вначале на этом и не настаиваем. Важно, что это уже первые вещи, сделанные ими самими.

В третьем классе они уже собирают из готовых деталей заводные игрушки. Для этого в их «цехе» есть тиски, молоточки и другие инструменты. Ребята уже собрали 200 автомашин и торжественно, на линейке, раздарили их «маленьким» — ученикам первых классов. Девочки, конечно, любят шить и вышивать. Начиная с 12 лет они уже в состоянии сшить для себя или подружки платье.

В учебной программе — широкое политехническое и производственное обучение. Ведь из стен училища ребята должны выйти хорошо знающими свое дело, высококвалифицированными рабочими. Но мы хотим, чтобы молодые люди, кроме своей специальности, знали, умели и любили многое из того, что может пригодиться в жизни. Разве плохо уметь водить автомашину, исправить радиоприемник, починить электропроводку, прогладить свой костюм и рубашку и даже сварить, пусть немудреный, обед? И для этого мы ввели систему трудовых дежурств. Наши питомцы поочередно работают в должностях помощников шоферов, электромонтеров, водопроводчиков, поваров, кочегаров, кастелянш, воспитателей младших классов. Через каждые полмесяца они меняют свою «профессию». От желающих работать отбоя нет. Каждый класс имеет свою «копилку» — книгу, в которую записывается все сделанное во внеурочное время. Это — увлекательное соревнование в труде.

Мы, воспитатели, наглядно видим, как благотворно действует этот добровольный, внепрограммный труд на формирование человека. Училище совсем молодое, оно существует первый год. Но среди детей все меньше и меньше неуспевающих, уже почти нет лентяев и нерях. Мы не сомневаемся, они и вовсе у нас исчезнут! У наших питомцев будут, как говорят, «золотые руки». Так они и поют в одной из своих песен:

Пройдут года, настанут дни такие,
Когда советский трудовой народ
Вот эти руки, руки молодые,
Руками золотыми назовет.

Семиклассники Толя Шестаков и Леонид Савельев исполняют обязанности дежурных помощников электромонтеров.

Вова Мартышкин не готовится в повара. Он будет судостроителем. Но уметь сварить обед неплохо. Во время дежурства он учится этому у повара училища Нины Петровны Воробьевой.

«Огонек».

Фото С. Фридлянда и Б. Уткина.

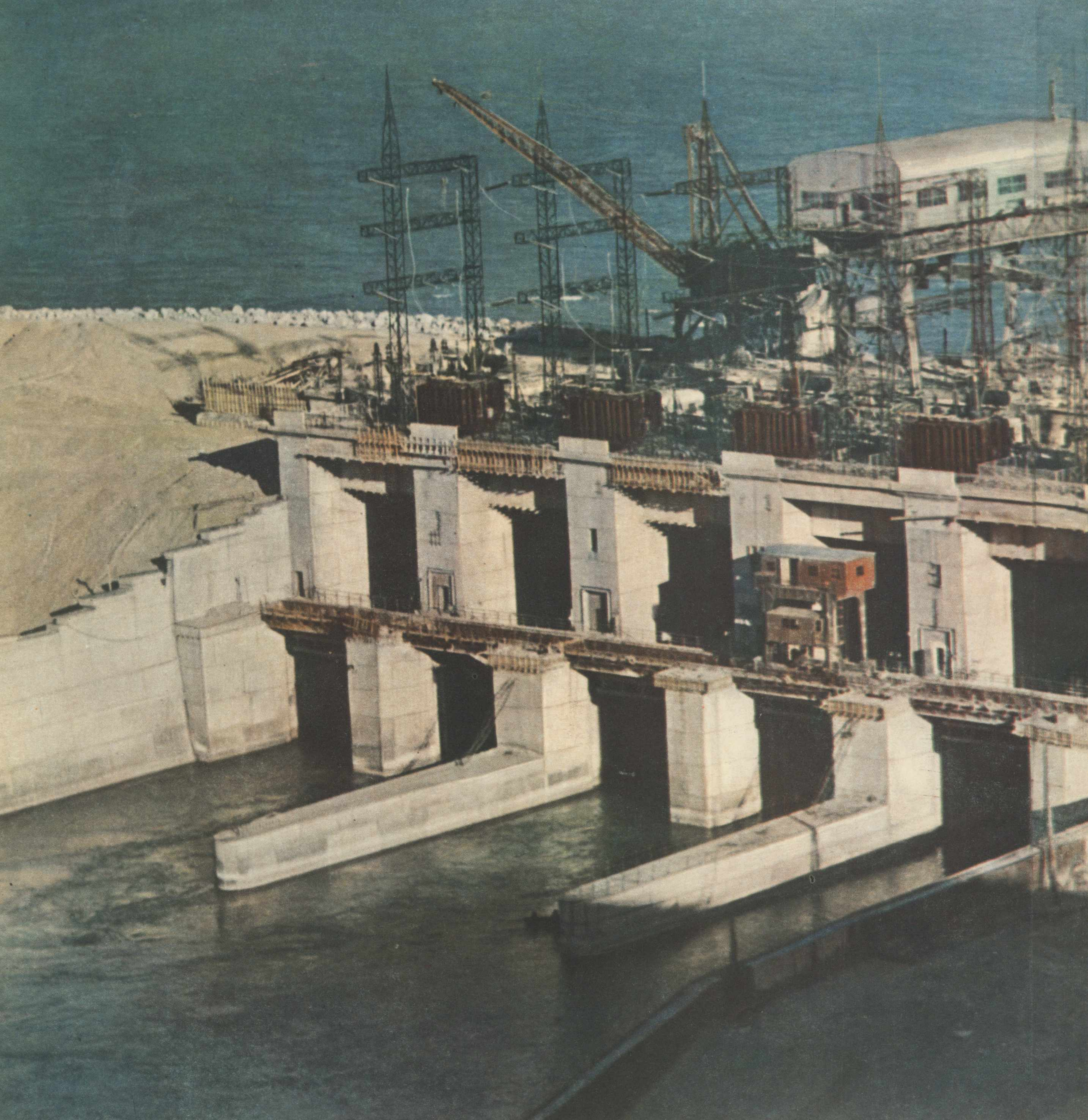
Люся Ряхина сшила свое первое платье. В окончательной отделке ей помогают подруги Света Дудинская и Нина Смирнова.

В котельной дежурят Борис Смирнов и Коля Воронов.

ПРОВОДА ИДУТ ОТ КАЙРАК-КУМОВ

Общий вид Кайрак-Кумской ГЭС «Дружба народов».

Фото В. Тарасевича.

Воды Сыр-Дарьи помогают металлургам Беговата плавить добротную сталь.

И от «Таджикского моря» пришел в Самарканд электрический ток, по улицам древнего города побежали троллейбусы.

ПРОВОДА ИДУТ ОТ КАЙРАК-КУМОВ

Ярче, чем прежде, засветились окна Ленинабадского шелкокомбината.

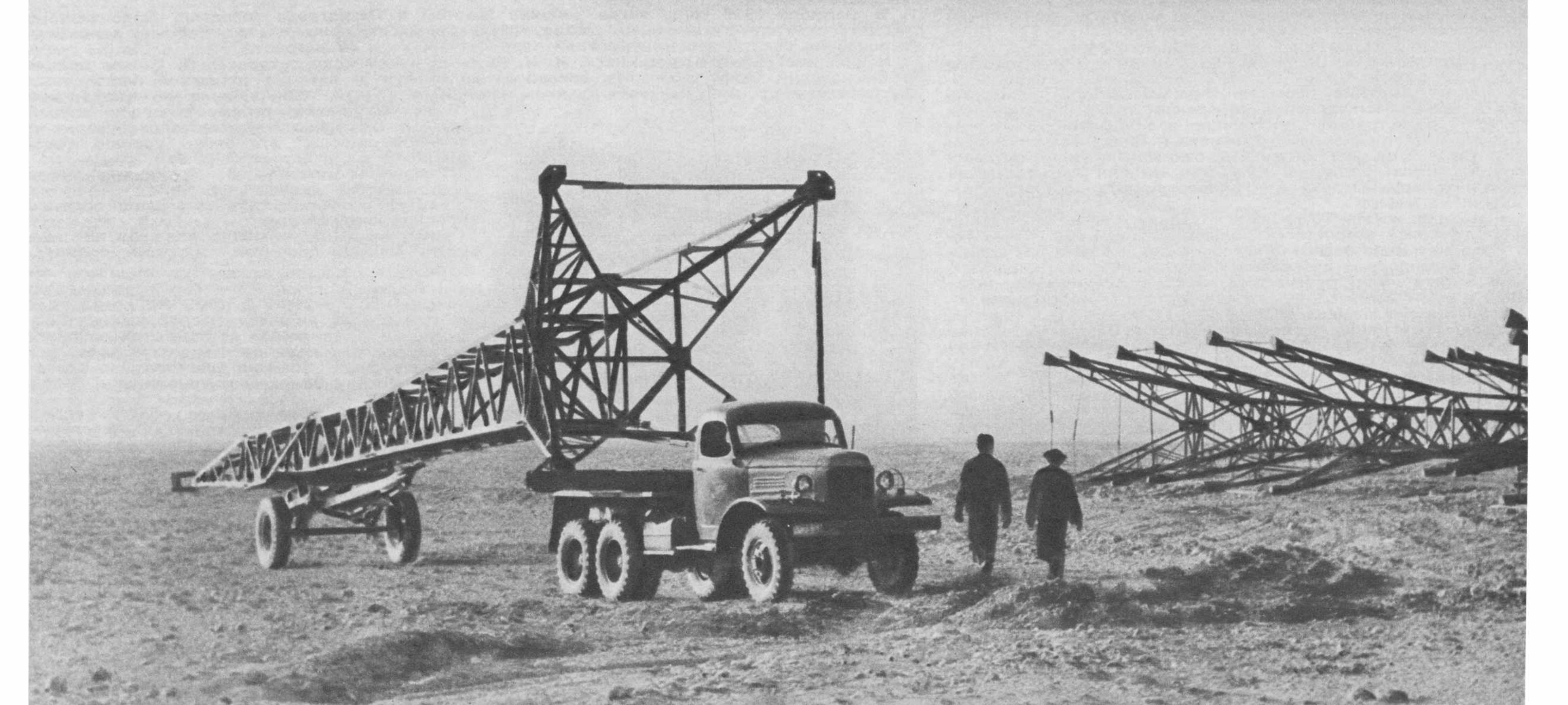
Фото В. ТАРАСЕВИЧА

Новая точка на карте электрификации СССР. Для нас это очередная победа великой ленинской идеи социалистического преобразования Родины. Взгляните на фотографии... В центре цветной вкладки — снимок плотины гидростанции на Сыр-Дарье. За плотиной — озеро, именуемое «Таджикским морем». В нем собрано 4 200 миллионов кубометров воды.

Недавно этот гидроузел вступил в строй. Мощностью своей он уступает многим построенным и строящимся на Волге, на Днепре, на реках Сибири гидроузлам. «Таджикское море» — меньшой брат других искусственных морей, которые разлились и еще разольются на советской земле. И, тем не менее, рождение этой новой станции — знаменательное явление наших дней. Она названа Кайрак-Кумской, потому что возникла на краю песчаных степей Кайрак-Кумов и призвана оживить сотни тысяч гектаров засушливых земель в двух республиках. Ее называют станцией «Дружба народов», так как она воздвигнута людьми 37 национальностей, ее энергия идет в четыре республики: Таджикистан, Узбекистан, Казахстан и Киргизию. Провода от Кайрак-Кумов тянутся к Ленинабаду и древнему Самарканду, в Голодную степь и в дома Канибадама. Бесплодные прежде Кайрак-Кумы — теперь источник радости и жизни.

Мощные электромоторы Самгарской насосной станции каждую минуту будут давать хлопковым полям Таджикистана 12,5 кубометра воды. И вода и ток пойдут от Кайрак-Кумской ГЭС.

Скоро ток Кайрак-Кумской ГЭС «Дружба народов» потечет из Таджикистана в Казахскую и Киргизскую республики.

Курорт Дьяблере. Справа — гостиница «Гранд Отель», сгоревшая в 1955 году. Снимок 1894 года.

Первая поездка Ленина в Швейцарию

В первый раз за границу Владимир Ильич Ульянов (тогда он еще не принял имени «Ленин» и подписывал свои статьи псевдонимом «К. Тулин») выехал 7 мая 1895 года, когда ему едва исполнилось двадцать пять лет. Он посетил Австрию, Швейцарию, Францию и Германию, установил связь с группой «Освобождение труда», знакомился с западноевропейским рабочим движением и 19 сентября, после четырех с лишним месяцев пребывания за границей, вернулся в Россию.

Этот период жизни В. И. Ленина очень мало известен и с трудом поддается сейчас изучению. Со времени поездки прошло свыше 60 лет. Людей, лично знавших его в ту пору, нет уже в живых. Остались лишь отрывочные, разрозненные воспоминания современников, не всегда достоверные, иногда противоречивые.

Нам удалось собрать новые данные, касающиеся швейцарского этапа первой заграничной поездки.

Приехав поездом в Швейцарию из Австрии — через Зальцбург, Инсбрук, Букс,— Владимир Ильич раньше всего направился в Женеву на свидание с Г. В. Плехановым. Оно состоялось на квартире Георгия Валентиновича, на улице Кандоль, противоположная сторона которой занята университетом. Но за руководителем группы «Освобождение труда» тщательно следила царская полиция, и для Ленина, который хотел не только легально вернуться на родину, но и провезти в чемодане с двойным дном нелегальную литературу, видеться открыто с Плехановым было опасно. Они сговорились о новой встрече, уже в горах, в уединенном месте, куда они должны были прибыть разными путями.

Из Женевы Владимир Ильич приехал в Монтре, расположенный на восточном берегу Женевского озера. Дальше Владимир Ильич, которого сопровождали два товарища, шел пешком через Жаманский перевал (высота—1 516 м) к ущелью Онгрен. Горными тропами через Мосс (1 448 м) добрались они втроем до долины Ормон, простирающейся на двадцать пять километров. По ней протекает горная речка Гранд-О, бурная и быстрая. В этой глуши они были вполне защищены от всевидящего ока охранки.

Минувшей осенью мы повторили эту пешеходную прогулку из Монтре в долину Ормон. Мы хотели выяснить: где именно Ленин встретился с Плехановым? В долине имеются две коммуны: Ормон-дессю (верхняя) и Ормон-дессу (нижняя). Последняя, по полученным нами сведениям, не могла представить интереса для приезжих, и мы поэтому остановились на первой.

Ормон-дессю, в свою очередь, состоит из двух населенных пунктов — Вер л'Эглиз и Дьяблере. В каком из них произошла встреча?

Вер л'Эглиз значит по-французски «К церкви». Действительно, эта деревня возникла около старинной церкви, которая была построена еще в XV веке. Она расположена на левом берегу Гранд-О, под горой. Солнце сюда почти не проникает, и у жителей недаром сложилась поговорка: «Если пастор начнет проповедь с восходом солнца и кончит ее с заходом, она будет короткой». Нет, не здесь жил Ленин!

Мы прошли еще километра три по направлению к перевалу Пийон (1 550 м), и перед нашими глазами открылся живописный курорт Дьяблере (1 163 м), расположенный на стыке трех кантонов: Во, Вале и Берн. Он окружен зубчатой цепью гор, склоны которых устланы белыми ледниками, имеющими до девяти километров в длину. В этой горной гряде выделяются две вершины: Ольденхорн (3 124 м) и Дьяблере (3 246 м), который и дал имя курорту.

Мы обратились к Полю Мореро, синдику (председателю городского совета) Ормон-дессю, и к его заместителю, коммунальному советнику Альберу Николье, которые предоставили в наше распоряжение городской архив. Однако обязательной регистрации иностранцев в те времена не существовало. Поэтому фамилий Ульянова и Плеханова мы найти не могли. В жандармерии для нас открыли книги, в которых имеются записи столетней давности. Но они касаются всяких «правонарушителей» и к интересующим нас лицам отношения не имеют.

От местных жителей мы все же узнали, что лишь недавно умер в глубокой старости почтальон, который еще в 90-х годах прошлого века развозил здесь почту. Убежденный социалист, он с гордостью рассказывал «молодежи», что среди его клиентов был «отец русского марксизма Плеканофф», живший с тремя своими соотечественниками в «Гранд Отеле».

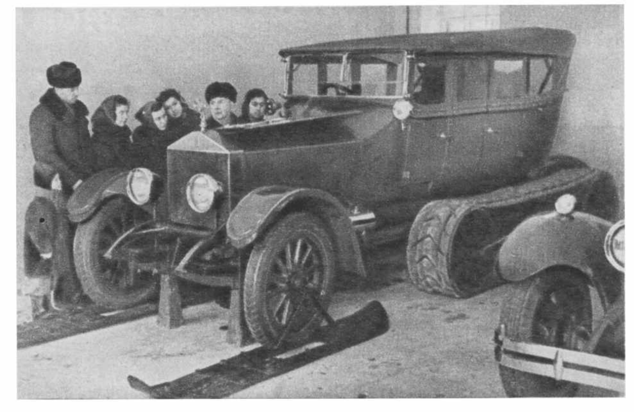
Гостиница эта сгорела дотла три года тому назад, и на ее месте осталось лишь пепелище. Однако в городском архиве мы разыскали фотографию, снятую зимой 1894 года. На ней хорошо виден «Гранд Отель». Книги гостиницы, в которых расписывались гости, удалось частично спасти. В Морже (недалеко от Лозанны) мы посетили владелицу сгоревшего дома. Она обещала нам выяснить, сохранилась ли книга, которая относится к 1895 году.

Нам посчастливилось восстановить некоторые детали жизни Владимира Ильича в первый его приезд в Швейцарию. Мы еще вернемся в Ормон-дессю, чтобы уточнить их. В этом нам обещал свое содействие историк-любитель из Дьяблере.

Р. СКОМОРОВСКАЯ

Женева, март 1958 года.

АВТОСАНИ ИЛЬИЧА

С. К. Гиль рассказывает посетителям Дома-музея в Горках о своих поездках с Лениным.

Фото В. Довгялло.

В гараже Дома-музея В. И. Ленина в Горках стоит необычный на вид автомобиль. Вместо задних колес у него гусеницы, а под передними — широкие лыжи. Это автосани, которыми пользовался Владимир Ильич Ленин в последние годы своей жизни.

...1920 год. Гражданская война, разруха, голод. После ранения, полученного в 1918 году, Ленин по настоянию врачей стал часто выезжать в Горки. Он уезжал туда в субботу вечером и возвращался в Москву только в понедельник утром. Но вот наступила зима. В том году она была особенно снежной и вьюжной. Однажды по дороге в Горки автомобиль Владимира Ильича увяз в сугробе.

Шофер С. К. Гиль рассказал В. И. Ленину об автосанях. Модель автосаней создал один инженер еще до империалистической войны. Это была оригинальная и очень смелая по тем временам конструкция. Модель испытывали различные комиссии, и в конце концов она была принята на вооружение русской армии. Заказали на Ижорском заводе части, а сборку новых машин поручили Путиловскому заводу. Но тут началась война, заказ был аннулирован, и автосанями больше никто не занимался.

В. И. Ленин заинтересовался рассказом Гиля и спросил, нельзя ли наладить сборку таких саней.

Вскоре Гиль выехал в Петроград. Узнав, что автосани собираются для Ильича, рабочие Путиловского завода трудились с большим энтузиазмом.

Через две недели автосани стояли у подъезда Совнаркома.

Л. КАФАНОВА

По совету Н. К. Крупской

Н. К. Крупская и М. В. Белов.

Это было 20 мая 1926 года на IV съезде политпросветработников. Съезд открыла Н. К. Крупская, встреченная горячими аплодисментами.

Мне, делегату, довелось приветствовать съезд от имени красноармейцев: я был курсантом военной школы. После приветствия Надежда Константиновна Крупская подошла ко мне, пожала руку и сразу же стала расспрашивать о работе известной в то время Ионовской избы-читальни, Ветлужского уезда, Нижегородской губернии. Надежда Константиновна знала, что эта изба-читальня была организована при моем активном участии и торжественно открылась в 1923 году в лесной глуши, в «медвежьем углу», как тогда называли такие деревни. Я рассказал Надежде Константиновне о том, с какой радостью крестьяне приняли подарок-посылку от Н. К. Крупской для избы-читальни — библиотечку в 300 книжек.

Надежда Константиновна посоветовала мне пойти учиться в Академию коммунистического воспитания, и через год меня командировали на учебу в Академию имени Н. К. Крупской, которую я и окончил в 1932 году.

М. БЕЛОВ, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии Академии наук СССР.

Паровоз «530-V»

В музее при депо Москва-Сортировочная экспонирован снимок паровоза «530-V».

У старейших машинистов П. П. Дятлова и А. П. Чулина связано с этим снимком много воспоминаний.

В сентябре 1919 года, когда рабочие Москвы и Петрограда голодали, было решено послать за Урал специальный состав, чтобы привезти зерно и мясо. Рабочие депо Сортировочная быстро отремонтировали паровоз «530-V» и 40 вагонов.

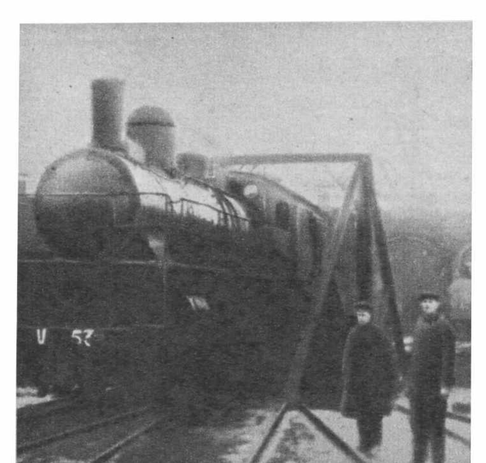
Начальник эшелона машинист И. И. Рыжков и комиссар токарь П. П. Дятлов пошли в Московский Совет оформить дорожные документы и здесь в приемной неожиданно встретились с Владимиром Ильичем Лениным. Узнав, что рабочие во внеурочное время бесплатно отремонтировали целый эшелон, Владимир Ильич сказал:

— Это хорошо! Это очень хорошо, товарищи!

Рабочие попросили В. И. Ленина лично подписать их документы:

— Путь далекий, трудный. Ваша подпись крепко поможет нам.

Владимир Ильич молча взял от них бумаги, быстро прочитал, поставил подпись.

Ехать на восток за хлебом пришлось через Пермь. Мост на Каме был взорван колчаковцами. Но весть о том, что поезд идет за хлебом по личному распоряжению Владимира Ильича, дошла до пермских рабочих, и они помогли переправить состав через реку на баржах. Эшелон благополучно доставил в Москву 38 вагонов пшеницы и белой муки.

Летом 1920 года паровоз «530-V» водил маршрутные поезда за солью в Поволжье, за каменным углем в Донбасс, а осенью снова отправился за хлебом и мясом.

Теперь паровоз — на Перовском ремонтном заводе под Москвой.

Лектор Калининского райкома партии И. СМИРНОВ.

г. Москва.

Карикатура В. Каррика, изображающая чествование Михайловского.

История одной карикатуры

В фондах Одесского музея западного и восточного искусства хранится карикатура, изображающая чествование народника Н. Михайловского. Как нам удалось установить, именно этот рисунок упоминался в речи В. И. Ленина на собрании в Московском комитете партии в честь 50-летия Владимира Ильича.

Зная, что В. И. Ленин — противник всякого «культа личности», секретарь МК известил Владимира Ильича о вечере лишь после того, как он начался. Однако и эта «уловка» не помогла. В. И. Ленин отказался присутствовать на официальном чествовании и явился только во время перерыва, после выступлений А. М. Горького, А. В. Луначарского, М. С. Ольминского, И. В. Сталина и других товарищей. Свою речь, в которой он кратко обрисовал путь, пройденный партией, и призывал не увлекаться успехами, не зазнаваться, В. И. Ленин начал с критики юбилейного славословия. «Я прежде всего,— говорил он,— естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а во-вторых, еще больше за то, что меня избавили от выслушания юбилейных речей. (Аплодисменты.) Я думаю, что, может быть, таким образом мы постепенно, не сразу, конечно, создадим более подходящий способ для юбилея, чем тот, который практиковался до сих пор и который иногда создавал повод к удивительно хорошим карикатурам. Вот одна из таких карикатур, нарисованная выдающимся художником и посвященная подобному юбилею. Я ее получил сегодня вместе с чрезвычайно дружеским письмом, и так как товарищи были настолько любезны, что они от юбилейных речей избавили меня, я передаю эту карикатуру на рассмотрение всех с тем, чтобы избавили нас впредь вообще от подобных юбилейных празднеств».

Что же это за рисунок? Кто его подарил Владимиру Ильичу?

Вот что рассказывает в своих воспоминаниях Е. Д. Стасова:

«В день пятидесятилетия В. И. Ленина я была больна и не могла его увидеть. Но мне хотелось сделать Владимиру Ильичу что-нибудь приятное. Разбирая свои вещи, я нашла карикатуру известного карикатуриста Каррика, на которой был изображен юбилей народника Михайловского. За столом, покрытым сукном, стоял растроганный Михайловский... Михайловского окружали Южаков, Мякотин, Струве, А. М. Калмыкова, а перед столом стояло двое детей: мальчик в матроске и девочка в том возрасте, когда заплетенная косичка напоминает крысиный хвостик. Это «марксята» пришли приветствовать народников. Я написала Ленину, что вот, мол, когда был юбилей Михайловского, мы были еще в детском возрасте, а теперь мы большая партия, и все это благодаря вашей работе, вашему таланту. Ленину понравилась карикатура».

Автор рисунка, художник Валериан Вильямович Каррик, участвовал в сатирических и юмористических журналах. В революционные дни 1905—1906 годов вместе с такими русскими художниками, как В. А. Серов, Б. Кустодиев, Е. Лансере, И. Бродский, И. Билибин, Каррик сотрудничал в журналах «Жупел», «Леший».

Ф. ШАПОШНИКОВ,
заместитель директора Одесского музея западного и восточного искусства.

Редакция «Огонька» обратилась к Е. Д. Стасовой с просьбой удостоверить подлинность карикатуры. Елена Дмитриевна сообщила:

— Да, это та самая карикатура, копию которой я подарила Владимиру Ильичу. Очень приятно узнать, что в Одесском музее западного и восточного искусства хранится подлинник этой работы В. В. Каррика. Ввиду того, что я не видела этой карикатуры с 1920 года, в мои воспоминания вкрались некоторые неточности. Надо внести небольшие поправки.

За столом находятся, кроме Н. Михайловского, видные народники того времени: Южаков, Мякотин и другие.

А. Калмыкова и Струве стоят перед столом так же, как и «марксята», пришедшие приветствовать народников.

П. Струве — представитель легального марксизма того времени, отошедший впоследствии от революционного движения.

Александра Михайловна Калмыкова была владелицей книжного магазина в Петербурге (я даже помню ее адрес: Литейный, 60), издательницей ряда брошюр для народа. Ее высоко ценил Владимир Ильич. В переписке В. И. Ленина можно найти ряд писем, адресованных А. М. Калмыковой. Она оказывала материальную помощь партии большевиков. Я, в частности, пользовалась ее магазином и той помощью, которую она оказывала Петербургской организации большевиков. Знакомство мое с Александрой Михайловной произошло потому, что она дружила с моей матерью П. С. Стасовой.

КРЕСТНИК КОРАБЛЯ

Из далекого рыбачьего поселка в районный центр на небольшом катере везли роженицу. В пути ей стало хуже, понадобилось срочное вмешательство врача. В это время показался военный корабль. Команда катера подала сигнал о помощи. Роженицу приняли на борт корабля.

Капитан медицинской службы Константин Владимирович Ильин был готов к любой операции, но роды... Признаться, это было слишком неожиданно.

Но раздумывать некогда, роженицу отнесли в лазарет. Привычная жизнь корабля нарушилась. Нина Голубева, незнакомая женщина из маленького рыбачьего поселка, заставила думать о себе всех членов экипажа.

И вот по кораблю разнеслась радостная весть: мальчик!

В вахтенном журнале появилась необычная в истории военного корабля запись: «18. II. 1958 года на корабль доставлена гражданка Голубева. Родился мальчик...»

Как назвать ребенка? Тут от моряков поступило такое множество предложений, что было решено посоветоваться с командиром корабля. Командир думал недолго. Виктория — победа! Быть мальчику Виктором. Матери тоже понравилось имя.

Сколько было хлопот весь день! Матросы тут же предложили себя в «няньки». Нужен свежий воздух — они могут с ним погулять. Совещались, какое надо купить приданое.

Было уже далеко за полночь, когда наконец на корабле уснули все, кроме вахтенных. Крепко спали и мать с сынишкой. Но бодрствовали у себя в каюте капитан медицинской службы Константин Владимирович Ильин и лейтенант Василий Семенович Гарбаренко. Старательно изучали они всю оказавшуюся под руками литературу, в которой можно было прочитать об уходе за новорожденным.

...Прошел месяц, и члены экипажа во главе с врачом К. В. Ильиным приехали в рыбацкий поселок проведать крестника корабля. Матросы нашли, что малыш вырос и пополнел. И так как никто уже не сомневался, что Виктор будет моряком, в подарок ему привезли тельняшку.

Г. САНЬКО, К. ШАПОВАЛОВ

— Счастливого пути, счастливой жизни! Корабельный врач Константин Владимирович Ильин бережно передает малыша матери — Нине Голубевой. Справа — лейтенант медицинской службы В. С. Гарбаренко.

Фото старшего матроса А. Топоровского.

Когда Виктору исполнился месяц, в гости к нему прибыла делегация с корабля. Какой другой подарок придумаешь будущему моряку? Скоро тельняшка будет впору общему крестнику.

Фото Г. Санько.

Друг из Берлина

Приехав в Москву, Раймунд Шнабель, берлинский радиорепортер и журналист, разыскал кинодраматурга Константина Семенова. Оба были в годы войны узниками гитлеровского концлагеря Дахау.

Кончилась война. Семенов вернулся домой, окончил Институт кинематографии. Он один из авторов художественного фильма «Орленок».

Шнабель совершил поездку по многим странам. В радиопередаче «По следам гитлеризма в Европе» он рассказал о том, что видел, что пережил. Шнабель издал книгу «Владычество без морали» — сборник документов, разоблачающих кровавые зверства эсэсовцев. Книга была издана во Франкфурте-на-Майне, но бывшие эсэсовцы, облаченные в мундиры нового вермахта, ополчились против автора книги, и Шнабелю пришлось переехать в Восточную Германию.

Раймунд Шнабель (в центре) среди советских ветеранов войны.

Теперь Семенов и Шнабель встретились в Советском комитете ветеранов войны. Сюда пришли и другие испытавшие ад Дахау москвичи: инженер Михаил Седов, хозяйственник Николай Тихомиров, парторг Илларион Панов, лаборант Николай Борисенков из Нахабина, пенсионер Владимир Породенко из Одессы.

М. ИСКРИН

КАК МНЕ БЫТЬ?

Рассказ

Ричард ДЕМИНГ,
американский писатель

Рисунки А. ВАСИНА.

Прежде всего вы должны понять, что я честный человек. За все годы моей общественной деятельности я не взял ни цента «бесчестных денег».

И в других отношениях я в основном являюсь тем, кого в обществе принято называть «образцовым гражданином». Я добрый отец и хороший муж. Активно участвую в делах церкви и города. Больше того, я всю свою жизнь посвятил служению обществу.

В настоящее время я прокурор округа Сент Микаэль.

Если весь этот разговор о моей добропорядочности заставит вас подумать, что я собираюсь признаться в каком-нибудь преступлении, то мне лучше сразу заявить, что дело обстоит не так. Просто я стою перед выбором.

Вне зависимости от того, что я выберу, я останусь добропорядочным гражданином. Если я выберу одно решение, то проведу остаток своей жизни приятно, но однообразно, занимаясь частной адвокатской практикой и получая, пожалуй, доход больший, чем мой нынешний оклад. Если я приму другое решение, то почти наверняка стану губернатором штата и, возможно,— хотя, признаюсь, маловероятно,— смогу закончить свою политическую карьеру в Белом доме.

Единственно, как я могу объяснить свое положение,— это заявить, что попал в него невольно. Каждый единичный компромисс с моими моральными устоями казался мне таким ничтожным, а последствия отказа — такими пагубными, что даже сейчас, когда я мысленно оглядываю пройденный путь, я, по чести, не могу себя обвинять.

Не могу я обвинять и Систему, ибо это значило бы обвинять все человечество.

Мое первое знакомство с тем, о чем я впоследствии стал думать как о Системе, произошло в связи с делом Макса Блума. Я был совсем еще зеленым, неопытным помощником прокурора, самым молодым из восьми его помощников. В то время мне было 26 лет.

Макс Блум был владельцем тотализатора. Дело его ничем особенным не отличалось. Два полицейских произвели внезапную облаву на его контору, захватили Макса, когда он принимал ставки пари, и арестовали его. Так как ему, по существу, не на чем было строить свою защиту, то я считал, что дело обойдется единичным судебным разбирательством. Обвиняемый, несомненно, признает себя виновным и заплатит обычный штраф.

Но вместо этого мне нанес визит Большой Джои Мартин.

Я знал, кем был Большой Джои, хотя и не встречал его до тех пор. Он был политическим боссом Шестого и Седьмого избирательных участков. Поговаривали также, что у него были связи с владельцами сети нелегальных игорных заведений. Это был огромный человек, по крайней мере, 6 футов и 4 дюймов росту и весом в 270 фунтов. Часть его веса приходилась на мускулы, но все же жира было больше чем достаточно.

Он без стука вошел в мою рабочую каморку, осторожно опустился на стул, подвигался немного, чтобы усесться поплотнее, и начал обмахиваться шляпой.

— Вы Джордж Кеннеди? — спросил он, проделав все это.

Я кивнул.

— Думаю, вы знаете, кто я...

Я снова кивнул:

— Джои Мартин.

В течение секунды или двух толстяк продолжал обмахиваться шляпой. Потом он сказал:

— Я слыхал, вы ведете обвинение против Макса Блума.

Я в третий раз кивнул головой.

— Кто-то промахнулся. Очередь Макса должна наступить только через два месяца, и он до чертиков недоволен тем, что ему приходится на две недели останавливать дело. Я попытался было сказать ему, что устрою, чтобы следующий арест отложили еще на два дополнительных месяца, но эта глупая башка слушать ничего не хочет. Прямо псих. Боюсь, что он взорвется в суде и начнет требовать, чтобы ему вернули гарантийные деньги. Поэтому нам лучше всего прикрыть следствие.

Я посмотрел на него с раскрытым ртом:

— Вы что, просите, чтобы я отказался обвинять правонарушителя?

— Правонарушителя?—повторил Джои Мартин удивленно.— Макс — хозяин «тото», а не преступник.—Он пристально посмотрел на меня и добавил:— Если вы с этим не согласны, то я ничего от вас не прошу. Я просто считал, что вы должны быть в курсе дела. Забудьте, что я вас побеспокоил.

Поднявшись со стула, он, кивнув головой, легко вышел из комнаты. Я настолько был ошеломлен всем происшедшим, что так и сидел с открытым ртом.

Через пятнадцать минут меня вызвали в кабинет первого помощника прокурора Кларка Глисона.

— Как дела, Джордж? — дружески сказал Глисон, указывая на стул.— Начинаете осваиваться?

Я ответил, что все обстоит прекрасно.

— Я позвал вас, Джордж, потому, что беру на себя дело Макса Блума. Вам не трудно будет забросить мне папку с делом, когда в следующий раз будете проходить мимо моего кабинета?

Я медленно сложил руки на коленях:

— У вас был Джои Мартин, мистер Глисон?

— Да, был. Собственно говоря, он только что вышел отсюда.

— Ясно... Мистер Глисон, несколько минут назад Джои Мартин фактически приказал мне прикрыть дело Блума. Он что-то говорил о гарантийных деньгах и о том, что полиция допустила ошибку в сроках ареста. Когда я попытался припереть его к стенке, он более удивился, чем встревожился, и вышел из комнаты. А теперь я узнаю, что он был у вас и вы берете дело Блума себе. Я думаю, что имею право на объяснение.

Прежде чем ответить, Глисон долго, задумчиво смотрел на меня. Наконец он спросил:

— Как вы думаете, почему я беру дело Блума себе?

— Может быть, я ошибаюсь, мистер Глисон,— ответил я осторожно и вместе с тем воинственно,— но с первого взгляда может показаться, что наше учреждение выполняет указания какого-то рекетира.

Глисон улыбнулся смущенно, но беззлобно:

— Наше учреждение не выполняет ничьих указаний, Джордж. Но иногда нам приходится оказывать политические услуги. Вы знаете, кем является Джои Мартин?

— Конечно. Профессиональным игроком.

— И еще кое-кем, Джордж. Джои — как раз тот парень, который распоряжается голосами в Шестом и Седьмом участках. Всеми голосами. На каждых выборах он обеспечивает нашей партии уверенное большинство голосов. Взамен он иногда просит о небольшой услуге. Не часто и не о больших услугах. С точки зрения практической политики, следует удовлетворять его просьбы.

— Даже если приходится нарушать присягу?

— Черт побери, Джордж! — сказал Глисон раздраженно.— Макс Блум не убийца и не взломщик. Всем известно, что в Сент Микаэле легко относятся к тотализаторам и что если полиция и делает облавы, то только для виду. Через две недели после суда Макс будет продолжать свое дело на прежнем месте, даже если мы добьемся судебного обвинения.

— Ваши слова,— сказал я,— по существу,

означают, что нашей прокуратуре заведомо известно, что полиция защищает нелегальные тотализаторы. И даже то, что она за это получает гарантийные деньги. И все же мы одобряем это, так как, с точки зрения практической политики, все это не следует прекращать. Почему бы прокурору не выдать ордеров на арест всех замешанных в это дело лиц, в том числе и нескольких жуликов-полицейских?

— Потому, что после следующих выборов на его месте будет сидеть новый прокурор. Если вы намерены сделать карьеру, Джордж, то вы должны уяснить себе жестокие факты политической жизни. Нам известно, что полиция в некоторой степени спелась с Джои и ему подобными, и мы не одобряем этого. Но пытаться остановить это — все равно, что драться с ветряными мельницами. Никто в нашем учреждении не связан непосредственно с людьми, подобными Джои, и никто не получает от них денег. Но практическая политика требует, чтобы мы иногда гладили этих людей по шерстке, потому что голоса, за счет которых наша партия держится у власти, контролируются лидерами избирательных участков типа Джои Мартина. Если вам угодно, можете назвать это нарушением общественного доверия, но что остается делать? Вышвырнуть Джои, чтобы на следующих первичных выборах два участка отказались поддержать кандидатуру Джона Дауда на пост прокурора?

— Мой пост и ваш не выборные,— сказал я.— Нас назначают.

— Назначает прокурор,— согласился Глисон.— А е г о пост выборный. И вы заблуждаетесь, если считаете, что ваше назначение объясняется только лишь вашими достоинствами. Ведь вас кто-то поддерживал?

— Мой дядя Кросби — член муниципалитета,— нехотя сознался я.

Я вышел из кабинета Глисона, чувствуя что-то неладное. Меня не убедили скользкие рассуждения первого помощника прокурора о практической политике. Но я даже не мог представить, куда идти жаловаться. Было бы глупо обращаться в полицию, которая, по-видимому, сама была замешана в этом деле. Равным образом глупо было бы и ожидать каких-нибудь действий со стороны прокурора или какого-либо иного выборного чиновника, ибо они сами зависели от Системы.

В конце концов я так ничего и не сделал. Я оправдывал себя тем, что если бы меня лично попросили прекратить дело Макса Блума, то я предпринял бы нужные шаги. Но так как это дело у меня взяли, то я, по существу, не мог ничего предпринять.

Вспоминая сейчас все это, я по-прежнему не вижу, что бы я мог сделать. Я рассматриваю случай с Максом Блумом как первый компромисс с моими принципами. Но в некотором смысле это и не было компромиссом. Во всяком случае, это не был компромисс в активном смысле этого слова. Единственно, что я сделал,— это примирился с положением, которое никак не мог изменить. Много ли сыщется искренне честных людей, которые, находясь в таком же положении, поступили бы иначе?

Да и вы бы так же поступили на моем месте.

Прошло почти четыре года, прежде чем я снова оказался перед необходимостью пойти еще на один серьезный компромисс. Правда, в течение всего этого времени я обнаруживал, что совершал все большее и большее число мелких компромиссов. Даже сейчас я не могу указать пальцем на какой-нибудь этап моей карьеры и сказать: «Вот где я должен был оказать сопротивление»,— это был постепенный процесс. Пустячный мысленный акт примирения с Системой как неизбежным злом политики открыл путь для все большего и большего отклонения от того, что, как я знал, было правильно.

И все же, если бы мне пришлось повторить пройденный путь, я знаю, что поступил бы так же. Нельзя бороться с Системой. Вы или соглашаетесь с нею или уходите в частную жизнь. И так как партия начала считать меня способным молодым человеком с политическим будущим, то я примирялся.

Мое растущее влияние в местных делах было главным образом результатом репутации, которую я завоевал как обвинитель на судебных процессах. Правда, эта репутация почти полностью основывалась на единственном процессе об убийстве, который, по мнению газет, я провел блистательно. Но партию это не тревожило. Для нее имело значение то, что я пользовался доверием публики. В результате, когда Кларк Глисон подал в отставку, меня назначили вместо него первым помощником окружного прокурора.

За эти четыре года я много узнал о том, как действует Система. Большинство выборных чиновников — честные люди, они не имели прямого отношения к политической машине, контролируемой преступным элементом, хотя и были обязаны ей своими постами. И все же влияние лидеров участков, подобных Джои Мартину, было огромным. Расплачиваясь за голоса, необходимые для их избрания, чиновники обычно закрывали глаза на нелегальную сторону деятельности Джои и компании и время от времени оказывали услуги, которые разве что не подпадали под определение преступных сговоров.

В то время, когда я был назначен на пост первого помощника прокурора округа, я не занимал никакой выборной должности, да и не претендовал на таковую. Но мне было известно о разговорах в партии о том, что когда старик Джон Дауд наконец подаст в отставку, я смогу быть вполне подходящим окружным прокурором. Я подогревал эти разговоры, активно участвуя в делах партии, что давало мне возможность часто встречаться с политическими боссами.

Думая о будущем, я намеренно поддерживал дружеские отношения с этими людьми, и в результате ко мне часто обращались с просьбой о небольших услугах. Так, у президента местного профсоюза докеров Вилли Тамма вошло в привычку автоматически отсылать мне для погашения все повестки в суд, которые он получал за нарушение уличного движения.

Меня часто просили о подобных мелких услугах, но одну б о л ь ш у ю услугу я выполнял втихомолку, и о ней никто никогда не упоминал. Это была пассивная услуга. Я попросту закрывал глаза на беззакония, творившиеся в районах, где хозяйничали те, кто распоряжался голосами избирателей.

Вернее сказать, это была единственная большая услуга, которую я оказывал до того вечера, когда ко мне домой явился Тимоти Грейндж.

И в политическом и в преступном мире Тим Грейндж значил больше, чем Джои Мартин. Ему принадлежала телеграфная сеть, по которой в город поступали сообщения о результатах бегов во всех концах страны. Он сдавал ее в аренду владельцам тотализаторов.

Грейндж был одним из тех, с кем я намеренно поддерживал дружеские отношения, но до этого вечера в пятницу мы встречались не часто — разве только на политических собраниях.

Это был высокий, стройный человек сорока лет с волосами цвета стали. Он приехал около девяти часов, когда оба моих малыша уже были в постели. Он довольно нервно отказался от коктейля и сразу же приступил к делу:

— Мой парень, Тим-младший, попал в беду, Джордж. Он убил человека.

Это неожиданное заявление заставило меня вздрогнуть.

— Господи,— сказал я,— убийство?

Он раздраженно качнул головой:

— Несчастный случай на улице. Около часа назад он сшиб человека на углу Четвертой и Локаст — старика по имени Абрахэм Сварц. Я только что связался с городской больницей. Старик умер.

— Так,— сказал я, немного успокоенный тем, что дело оказалось не столь серьезным, как я полагал.— Тим виноват?

— Он говорит, что не превышал скорости. Во всяком случае, превысил ненамного. Он клянется, что делал около тридцати пяти миль в зоне, где разрешена скорость в тридцать миль. И вдруг этот Сварц внезапно сошел с тротуара на углу и оказался прямо перед ним.

— Понятно... Но почему же вы так обеспокоены? Это, конечно, неприятно, но подобные вещи...

— Он не остановился,— прервал меня Грейндж.— Он помчался домой и спрятал машину в гараж. К счастью, я выходил из дому, когда он приехал, и, увидев, что он чем-то сильно обеспокоен, заставил его рассказать все.— Он помолчал и добавил упавшим голосом:— Он был пьян.

Какую-то секунду я глядел на него, а потом со злостью подошел к окну и стал смотреть на улицу. Когда я снова повернулся, то сказал:

— Я рискую поранить ваши чувства, Грейндж, но ваш Тим — настоящий болван.

— Я знал это до того, как пришел к вам, Джордж. Парень ударился в панику. В чем его могут обвинить?

— В непредумышленном убийстве, наверное,— сказал я резко.— Если водитель в пьяном состоянии задавит человека и скроется с места происшествия, то почти автоматически ему будет предъявлено обвинение в непредумышленном убийстве, вне зависимости от того, по чьей вине произошел несчастный случай.

— Он уже не пьян. Я его сунул под холодный душ, и, когда уходил, моя жена вливала в него черный кофе.

— Полиция делает анализ крови на содержание алкоголя,—сказал я.—Это обычная процедура, когда водитель скрывается с места происшествия. Даже если вам удастся заставить его ходить прямо и членораздельно выражаться, полиция сможет определить, насколько он был пьян в момент происшествия.

— А если его не найдут до завтра?

Я взглянул на него.

— Он не может ждать до завтра. Он должен немедленно явиться в полицию. Если он придет добровольно, то, возможно, ему удастся отвертеться от обвинения в непредумышленном убийстве. Но уже слишком поздно для того, чтобы избежать обвинения в наезде и бегстве с места происшествия. По закону при несчастном случае водитель обязан немедленно остановить машину и назвать себя либо другой стороне, либо полиции. Закон допускает также, что можно явиться в ближайший полицейский участок. Но ваш Тим и этого не сделал. Парень попал в сложный переплет, и чем дольше он будет ждать, тем хуже для него.

— А если он явится в участок, ближайший к углу Четвертой и Локаст? Ведь все произошло немногим более часа назад.

— Теперь это все равно, что год назад. Закон требует немедленной явки.

— А нельзя ли... несколько изменить время в сообщении о несчастном случае?

— Вы, что же, просите меня, чтобы я заставил полицию подделать сообщение? Это не квитанция на уплату штрафа за стоянку в недозволенном месте. Непредумышленное убийство — уголовное преступление.

— Но это же только формально считается непредумышленным убийством,— начал урезонивать меня Грейндж.— Если бы он остановил машину, ему бы не грозило ничего особенного. Обвинение в убийстве — пожалуй, несколько жестокое наказание за то, что парень потерял голову.

— Смерть — несколько жестокое наказание за то, что человек сошел с тротуара.

— Я не оправдываю сына, Джордж. Но он

мой сын. Я знаю, что всякая мелкая сошка из избирательных участков одолевает вас просьбами об услугах, но я никогда раньше не просил вас ни о чем. Я буду говорить прямо. Вызвольте моего парня — и я буду вашим другом на всю жизнь.

Он не сказал прямо, но его тон означал, что я всегда буду иметь крепкую поддержку всего Ист Сайда, если захочу выдвинуть свою кандидатуру на какой-нибудь выборный пост. Это также значило, что если я не помогу его сыну, то всегда буду сталкиваться с не менее крепкой оппозицией Ист Сайда.

Я думаю, что выбросил бы его из дому, если бы он предложил мне деньги. Даже если бы он действовал в открытую и использовал в качестве оружия свое политическое влияние, я бы, пожалуй, отказал ему. Но он не предлагал мне ничего, кроме дружбы, а остальное просто подразумевалось.

Я не мог избрать никакого среднего пути. Я не мог, подобно Пилату, умыть руки и сделать вид, что ничего не знаю об этом деле. Ибо если бы я отказался помочь молодому Тиму выбраться из сложного положения, то мне пришлось бы вести обвинение против него.

Я подумал о разговорах, ведущихся в партии по поводу того, что я заменю старика Джона Дауда, когда он наконец соберется в отставку, и понял, что, имея поддержку Тимоти Грейнджа, мне даже не придется ждать его отставки. Я бы мог получить его пост на следующих выборах.

Но откажи я Тимоти Грейнджу, положение изменится. Если я буду настаивать на том, чтобы отдать его сына под суд за непредумышленное убийство, я могу сразу же распроститься с политической карьерой.

Подойдя к телефону, я набрал номер участка на Четвертой, связался с ночным дежурным — капитаном, который был мне кое-чем обязан,— и договорился, чтобы в книге дежурств было показано, что Тимоти Грейндж-младший явился туда через пять минут после несчастного случая на углу Четвертой и Локаст, что его обследовали и нашли совершенно трезвым.

Сговор с целью совершения преступления? Конечно, это было так. Но скажите мне, что я еще мог сделать?

За те почти восемь лет, что я пребываю на посту прокурора округа Сент Микаэль, я часто вспоминал об этом случае. Я признаю, что с точки зрения абстрактного правосудия моим действиям нет оправдания. Я присягал нелицеприятно следовать закону, и в глубине души я знаю, что не будь Тим Грейндж-младший сыном влиятельного политикана, я предъявил бы ему обвинение в непредумышленном убийстве.

И все же я не могу упрекнуть себя за принятое тогда решение. Выгнав старшего Грейнджа, я бы ничего не добился и только положил бы конец своей политической карьере, а это не вернуло бы к жизни старика, погибшего под автомобилем.

Я даже не могу упрекнуть Тимоти Грейнджа-старшего за то, что он прибег к давлению, чтобы спасти своего сына. Какой отец поступил бы иначе? И я решил: если уж винить что-нибудь, так это несчастное стечение обстоятельств.

Тем не менее я понимаю, что это был мой первый крупный компромисс с моими принципами. Я понимаю также, что после этого важного шага идти на дальнейшие компромиссы становилось все легче и легче.

И так было лучше для моего спокойствия, ибо после того, как я был избран прокурором, я обнаружил, что мне было необходимо соглашаться на все новые и новые компромиссы. Но я уже был избавлен от постоянной необходимости оказывать мелкие услуги. Эта неприятность легла теперь на плечи моего нового первого помощника — молодого человека по имени Эдмунд Роу, который, как главный обвинитель округа, поддерживал тесный контакт и с полицией и с теми, кто стоял на противоположной стороне закона.

Это объясняется тем, что прокурор такого округа, как Сент Микаэль,— скорее политический деятель, чем юрист, ведущий дела в суде. У него чересчур много административных обязанностей, чтобы лично участвовать в судебных заседаниях. Он занимается общими проблемами преступности. Дела об отдельных преступлениях находятся в ведении его помощников.

Компромиссы, на которые я теперь был вынужден соглашаться, объяснялись моим политическим весом. А он был весьма значителен.

После того как я занял новый пост, я мог когда угодно, по своему выбору, пресечь деятельность любой организации рекетиров — стоило лишь отдать соответствующее приказание полиции. Полиции это пришлось бы не по душе. Но хотя полиция в какой-то мере и действовала рука об руку с рекетирами, она не осмелилась бы отказать мне в сотрудничестве. Любой продажный полицейский постоянно боится, что начнется перетряска управления. И как только какой-нибудь прокурор, объявивший крестовый поход против преступности, начнет поддавать жару, каждый полицейский — даже в насквозь прогнившем участке — тоже становится крестоносцем.

Я знал о своем политическом весе еще до того, как занял пост прокурора, и много размышлял о том, как его использовать. Если бы я захотел повести крестовый поход против преступности, то мог вести его в течение четырех лет, и ничто, кроме будущих выборов, не могло бы лишить меня поста прокурора. Несомненно, что я очистил бы город от преступников и поддерживал его в чистоте в течение всех этих четырех лет.

Но также несомненно, что уже больше никогда я не стал бы кандидатом моей партии ни на какую выборную должность.

Что делать, если не выполнять моей присяги о борьбе с преступностью?

Теперь найти альтернативное решение было уже не так просто, как в бытность мою первым помощником прокурора. Тогда я был вынужден закрывать глаза на многие вещи, творившиеся вокруг, но мое сотрудничество с преступным миром было пассивным. На мне лежала роль главного общественного обвинителя, и у меня не было политического веса прокурора округа.

Но теперь, если я намеревался сотрудничать с преступным миром, я должен был сотрудничать активно. Как прокурор, я уже не мог попросту игнорировать преступные организации, контролируемые местными политическими боссами. Теперь я должен был либо бороться с рекетирами, либо покрывать их преступную деятельность.

Я часто встречался с добровольными группами граждан, которые создавались для борьбы с организованной преступностью. Время от времени подобные группы возникают в каждом городе. И так как они обычно представляют независимую часть населения, от них нельзя попросту отмахнуться. С точки зрения практической политики, следует избегать ненужного недовольства представителей торговой палаты и иных деловых групп, в среде которых возникают комитеты граждан.

Поэтому, когда подобная группа предлагала свои услуги, было необходимо делать вид, что ведется борьба за ликвидацию игорных домов, притонов и прочих атрибутов организованной преступности. Я выработал собственный метод обращения с добровольными группами.

Прежде всего я публично объявлял войну рекетирам. Затем прокуратура и полиция выпускали совместное заявление для печати о том, что по всему городу произведены облавы и сделано много арестов. В действительности же задерживали и притаскивали в полицию всего лишь с полдюжины владельцев тотализаторов и такое же количество хозяек публичных домов, причем все они заранее оповещались о том, что полиция посетит их заведения. Полицейский суд, помимо обычных дел о задержанных пьяных и нарушителях правил уличного движения, может в течение одного дня дополнительно заслушать всего лишь шесть дел. И этих арестованных хватало, чтобы судья занимался ими целых два дня. Любые представители добровольных групп граждан, которые были настолько заинтересованы, чтобы присутствовать на судебном заседании, обычно уставали после первого же дня и уходили удовлетворенные, видя, что правосудие воздает должное.

Газеты тоже изредка вели кампании против организованной преступности в Сент Микаэле. И в этих случаях было необходимо симулировать беспощадную войну против рекетиров. Я настолько понаторел в этом, что начал завоевывать репутацию прокурора, ведущего крестовый поход против преступности.

Ни разу ни Тимоти Грейндж, ни какой-либо иной рекетир открыто не просил меня поступать так. И ни разу за всю свою политическую карьеру я не получал денег от рекетиров. Я сотрудничал с ними лишь для того, чтобы обеспечить себе достаточное количество голосов.

И в этом я преуспел. Когда я вторично был избран на пост прокурора, я получил столько голосов, сколько никто и никогда не получал в Сент Микаэле. Благодаря этому меня уже можно было оценивать, по крайней мере, как возможного кандидата от моей партии на следующих выборах губернатора.

Я надеялся, что мою кандидатуру могут лишь рассматривать. Но это было до того, как мною заинтересовались Тони Манетти и Арнольд Прайс. Одно дело — иметь солидную политическую поддержку одного округа, и совсем другое — иметь поддержку всего штата. После того как Тим Грейндж привел ко мне Манетти и Прайса, я начал думать о выдвижении на пост губернатора как о почти верном деле, а это в нашем однопартийном штате равносильно избранию.

Как и предыдущее свидание с Грейнджем, встреча произошла не в прокуратуре, а у меня дома. Оба приезжих были не из нашего штата: Тони Манетти — из Нью-Йорка, а Арнольд Прайс — из Чикаго,— но они представляли одну организацию.

Организацией этой был национальный преступный синдикат.

Тони Манетти — смуглый коротышка с грубыми чертами лица. Вьющиеся, коротко подстриженные волосы плотно, как ермолка, облегали его голову. Арнольд Прайс — высокий и худой человек с изможденным лицом. Своей внешностью и медлительными манерами он напоминал фермера, приехавшего из глухих мест.

После того как мы четверо с бокалами в руках уселись в передней комнате, Грейндж начал разговор.

— Я думаю, вы знаете, Джордж, кто такие мистер Манетти и мистер Прайс,— сказал он.— Я рассказывал им о вас, и они подумали, что, может, нам стоит устроить небольшое политическое совещание.— Он добродушно рассмеялся.— Знаете, комнаты, заполненные табачным дымом, и все такое прочее.

Ни Манетти, ни Прайс не улыбнулись шутке. Я же ограничился ничем не обязывающим «понятно».

— Как вы, вероятно, знаете,— продолжал Грейндж,— эти ребята потихоньку создают в нашем штате политическую организацию. Сей-

час они ищут человека, чтобы поддержать его выдвижение на пост губернатора.

Я почувствовал, что на какое-то мгновение у меня перестало биться сердце. Вот, по-видимому, была величайшая возможность за всю мою карьеру получить поддержку новой, но быстро растущей политической машины, охватывающей весь штат.

Ни на секунду я не находился под впечатлением, что вмешательство этой организации в политические дела нашего штата будет для него благим делом. Но не был я и таким идеалистом, чтобы поверить, что я как-нибудь смогу приостановить рост могущества синдиката. Я знал все, что творилось в штате в области политики, и воспринимал это как нечто нежелательное, но неизбежное.

До приезда к нам Тони Манетти и Арнольда Прайса политика в нашем штате была далеко не чистым делом, но она была мало централизована. Политические машины двух больших городов — Сент Микаэля и расположенного в другом конце штата Тэйлор Сити — были сильными, но автономными организациями. В менее крупных городах и в сельских районах делами заправляли многочисленные, но также автономные политические организации. И хотя все они представляли одну партию, ни одна не была настолько сильна, чтобы диктовать политику всему штату. На партийных съездах дела решались прямым торгом. Мелкие сельские политические организации часто объединялись в сильные блоки, и это давало им возможность протаскивать постановления или утверждать списки кандидатов, против которых выступали политические машины больших городов.

Синдикат пытался сбить эти соперничающие группы в сильную, охватывающую весь штат организацию, чью политику можно бы контролировать сверху. Люди, понаторевшие в политических делах штата, хорошо знали, что Манетти и Прайс раздавали в сельских местностях крупные суммы денег для проведения избирательных кампаний. Не всем было известно, что Тэйлор Сити объединил силы с растущей новой политической машиной, но я принадлежал к числу тех, кто знал об этом. А теперь появление в моем доме этих двух людей вместе с одним из сильнейших политических боссов Сент Микаэля могло только означать, что и местная политическая машина объединяется с остальными.

Это также означало, что к следующему партийному съезду штата синдикат, несомненно, станет настолько мощным, что сможет поместить в дом губернатора человека по своему выбору.

Все эти мысли мелькали у меня в мозгу, пока говорил Грейндж. В то же время я хладнокровно разбирался в том, что из себя представляет этот синдикат.

Как известно каждому, кто следит по телевизору за расследованиями преступности, проводимыми конгрессом, синдикат — это охватывающая всю страну федерация профессиональных игроков, владельцев публичных домов, торговцев наркотиками и прочих рекетиров. Каждый честный гражданин мог испытать лишь чувство омерзения к тому, что представляли Манетти и Прайс.

С другой стороны, мой отказ иметь дело с синдикатом попросту заставил бы их заинтересоваться каким-либо иным кандидатом, который согласился бы воспользоваться поддержкой этой организации. А если нельзя избежать того, чтобы нашим штатом управлял губернатор — ставленник этой организации, то почему бы мне самому не стать им!

— В чем же заключается эта поддержка? — спросил я.

— Мы бы подбросили пару сотен тысяч в вашу выборную кормушку,— невнятно, с заметным сицилийским акцентом проговорил Тони Манетти.

Величина этой суммы поразила меня, ибо смуглый человек произнес ее так небрежно, как я мог бы назвать цент.

— А почему вы остановились на мне?

— Это я вас продал им,— сказал Грейндж.— Вы как раз то, что надо. Кто еще в штате сможет получить и независимые голоса и поддержку нашей машины? У деревенщины вы пользуетесь славой крестоносца. Продувные парни знают, что вы... сотрудничаете. На вас мы не проиграем!

— А чего именно вы от меня ожидаете?

— Ничего особенного, Кеннеди,— протянул Арнольд Прайс.— Мы можем попросить вас утвердить некоторые назначения, например, начальников полиции Сент Микаэля и Тэйлор Сити.

— Понятно,— сухо сказал я.

Какое-то время я играл с мыслью о резком отказе, так как моя способность к компромиссам не распространялась столь далеко, чтобы соглашаться на передачу штата в руки банды убийц. Но я только поиграл с этой мыслью. В следующую секунду я уже придумал ряд оправданий тому, чтобы принять поддержку синдиката.

Первое было то, что если я откажусь, то обязательно найдется другой человек, который согласится, а штату от этого будет не легче. Затем я подумал, что не буду морально связан обещаниями, данными банде убийц. Я говорил себе, что никогда не попаду в дом губернатора без поддержки синдиката, но, оказавшись там, перестану быть политиканом и превращусь в государственного деятеля. Я решил, что если мне удастся стать губернатором, то по мере своих сил постараюсь наилучшим образом осуществлять руководство штатом, даже если за это через четыре года меня вышвырнут.

— Я высоко ценю, господа, то, что вы согласны поддержать мою кандидатуру на пост губернатора,— сказал я.— И вы не найдете меня неблагодарным.

После того как эти трое ушли, я мысленно возгордился. Мне было приятно представить, как Манетти и Прайс, затратив много труда и денег, чтобы водворить меня на новый пост, вдруг после выборов обнаружат, что они ошиблись и оказали поддержку честному человеку. Такое положение, как мне казалось, будет достаточной компенсацией за все те моральные компромиссы, на которые я шел в прошлом, чтобы заполучить голоса избирателей.

Но мне следовало бы знать, что представители синдиката не будут настолько наивны, чтобы удовольствоваться только лишь моими словесными заверениями о сотрудничестве после выборов. Мне следовало бы подготовиться к их следующему ходу. Я недооценил Манетти и Прайса — это единственное оправдание тому, что меня захватили врасплох.

За месяц, прошедший после моей встречи с Тимом Грейнджем и двумя представителями синдиката, все политические силы штата были сбиты в одну кучу. И теперь уже нет сомнения в том, что меня выдвинут на пост губернатора при первом же туре голосования на партийном съезде. Между тем я все еще на посту окружного прокурора.

Если бы смог, я завтра же подал бы в отставку, ибо только сейчас я оказался перед необходимостью принять решение, которое действительно нельзя оправдать никакими соображениями практической политики.

Конечно, я все время знал, что политические маневры синдиката были лишь средством для достижения цели. А цель заключалась в том, чтобы широко раскрыть двери штата для владельцев игорных заведений и притонов разврата, для торговцев наркотиками и для прочих участников преступной деятельно-

сти, на которой греют руки заправилы синдиката. Но мне следовало бы знать и то, что такая отчаянная банда в борьбе за власть не ограничится лишь поверхностным вмешательством в политическую жизнь. С неизбежным противодействием со стороны отдельных местных рекетиров, которые предпочитают оставаться независимыми, синдикат расправляется просто — через убийц.

В округе Сент Микаэль уже было так. Погиб мой старый приятель — Большой Джои Мартин, который впервые связал меня с Системой. Среди представителей преступного мира ходят слухи, что Большой Джои отказался примкнуть к синдикату, и его убийство было предупреждением тем, кто все еще медлил присоединиться к ним.

Но это лишь слухи. Нет доказательств, прямо указывающих на кого-нибудь, что и следовало ожидать при убийстве, совершенном такой опытной организацией. У нас есть тело, три пули 45-го калибра, выпущенные из пистолета, который наверняка покоится уже на дне реки,— и больше ничего, кроме слухов.

Но хотя у меня нет доказательств, достаточных для производства ареста, я знаю, почему убит Большой Джои. Было отвратительно все время скрывать это, но мое нынешнее положение стало уже совсем непереносимым.

Час тому назад мне позвонил Тони Манетти и попросил о небольшой услуге. Шум, поднятый вокруг убийства Большого Джои Мартина, сказал он, может повредить выборам, до которых осталось всего шесть месяцев. В будущем стоило бы избегать подобной широковещательности. Он также поинтересовался, хорошо ли я знаю следователя по делам о насильственной смерти.

Говард Джордан — мой личный друг, ответил я. Тогда Манетти рассказал о договоренности с Джорданом. Следователь объявит, что смерть Вилли Тамма, президента местного профсоюза докеров, произошла из-за несчастного случая. Однако Джордану следует уплатить небольшую сумму за беспокойство. Не смог бы я, продолжал Манетти, передать следователю эти деньги, он забросит их ко мне в прокуратуру.

Нельзя было ошибиться в том, что скрывалось за этими словами. Синдикат не устраивали мои устные заверения в сотрудничестве. Он хотел втянуть меня в убийство, чтобы я впоследствии не мог отвертеться.

Дело в том, что Вилли Тамм еще не убит. Манетти дал мне час на то, чтобы я все обдумал и позвонил ему. Но мое положение настолько ужасно, что я не в состоянии мыслить.

Какое коварство! Если я откажусь, я уверен, что Вилли Тамм не умрет, ибо Манетти вряд ли пойдет на убийство, которое он обсуждал с прокурором, отказавшим в сотрудничестве. В то же время он ничем не рискует, так как я не могу привлечь его к ответственности за несовершенное преступление.

Но если я откажусь ему помочь, мне навсегда придется распроститься с мыслью о посте губернатора. Не говоря об этом прямо, Манетти дал ясно понять, что я стану губернатором только на условиях, поставленных синдикатом, а не иначе. Почти наверняка со следователем Джорданом договорились составить документ, где он признается, что я уплатил ему деньги за сокрытие факта убийства. Эту бумагу будут хранить как секретное оружие, чтобы в будущем принуждать меня сотрудничать беспрекословно.

Интересно, какую сумму пришлось синдикату выплатить Джордану, чтобы заставить его рисковать своей шеей...

Все это тем более невыносимо, что я честный человек. Мои моральные устои так же высоки, как и у любого другого члена нашей церковной общины. Никогда в жизни я не взял и цента «бесчестных денег». Самым страшным моим грехом было то, что я шел на компромиссы, которые вынужден делать любой практический политик, если он хочет принимать участие в общественной жизни.

Как я попал в такое положение? Конечно, я не могу быть участником преднамеренного убийства.

С другой же стороны, всего лишь час назад пост губернатора был в моих руках.

Что же мне, упускать его?

Перевел с английского
Я. КАРНАКОВ.

Если ты зовешься коммунистом

Анатоль **ИМЕРМАНИС**

С черными сливаясь облаками,
Черный дым над поездом летит.
Задыхаясь, паровоз пыхтит —
Плохо с хлебом, углем и дровами.
На площадке горбится солдат:
Враг грозит Республике Советов —
Тверже будь, рука, и зорче, взгляд!

Ночь. Купе. В кругу скупого света
Силуэт знакомой головы.
Мерно дребезжит стакан граненый.
Над столом задумчиво склоненный
Человек.
Товарищ Ленин, вы!

За окном ночная сырость марта.
Не согреть «буржуйками» вагон.
Перед Лениным — России карта,
Тяжелее не было времен:
Мир недавно в Бресте заключен —
Отдана Прибалтика без боя,
Украину грабят,
нет покоя,
На Дону —
бурлит казачий Дон.
Интервентов Север соблазняет...

А за дверью верные штыки
Ленина в дороге охраняют —
Славные латышские стрелки!
Год за годом в дымной круговерти
Вас война швыряла по фронтам.
За спиной чернеет Остров Смерти —
Ригу вы обороняли там.
И от взятья Зимнего бессменно
Всюду, где теснит Советы враг,
Вы равняете железный шаг
С песней грозной «Асиняйна дьена»...[1].
Братская могила многих ждет,
Впереди жестокие сраженья.
Городам латышским и селеньям
Принесете вы советский год;
В Черном море будет смыта пыль походов,
Станет былью Перекоп ноябрьским днем.
...Люди, потерявшие свой дом,
Добывают новый дом для всех народов.

Рвется в мрак гудка тревожный клич,
Полустанки будит стук состава.
Там, в купе, работает Ильич,
Здесь стоит на страже Карлис Грава.
Гулко содрогается вагон.
Света луч сквозь щель — штыка не шире.
Ствол винтовки бликом освещен.
Грава тоже в думу погружен.
В день, когда узнал о Брестском мире,
Загрустил стрелок — тоскует он:
Край родной, ты для меня потерян
Неоглядной далью отделен,
Но в мечтах всегда тебе я верен!

[1] Первые слова песни латышских стрелков «Кровавый день встает...»

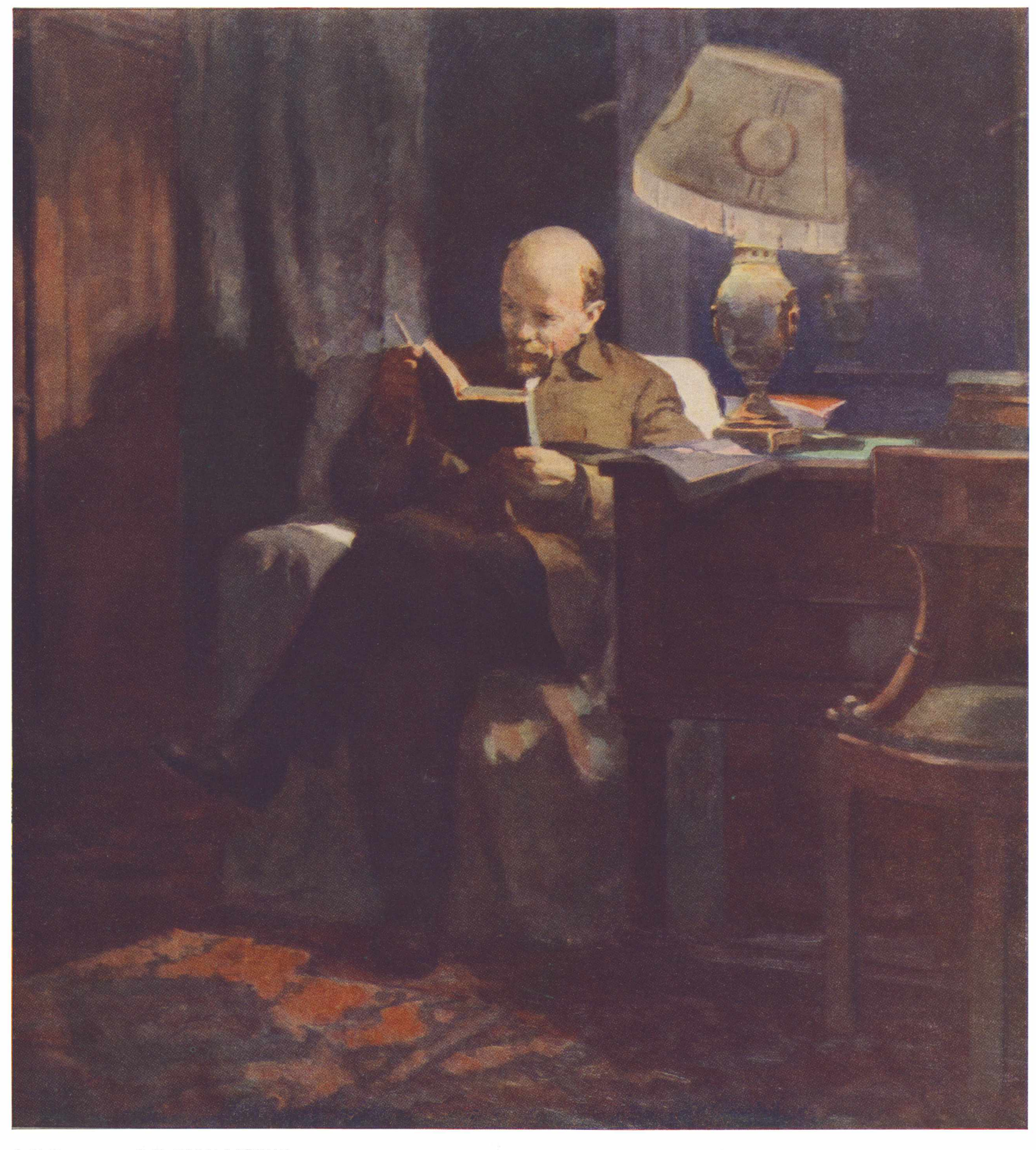
На губах
вкус хлеба твоего,
В жилах
ритм прибоя неустанный.
Из цветов
душе милей всего
Скромный вереск на лесных полянах.
Дорогая! Слышу голос твой.
Только месяц пробыли мы вместе,
Стала ты солдатскою вдовой,
Говоришь друзьям:— Пропал без вести...
Через фронт пройду в родимый дом,
Чтобы на земле своей бороться,
Попранной германским сапогом:
Дело для меня и там найдется!..

Луч, тянувшийся в дверную щель,
Стал потоком света; дверь открылась,
В тамбуре солдатская шинель
С пиджаком потертым рядом очутилась.
— Это что ж! Грустим, товарищ Грава!
— Я... товарищ Ленин... просто так...
Заглянул в глаза Ильич лукаво:
— Вижу, вижу! Не такой простак!
Мне тоска по родине знакома,
Испытал — мучительный недуг!
Утром выйдешь, знаете, из дома,
А чужбина все-таки вокруг!
Где-нибудь, в Брюсселе иль в Женеве,
Вдруг найдет такой, представьте, стих:
Все бы бросил и домой, на север,
Убежал бы на своих двоих!
Сам себе строжайше запрещаю:
Батенька, нельзя! Всему свой срок!
...Может, выпьете стаканчик чаю!
У меня есть сахару кусок,
Сладкое от горьких мыслей помогает!..

С черными сливаясь облаками,
Черный дым над поездом летит.
Задыхаясь, паровоз пыхтит —
Плохо с хлебом, углем и дровами.
На площадке высится солдат —
Слезы высохли под ветром мглистым.
Счастье личное не затуманит взгляд,
Если ты зовешься коммунистом.
Всем трудящимся ты друг и брат,
Им отдать кусок последний рад,
Если ты зовешься коммунистом.
Пусть своя невзгода плечи гнет,
Кровью раны старые сочатся,
Ты учи других не поддаваться
И с улыбкой сам иди вперед.
Здесь, в России, должен ты бороться.
Если наше дело победит,
В стан Советов Латвия вернется,
Будет путь на родину открыт!
И в боях не дрогнет Карлис Грава.
Неразлучно всюду Ленин с ним.

...Полустанки будит стук состава.
С черным небом слился черный дым.

Перевел с латышского
Владимир **НЕВСКИЙ**.

А. И. Костюченко. В. И. ЛЕНИН В ГОРКАХ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

В. А. Меллин. ГОРКИ ЛЕНИНСКИЕ. МАЛЫЙ ПРУД.

ГОРКИ ЛЕНИНСКИЕ. МЕСТО ОТДЫХА ЛЕНИНА.

Бакинский филиал Центрального музея В. И. Ленина.

ЯРОСЛАВ ГАШЕК В КРАСНОЙ АРМИИ

Миллионы читателей знают сатирические произведения чешского писателя, автора романа «Похождения бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека, 75-летие со дня рождения которого отмечают советские люди. И менее известно, что Ярослав Гашек прошел большой и славный путь в рядах Красной Армии, с оружием в руках защищал молодую Советскую республику от иностранных интервентов и колчаковских банд. Находясь в составе Центрального исполнительного комитета чехословацкой группы РКП(б), Ярослав Гашек выступает с пламенными воззваниями к чехословацким солдатам, с призывом помочь русскому пролетариату защищать с оружием в руках Советскую республику. Эти воззвания, написанные на русском и чешском языках, разъясняли простым людям задачи революционной борьбы, звали на защиту революции. Я. Гашек активно участвовал в формировании чехословацкого отряда в Самаре, которым он командовал. Позднее этот отряд влился в состав V армии Восточного фронта. В годы гражданской войны Ярослав Гашек вступает в ряды Российской Коммунистической партии (большевиков).

В Центральном государственном архиве Красной Армии СССР хранятся интересные документальные материалы, показывающие революционную деятельность Гашека в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции. Наиболее интересные из них подготовлены к печати сотрудниками архива Белоусовой, Вьюновой, Павловой и Чижовой.

Мы публикуем один из документов — сообщение Ярослава Гашека об истории формирования чешского отряда Красной Армии.

Я. Гашек. 1919 год.

№ 398 27 мая 1918 г.

Отряд начал формироваться 15 апреля сего года из чехословаков и сербов, не желающих выехать во Францию с корпусом. Все поступили в отряд по своему убеждению и сознанию для углубления революции и полной победы пролетариата в лице Совета Народных Комиссаров и рабочих, солдатских, крестьянских депутатов вне и внутри Российской Социалистической Федеративной Республики.

Число членов к 27 мая сего года 120 товарищей. Из них ⅔ чехословаков и ½ сербов, но я убежден, что в течение месяца мы сформируем несколько рот — полк, так как наша агитация теперь успешно действует. Приложено одно из наших воззваний.

Все члены участвовали в боях против немцев на Украине.

Начальник отряда
Ярослав Гашек.

Слово о российском подвиге

«Пускай себе побалуется народ, а мы посмотрим, что из всего этого выйдет... Чудной русский народ!» — так говорили пророки и утешители буржуазного мира, когда в России победила социалистическая революция. Пророки горько просчитались тогда в своих надеждах на провал «русского эксперимента», который они хотели бы принять лишь как досадный курьез истории. Но «курьез» этот оказался исторической необходимостью. Теперь рядом с Россией шагает уже целая фаланга социалистических стран.

О славном революционном пути народа-великана, которому оказалась по плечу величайшая в мире революция, рассказывает в публицистическом очерке «Подвиг России»* Сергей Сутоцкий.

В очерке «Подвиг России» предстают перед читателем некоторые важнейшие страницы истории России. Столетиями накапливалась в душе русского народа ненависть к произволу и угнетению. В огне стихийных восстаний разгоралась мечта о жизни вольной и счастливой, пока на рубеже XX века не возникла в России сила, способная превратить эту вековую мечту в действительность. Этой силой явилась Коммунистическая партия, которая сумела повести за собой народ России на великий подвиг.

Революционный почин российского пролетариата, так называемый «русский образец», приобрел теперь поистине всемирное значение. И от сознания этого сердце переполняется законной гордостью за Россию, Россию-труженицу, что и сегодня, не зная устали, продолжает трудиться на фабриках, полях и заводах, в лабораториях и мастерских. У нее сильные руки, щедрое сердце, ясный ум. Неиссякающая энергия ведет ее к новым победам.

Вл. МИЛЬКОВ

* С. Сутоцкий. Подвиг России. Изд-во «Советская Россия». Москва. 1957. 72 стр.

Памятное прошлое

Каждая новая книга, каждый новый факт, освещающие деятельность Владимира Ильича Ленина, помогают нам глубже охватить прекрасную, многогранную жизнь великого создателя Советского государства.

Ленин в Польше — такова тема книги Я. Макаренко. Факты, собранные в этой живо и просто написанной книге, воспроизводят день за днем жизнь и работу Владимира Ильича и Надежды Константиновны в Кракове и Поронине в 1912—1914 годах. С польской земли, из деревушки в предгорье Татр, и из шумного Кракова В. И. Ленин направлял деятельность партии большевиков, руководил бурно нараставшим революционным движением России. В письме к А. М. Горькому Владимир Ильич так объяснил причины переезда из Парижа в южную часть Польши: «...Близко граница, используем ее, ближе к Питеру...» Да, отсюда до России, мыслями о которой жил Ильич, было очень близко...

В народной Польше свято берегут все, что связано с пребыванием в этой стране гения человечества. Ведь это были годы, предшествовавшие Великому Октябрю! Все живое, смелое, революционное тянулось к Ленину: партийные работники, пробиравшиеся через границу, члены Центрального Комитета РСДРП(б), большевики—депутаты Государственной думы.

Напряженная теоретическая работа сочеталась у Ленина с повседневной практической деятельностью по руководству партией. В «Правду», по словам Надежды Константиновны Крупской, Владимир Ильич писал каждый день. Вот факты, останавливающие наше внимание, кратко рисующие размах ленинской творческой деятельности: «Только в «Правду» в течение двух лет ее существования Владимир Ильич послал 239 статей, писем и заметок. Работы, написанные в краковский период, составляют более трех томов. Они вошли в 18, 19, 20 и 35-й тома четвертого издания Сочинений В. И. Ленина».

Ведя столь огромную по масштабам работу, Владимир Ильич был в то же время тесно связан с польским революционным движением — выступил с докладом в Народном университете имени Адама Мицкевича, писал в газеты и журналы. Современники рассказывают, что Владимир Ильич старательно изучал польский язык. «Товарищ Ленин знал польский язык настолько, что самостоятельно читал польскую партийную прессу, беллетристику, поэзию, часто ходил в театр».

Воспоминания польских товарищей, близко соприкасавшихся в этот период с Владимиром Ильичем, рассказы товарищей, приезжавших к Ленину из России, приведенные в книге, придают ей яркий, живой колорит. С волнением мы всматриваемся в набросок плана района, прилегающего к Краковскому вокзалу, сделанный рукою Владимира Ильича. Такой план должен был помочь приезжающим из-за границы товарищам быстрее найти улицу и дом, в котором жил Ленин.

День Ленина, заполненный донельзя систематическим умственным трудом, перемежался иногда прогулками по окрестностям Кракова, походами в горы, восхождениями на отроги Татр. Делясь впечатлениями о Поронине, Владимир Ильич писал своим родным: «Деревня — типа почти русского. Соломенные крыши, нищета. Босые бабы и дети. Мужики ходят в костюме гуралей — белые суконные штаны и такие же накидки,— полуплащи, полукуртки...»

Вот из этой польской деревни, во многом напоминавшей русскую, из деревни Поронин, и из Кракова излучалась могучая ленинская энергия, велась подготовка к грядущей революции.

Б. ГАЛИН

Я. Макаренко. Ленин в Польше. Государственное издательство политической литературы. Москва. 1957. 166 стр.

В схватке...

В трудной обстановке шла борьба за социалистический уклад в деревне на Дону. И каждое свидетельство, правдивый рассказ об этом вызывают живой интерес советского читателя.

Перед нами роман Евгения Поповкина «Большой разлив». Писатель написал его на основе личных наблюдений: он работал в тридцатых годах в политотделе одной из МТС Северо-Кавказского края. События тех лет и отражены в «Большом разливе», произведении многоплановом, с широким охватом жизненных явлений.

...Осень 1932 года. На хутор Придонской едет Леонид Кочетов. Пять лет прожил он на Дальнем Востоке, а теперь возвращается к жене Ольге Трухачевой. Тесть Кочетова, Тимофей Иванович Трухачев, в прошлом один из богатеев Придонского, зорко присматривается к приезжему: что за человек? Можно ли открыться ему во всем? Через несколько дней старик заключает: с зятем надо держать ухо востро. С ним не поговоришь о заветном...

А заветное у Трухачева — разогнать колхозы, свергнуть Советскую власть. День и ночь думает Трухачев, как бы вернуть старые порядки. Обманным путем пробравшись в колхоз, он собирает вокруг себя всех недовольных наступившими на хуторе переменами. Черные нити кулацкого заговора протянулись от куреня Тимофея Ивановича к дворам Кирилла Жиляева, Матвея Гукова, Емельяна Остроглядова, Мити Форофонова — к тем, кому бедняцкая власть стала поперек горла.

Автор показывает хитросплетения врага, раскрывая волчий облик кулака и подкулачника. Зверски расправляются богатеи с уполномоченным райкома партии Макаром Бурлаком. Едва не погибает от кулацкой пули Яков Саблин. Все смелее действует Трухачев: колхозные посевы расхищаются, быков и лошадей морят голодом...

Две силы сошлись в смертельной схватке. Мы зримо видим в романе, как накаляется атмосфера в Придонском, как ширятся масштабы борьбы... И по мере развития событий становится ясно: правда жизни, а вместе с ней и победа на стороне Якова Саблина, Игната Агаркова, Ильи Востругина, Ульяны Тепиной — тех, для кого колхоз — родное, близкое дело.

Особенного внимания в романе заслуживают отношения Якова Саблина и Ульяны Тепиной. Осторожно, словно не веря еще в возможность своего счастья, идут они навстречу друг к другу. Судьба их, судьба семьи, созданной на новых началах, внутренне противопоставлена семье Трухачевых. Изображая распад семейного быта кулака, писатель четко дает понять, что процесс этот идет от старого мира, в котором живут по закону: «Либо сам грызи, либо в грязи лежи».

В романе широко показана направляющая роль партии. В деревню на самые ответственные участки посылает она своих лучших работников: начальника политотдела Придонской МТС Александра Жигулева, его помощницу Наталью Пасечник.

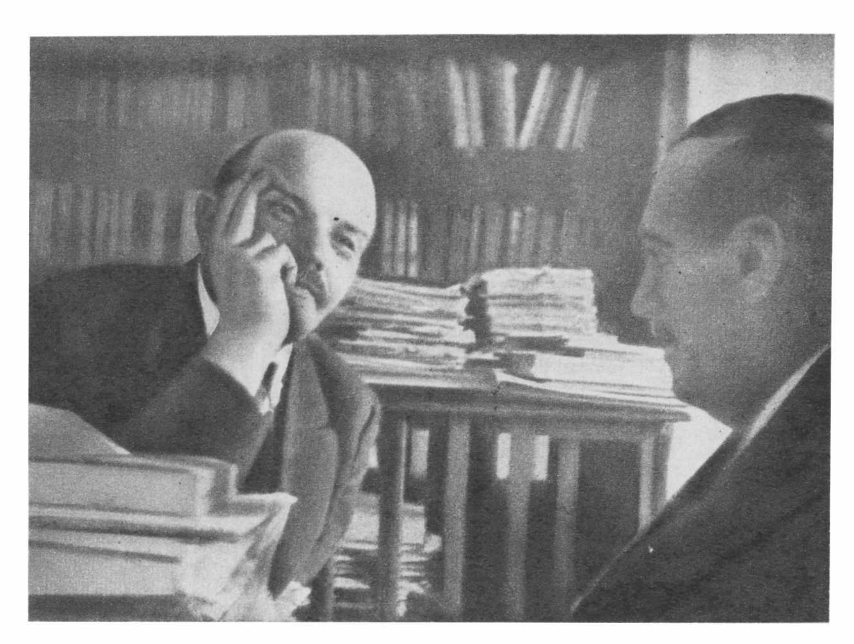
Автор сумел передать колорит Донского края, его пейзажи; детали казачьего быта выписаны умело, с любовью.

В романе много персонажей, и не все они в равной мере удались Евг. Поповкину. Известная прямолинейность чувствуется в изображении кулаков, отдельные главы кажутся излишне растянутыми.

В. АНДРЕЕВ

Евг. Поповкин. Большой разлив. Роман. Изд-во «Советский писатель». 1957. 451 стр.

Герберт Уэллс о Ленине и будущем России

В. И. Ленин и Г. Уэллс в 1920 году.

До последнего времени у нас были известны две книги Герберта Уэллса с воспоминаниями о Ленине — «Россия во мгле» и «Опыт автобиографии». Недавно библиотека Британского музея любезно прислала мне фотокопию неизвестной советскому читателю статьи Герберта Уэллса о В. И. Ленине. Статья эта является откликом на смерть В. И. Ленина и была опубликована в «Вестминстерской газете» 9 февраля 1924 года, а затем включена автором в сборник публицистики за 1924 год («Год пророчеств»). Уэллс озаглавил свою статью «Ленин: частный капитализм против коммунизма». В ней он пытается дать прогноз исторического развития Советского Союза и стран Западной Европы.

Статья начинается с утверждения, что смерть Ленина не может изменить пути развития России: «Россия под властью коммунистов является противоположностью такому положению вещей, которое могло бы вызвать к жизни автократию... Коммунизм — сила определенная, направляющая, непреодолимая».

Рассказывая о личной встрече с Лениным в 1920 году, Уэллс пишет: «Его планы реорганизации России казались мне справедливыми, честно задуманными и очень, очень простыми». Исключение составлял лишь план электрификации России, «...который показался моему (обычно обладающему достаточным воображением) уму сугубо нереальным».

Высказывания мистера Уинстона Черчилля о том, будто большевики захватили и разорили Россию, Уэллс называет в этой статье «напыщенным вздором». Сам Уэллс так оценивает военную деятельность большевиков: «Они сослужили России хорошую службу, защищая ее от Франции, Польши, Черчилля, Колчака, Юденича, Деникина, Врангеля и всех зловещих орд, которые напали на нее извне...»

Переходя дальше к перспективам социального развития Европы, автор предсказывает, что «...новый русский строй вырастет из красного корня коммунистической теории. Ясно, что это будет очень большая система, своего рода Соединенные штаты Старого света, простирающиеся от Балтийского моря до Тихого океана». Рост влияния коммунизма писатель объясняет тем, что «Европа больна и упрямо противится собственному излечению». Европейская социальная система, пишет Уэллс, «...подвергается натиску изнутри — со стороны своих собственных биржевиков и барышников, своих тарифов и синдикатов по ограничению и направлению торговли. Она научила своих детей своекорыстной конкуренции, а теперь распадается и рушится из-за отсутствия созидательных усилий».

Прошли годы... В ошибочности своей оценки ленинского плана электрификации Уэллс убедился и, как известно, честно об этом написал. Что же касается прогнозов писателя о росте сил социализма, высказанных им в 1924 году, когда капиталистическая пресса предрекала молодому Советскому государству скорую и неминуемую гибель, то эти прогнозы оправдались еще при жизни писателя. (Уэллс умер 13 августа 1946 года.)

В годы второй мировой войны Г. Уэллс, выражая свое восхищение непоколебимым мужеством советского народа, призывал к более тесному сотрудничеству с Советским Союзом. После разгрома гитлеровской Германии Уэллс неоднократно осуждал пропаганду новой войны против СССР и до конца своих дней оставался другом нашей страны.

Г. МЕНДЕЛЕВИЧ

Два стихотворения

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

С ОТКРЫТОЙ ДУШОЙ

Не могу выносить словоблудья
Щелкоперов недальней земли,
Что себя, мол, советские люди
В жертву будущему принесли.

Маловеры, хлыщи, фарисеи
Утверждать легкодумно взялись,
Будто светит оно, да не греет,
Солнце, нами вознесенное ввысь.

Пусть они осуждают и ноют,
Их возни не приму я в расчет.
Презирают их вместе со мною
Ты
И двести мильонов еще.

Нам давно, в пионерах, такую
Указали дорогу вперед,
По которой идут, атакуя,
И не ищут ни выгод, ни льгот.

Нам всегда ненавистны наветы
На историю нашей страны,
На высокую страсть пятилеток
И священную доблесть войны.

В век суровый мы жили как надо,
Мы, великий и чистый народ,
Состояли в ударных бригадах
И в расчетах штурмующих рот.

Никогда мы себя не жалели
И жалеть не позволим другим.
К предначертанной Лениным цели
Мы, как чайки сквозь бурю,
летим.

Отвечай мне: ты веришь,
ты любишь!
— Твердо верю, люблю горячо!
Дали веру мне гордые люди —
Ты
И двести мильонов еще.

ЗЕМНАЯ ОСЬ

Ты сказала: я не знаю,
Где проходит ось земная,
Объясни, пожалуйста, поэт.
Я теряю мысли нить,
Не умею объяснить,
Как тебе научный дать ответ!

По земле ходил я много
Без дорог и по дорогам,
Шахты в ней бурил, окопы рыл.
Только вот земную ось
Мне увидеть не пришлось.
Может, в детстве видел и забыл...

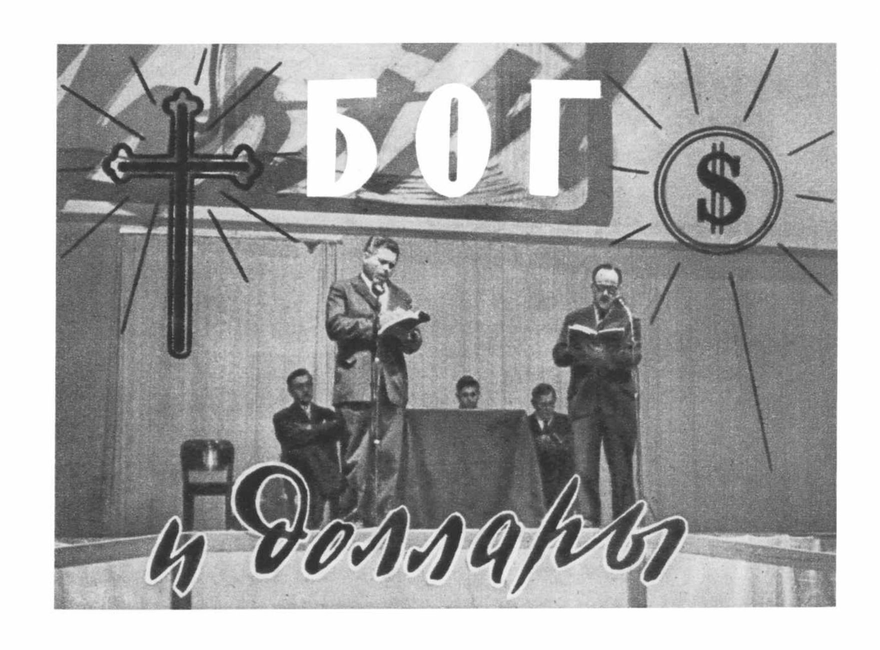
Не сумел познать глубины,
Но нашел друзей любимых
Здесь я, на поверхности земли.
Где же вы теперь, друзья!
Вас в полярные края
Самолеты увезли и корабли.

Полюс Северный обжитый
Средь пустыни ледовитой,—
Там один товарищ дорогой.
Полюс Южный, край ветров,
Неприступен и суров,—
Там сейчас товарищ мой другой.

Укрепясь двумя концами,
Между храбрыми сердцами
Ось земли незримая идет.
Держится на ней стальной
Беспокойный шар земной,
Продолжая вечный свой полет.

БОГ и доллары

Люциан ВОЛЯНОВСКИЙ,
польский журналист

Однажды днем, когда дождь обильно поливал улицы Женевы, я обедал в ресторане, находящемся под покровительством некоего общества, осуждающего употребление алкогольных напитков. Расплатившись с официанткой, я увидел, что она что-то собирается сказать мне.

— Хотели бы вы изведать настоящее счастье? — вдруг огорошила она меня вопросом.

— Мадемуазель!.. — опешив, пробормотал я.

Но она сунула мне в руки конверт.

— Используйте это сегодня вечером... Непременно!

Я вскрыл конверт. Там лежала рекламная листовочка бюро путешествий «Туризм экономик». Листовка расхваливала поездку в Лозанну, где можно присутствовать на вечере знаменитого американского проповедника по имени Томми Хикс. Был указан час отправления специального автобуса и стоимость билета, весьма умеренная.

В Женеве сорок католических костелов, множество протестантских богослужений. Полтора десятка разных сект имеют свои молитвенные дома. В православной церкви торжественно отмечается день Казанской божьей матери, а синагога открыта каждый вечер. Несмотря на все это, специальный автобус в Лозанну на проповедь мистера Томми Хикса оказался битком набитым паломниками.

Рядом со мной уселась молодящаяся старушка с атласной ленточкой на шее. Она вытащила из сумки не то молитвенник, не то песенник и разложила его на коленях. Пассажиры немедленно запели.

Так с набожной песней на устах доехали мы до Лозанны и остановились у подъезда «Пале де Болье». Огромный зал на шестнадцать тысяч мест, великолепное освещение и отличная радиофикация.

Обращаюсь в комитет, заседающий за кулисами. Мне разрешают фотографировать богослова и отводят место в первом ряду, заодно вручив брошюрку «Томми Хикс перед всем миром».

Из брошюрки, написанной самим Хиксом, явствует, что 2 сентября 1949 года он заключил договор... с самим господом богом. Проповедник обязался сражаться против «греха и болезней» и, как утверждает брошюра, «выполнил договор». За это господь наделил его «особой силой служения людям и освобождения их от грехов и болезней».

Далее из брошюры выяснилось, что д-р Хикс ведет образцовую бухгалтерию: им обращено «в подлинную веру» не больше не меньше, как три миллиона человек, что, по его словам, является «рекордом для подобного рода предприятий».

Мне пришлось отложить брошюрку. Началось движение в зале, публика усаживалась. Собралось тысяч до четырех человек, заполнивших около четверти огромного зала.

У самого помоста мрачное зрелище. Больные в креслах, калеки на носилках, немощные в колясках. В стране прославленных врачей, чудесных санаториев и госпиталей они собрались сюда в поисках... чуда! Какой-то старец, весь содрогаясь от конвульсий, роняет трость. Молодая девушка жадно устремила глаза на помост: она слепа от рождения. Ребенок-уродец что-то бормочет своей бонне, равнодушной к тому, что происходит в зале.

Зажигаются прожекторы. На эстраду выходят женский хор и оркестр мандолинисток. Хористки тусклыми голосами клянутся, что не сойдут с пути добродетели.

Сопровождаемые аплодисментами, хористки уходят со сцены. Раздаются звуки органа. Под торжественную мелодию организационный комитет усаживается за стол.

Словно боксер на ринг, выбегает на сцену чубатый человек с лицом хитрого мужичка. Маленькие, глубоко сидящие глазки, ослепительная белизна зубов, старательно отрепетированные жесты.

Хотя д-р Хикс, как он уверяет, обратил в истинную веру три миллиона человек из разных стран, однако, кроме английского, он не знает никакого другого языка. Сначала он читает молитву вместе со зрителями. Когда в зале раздается отчетливое «аминь!», д-р Хикс радостно улыбается и произносит: «Ах, это благостно звучит в моих ушах!..»

Почти два часа продолжается сеанс. Д-р Хикс неутомим, его изобретательность превосходит всякое воображение. Вся толпа, в которой преобладают старики, оказывается втянутой в дело. Она поет, аплодирует, скандирует молитвы, кричит что-то проповеднику, когда он уводит нескольких больных в задние комнаты помещения.

Д-р Хикс все ускоряет темп действа. Переводчик, отчаянно жестикулируя, скороговоркой переводит на французский:

— Повторяйте за мной, повторяйте все!.. Громче, что есть силы! «Болезни и страдания — это зло...» Повторяйте громко!

Напряжение в зале усиливается. Пение, речитатив, скандирование. И вдруг...

— А теперь, братья, внимание! Пусть каждый возьмет в руку монету в один франк!.. Зажмите ее в руке, поднимите вверх и громко, очень громко произнесите: «Боже, умножь ее четырехкратно!»... Вот так, хорошо!.. А теперь бросьте монету в картонный кубок, который несут мимо вас, только быстрее, быстрее!..

Вход в зал бесплатный, а д-р Хикс, по его настойчивым уверениям,— человек идеи. Он ведь так и пишет в брошюрке: «С 27 лет я тружусь для бога без гарантированного гонорара. Мой кредит — в банке небесном... Еще никто не умер с голоду, если он трудится для бога».

Прикинем, однако, доходы с проповедей мистера Хикса. В среднем пять тысяч человек, ежедневно два сеанса, кроме воскресенья, всего тринадцать собраний в неделю. Это шестьдесят пять тысяч швейцарских франков, или около пятнадцати тысяч долларов... Неплохо! Теперь понятен сверкающий оптимизм проповедника.

Финансовая интермедия закончена. Д-р Хикс мечется по сцене волоча за собой микрофон и переводчика. Снова пение, и вдруг неожиданно новый призыв:

— А теперь все отвернитесь от меня... Все на колени!.. Бомбардируйте всевышнего молитвами!

Шум и грохот отодвигаемых стульев. Пожилые люди с трудом преклоняют колена и громко излагают свои смиренные просьбы. Когда через несколько минут моление прекращается и все встают, проповедник уже исчез...

Протискиваюсь сквозь толпу больных и калек.

— Пока ничего не произошло,— слышится голос, — но кто знает, может быть, завтра или уж, наверно, в воскресенье?

...Томми Хикс принимает меня в маленькой комнатке. Он снял пиджак и отдыхает в снежно-белой рубашке, на которой видны мокрые пятна пота. Он бросает на меня быстрый взгляд. Один из членов комитета представляет меня.

— Брат, приветствую тебя всем сердцем!

Томми Хикс хлопает меня по спине, трясет руку и целует в обе щеки. От него пахнет одеколоном. Мои вопросы остаются в блокноте, проповедник берет меня под руку и начинает таскать по комнате, ни на секунду не умолкая и не давая мне опомниться.

Неожиданно он кричит:

— Этот человек специально пробился из-за железного занавеса, чтобы услышать меня!..

Шепот изумления сопровождает его слова.

Тщетно я пытаюсь объяснить, что «пробивался» я в Швейцарию при помощи самых законных и современных средств транспорта — «Дейче Люфтганза», «Панамэрикен эйруэйс» и «Свиссер»...

Плечистый субъект из службы порядка осторожно, но довольно энергично подталкивает меня к дверям.

Толпа уже разошлась, в зале тихо. Наш автобус готов к отправлению. Старушенция снова раскрывает песенник и говорит:

— Вы, конечно, не жалеете, что поехали в Лозанну? Правда, доктор Хикс неповторим!

Военные самолеты республики помогали наземным силам. С воздуха правительственным войскам сбрасывались продовольствие и боеприпасы.

В результате так называемой операции «Тегас» правительственные войска Индонезийской Республики освободили от мятежников город Паканбару и прилегающие к нему районы, богатые нефтяными месторождениями.

Мы публикуем несколько снимков, сделанных в этом городе после его освобождения.

В ПАКАНБАРУ НА СУМАТРЕ

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото министерства информации Индонезии

Бегство мятежников было таким поспешным, что некоторые из главарей не успели даже захватить с собой награбленные драгоценности: золотые кольца, браслеты, часы, иностранную валюту.

← Однако у заговорщиков были не только деньги иностранного происхождения. Вот американское оружие. Мятежникам сбрасывали его с самолетов «неизвестной национальности».

→

И эта захваченная у мятежников базука (противотанковое ружье) сделана в США. Теперь, возможно, она пригодится правительственным войскам.

С первых же дней после освобождения Паканбару в городе установилась мирная жизнь. Только что самолеты доставили газеты и почту.

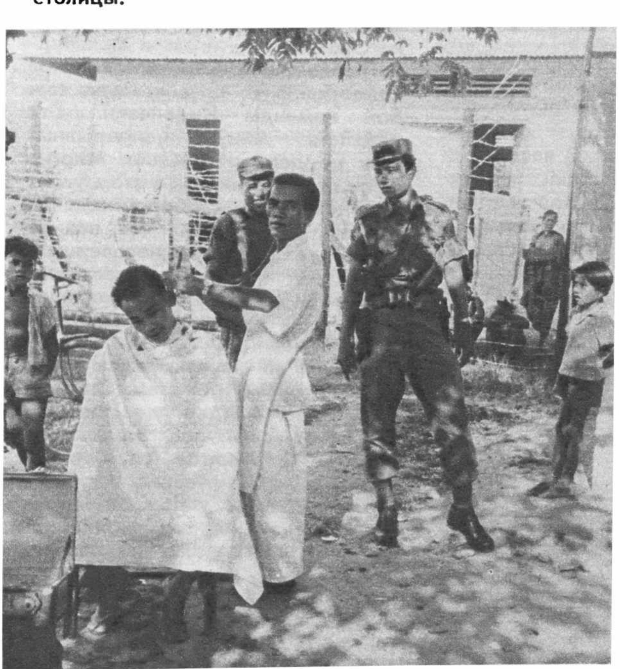

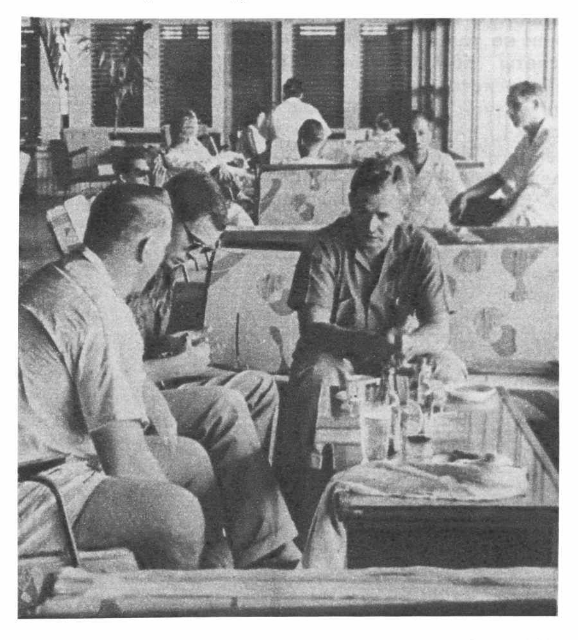
Солдаты с интересом знакомятся с новостями из столицы.

Мирно течет и жизнь городка, где живут служащие американской нефтяной компании «Калтекс». А ведь правительство США посылало к берегам Индонезии военные корабли якобы специально для «обеспечения безопасности американских граждан на Суматре»...

Уличный парикмахер не жалуется на отсутствие клиентов.

В том, что жизни граждан США ничего не угрожает, могли убедиться иностранные журналисты, побывавшие недавно в городке «Калтекса».

Вот еще картинка мирной жизни. Торговля на базаре в Паканбару идет как всегда. Этих солдат заинтересовали ананасы.

АТАКА ИЛИ ОБОРОНА?

Заметки спортивного обозревателя

М. МЕРЖАНОВ

Отборочные соревнования давно закончились. Определились шестнадцать футбольных команд, которые получили «пропуск в Швецию», где в июне они начнут оспаривать первенство мира.

Все страны — участники турнира,— как известно, разделены на четыре группы, по четыре команды в каждой.

Формула розыгрыша предписывает встречи в группах по круговой системе (то есть каждая команда должна сыграть по разу с тремя своими соперниками). Затем восемь команд — по две лучших из каждой группы — начнут между собой состязания по олимпийской системе (то есть проигравший теряет право на дальнейшую борьбу). Две сильнейшие встретятся 29 июня в Стокгольме в решающем матче.

Напомним участников этого интересного футбольного соперничества.

В первой группе встретятся команды ФРГ (чемпион мира), Аргентины, Чехословакии и Северной Ирландии; во второй — Франции, Парагвая, Югославии и Шотландии; в третьей — Швеции, Мексики, Венгрии и Уэльса; в четвертой — Австрии, Бразилии, СССР и Англии.

Шестнадцать лучших команд мира! Пожалуй, никогда еще не было такого сильного подбора участников. В борьбе за право играть в этом турнире вынуждены были «сложить оружие» такие футбольные «тузы», как Испания, Италия, Уругвай и другие.

В прошлом чемпионате мира, который состоялся четыре года назад в Швейцарии, участвовали сравнительно слабые команды — Турции, Швейцарии, Южной Кореи, но не было футболистов Аргентины, Парагвая, СССР.

Все это говорит о том, что турнир в Швеции представит исключительный интерес. Не случайно он находится сейчас в центре внимания всей спортивной общественности.

Достаточно перелистать зарубежные газеты, чтобы почувствовать «футбольную горячку», которая началась повсюду.

Сколько забито мячей!

Известный английский спортивный обозреватель Вилли Мейзл, который наблюдал за чемпионатом мира в Швейцарии, подсчитал, что за 26 матчей турнира было забито 140 мячей, а в среднем больше чем 5,3 гола за игру.

Эта цифра была сенсационной. С тех пор как новые правила игры в футбол изменили положение «вне игры» (раньше игрок мог получить передачу от своего партнера, имея перед собою не менее трех противников, а теперь достаточно иметь только двух), игра нападающих облегчилась, а защитники вынуждены были перестроить схему своей обороны: центральный полузащитник оттянулся назад, и появилась так называемая система «трех защитников». Это было противоядием против слишком «разгулявшихся» форвардов.

Игра обострилась. Все труднее и труднее стало завершать атаки взятием ворот. И вдруг на швейцарском чемпионате форварды показали свою эффективную жизнеспособность. Казалось, они нашли ключ к воротам, прикрытым системой «трех защитников».

Вилли Мейзл тогда заметил:

«В течение четверти века английская система игры по принципу «безопасность прежде всего» заражала футбольный мир; в течение долгого времени сильная защита вынуждала нападающих почти к полному бездействию, но сейчас пришла месть форвардов: они не только потрясают защиту, но буквально разбивают ее на куски... Еще раз мир увидел, чего стоит оборонительная система. Это, во-первых, застой, духовная бедность, отсутствие новизны и, наконец, упадок. Да, мы своими глазами видели, что лучшей защитой является нападение. Наступил новый расцвет футбола...»

Нужно сделать оговорку. Английский журналист писал эти строки в состоянии раздражения после сенсационного «матча столетия», когда венгры дважды разгромили английскую сборную и развеяли миф о непобедимости англичан.

Тем не менее основная его мысль была правильной; атака вновь становилась знаменем современного футбола. Об этом говорили не только арифметические подсчеты вбитых мячей в дни швейцарского чемпионата, но и стиль матчей первоклассных европейских и южноамериканских команд, которые преодолели устоявшуюся и несколько застывшую форму обороны «трех защитников» и смело вышли к воротам. Отсюда и высокие цифры забитых мячей.

Однако цифровые итоги прошлого чемпионата заставили задуматься многих специалистов. Вновь встал вопрос об укреплении обороны, о защите ворот.

Внимательный наблюдатель мог бы заметить, что все четыре года после швейцарского турнира прошли в поисках новых оборонительных схем.

Система «трех защитников» казалась уже ненадежной, нужно было найти тактические варианты, могущие приостановить натиск форвардов.

Разгорелась борьба двух тактик.

Две тактики

История футбола,— по существу, история борьбы двух тактик: атакующей и оборонительной.

В самой начальной стадии развития этой игры в атаках участвовала вся команда, кроме вратаря. Нападали стихийно, неорганизованно, кто как мог. Это было свыше ста лет назад. В 1863 году в Англии появились единые правила футбола, которые не только устанавливали норму поведения игроков на поле, но и определяли расстановку футболистов и их функции. Так появились беки — защитники, хавбеки — полузащитники и форварды — нападающие. Естественно, что такая расстановка и родила первые тактические приемы — оборонительные и наступательные, вступившие между собою в непримиримую войну, которая с переменным успехом длится около ста лет.

Швейцарский чемпионат подлил масла в огонь. Заволновались тренеры. Как удержать форвардов? Постепенно начали оттягивать к воротам, «брать взаймы» игроков полузащиты и нападения. Так появился «раппанский засов бразильцев», «схема дона Реви» в английской команде «Манчестер Сити», «цепочка Пуричелли» в миланском футбольном клубе, «замок доктора Бернардини» во Флоренции, «югославский бункер» и, наконец, наша отечественная «волжская защепка», применяемая куйбышевскими футболистами команды «Крылья Советов».

Естественно, что у сторонников оборонительной тактики появились многочисленные последователи, которые начали теоретически обосновывать лозунг «безопасность прежде всего» и варьировать различные схемы защиты. Но все они, в общем, сводятся к тому, чтобы сократить число нападающих и увеличить за их счет число защитников.

Некоторые успокаивают себя тем, что оттягивание форвардов в тылы, где они должны выполнять функции защитников, дескать, нужно для контратак. В частности, этой сомнительной точки зрения придерживается немецкий журнал «Нойе фусбальвохе», который в статье Б. Фишера «Четыре нападающих — признак замка» пишет:

«С помощью «замка» можно... в подходящий момент перехватить инициативу, чтобы добиться положительного результата». И далее: «Крайние формы «замка» — это, без сомнения, атакующая игра...»

В этой теории не учтен, однако, один важнейший компонент в подготовке футболиста — выносливость. Если форвард будет нападать и обороняться, то есть находиться в состоянии полной физической нагрузки в течение 90 минут матча, то он, несомненно, ослабит игру к концу соревнования, чем обязательно воспользуются соперники.

Габриэль Ано предлагает обороняться

Наиболее убежденным сторонником оборонительной тактики является французский журналист Габриэль Ано. Он неутомим в своей настойчивости и является своеобразным идеологом защитной тактики. Его влияние велико не только во Франции, но и за ее пределами. Габриэль Ано активизировался после швейцарского чемпионата, когда «разгулявшиеся форварды» потрясли защиту. Он безапелляционно заявляет, что «эволюция современного футбола сводится к увеличению числа защитников за счет нападающих... что усиление защиты — это реальность современного футбола, реальность, которую восприняли и с которой считаются самые великие команды мира».

Нам это заявление кажется малообоснованным. Во всяком случае, успехи венгерских, советских, югославских, испанских и южноамериканских футболистов, основанные на атакующей игре, полностью опровергают его.

Габриэль Ано и его сторонники ведут кампанию против тех тренеров, которые позволяют себе не согласиться с его мнением. В частности, такому остракизму был подвергнут национальный тренер Франции Пьер Пибаро.

На его защиту встал журналист Франсуа Тебо.

«Еретик» Пьер Пибаро,— пишет он,— осужден без суда сторонниками Габриэля Ано, который уже давно проповедует идею оборонительного, а следовательно, и негативного футбола... В чем же суть вопроса? Кто поддерживает Г. Ано и его идеи? Это те тренеры, которые в ущерб конструктивному футболу борются за очки, конечно, в угоду своим хозяевам, руководствуясь правилом «лишь бы не проиграть».

Далее Тебо, описывая конструктивные принципы Пибаро, восклицает:

«Если это футбольная ересь, то Пибаро нужно, конечно, сжечь на костре. Но костер не аргумент! Это доказано историей. Прогресс задержать нельзя...»

К спору французских журналистов можно добавить несколько фактов. Известно, например, что сборная команда Советского Союза, играющая в атакующем стиле, на Олимпийских играх в Мельбурне неожиданно встретила сильное сопротивление сравнительно слабой команды Индонезии. Сто двадцать минут непрерывных атак не дали результата. Многие были склонны видеть в этом успех индонезийской оборонительной тактики, в то время как налицо было тактическое несовершенство советских футболистов, привыкших играть по определенной схеме и не сумевших на ходу перестроиться.

«Сухая» ничья вскружила головы некоторым тренерам. Они решили, что найден действенный способ от всяких посягательств со стороны форвардов — путь к ничейной смерти футбола.

К этому выводу пришел и тренер финской национальной сборной. Он применил «индонезийскую стену» в Москве, в отборочном соревновании на первенство мира, и проиграл команде Советского Союза со счетом 1 : 2. Зато в ответном матче, который состоялся в Хельсинки, советские футболисты изменили схему атак, уво-

дили защитников в стороны от ворот и вели обстрел с дальних позиций. В итоге финская команда была «уложена на обе лопатки» — 10 : 0.

Газеты негодовали, называли победу нашей команды «нокаутом», «ударом, от которого не скоро зарубцуются шрамы», «игрой кошки с беспомощной мышкой».

Правильнее всего оценила поражение финской команды газета «Хельсингин саномат». Она писала: «Надо прямо сказать: с такой тактикой далеко не уедешь. Удачи могут быть лишь изредка, раз в столетие... Футбол — нападающая игра...»

Эти примеры показывают, что позади остается время, когда «стены», «бункеры», «засовы», «замки» были пачацеей от всех зол. Теперь уже ясно, что оборонительная тактика никогда не приносит победы. Она может лишь спасти от разгромного счета, да и то не всегда. Финский пример — тому доказательство.

В национальных чемпионатах европейских стран, в том числе и в Советском Союзе, первые места занимают клубы с ярко выраженным атакующим стилем игры.

Принципы Габриэля Ано и его сторонников трещат по всем швам.

Гиллермо Стабиле предлагает атаковать

Почти тридцать лет назад Гиллермо Стабиле возглавлял линию нападения в сборной команде Аргентины, которая выступала в чемпионате мира. Затем он играл в Палермо, Генуе и тренировал парижский клуб «Ред Стар».

Теперь Стабиле готовит национальную команду Аргентины к поездке в Швецию. В связи с этим он старается увильнуть от прямых вопросов журналистов и делает это с подкупающей тактичностью.

И все же ему пришлось ответить на несколько вопросов.

— Измените ли вы тактику и игровую манеру в соревнованиях с европейскими командами? — спросили его.

— В Южной Америке мы имеем дело с коллективами, которые играют так же, как мы, — ответил Г. Стабиле. — Исключение, пожалуй, составляет Бразилия. В Европе против каждого противника мы будем приспосабливать нашу тактику в зависимости от его силы и стиля.

— Каково ваше мнение о европейских системах?

— В защите, мне кажется, у европейцев все обстоит благополучно. Но в нападении... Европейцы стараются предотвратить победу противника, а не добиться выигрыша... У нас публика не позволила бы так играть. В Европе, какую бы мы ни избрали игровую манеру, мы будем нападать, играть агрессивно, на выигрыш. Мы не станем урезывать собственную инициативу и способность футболистов в преодолении неожиданных ситуаций. Именно в этом я вижу существенный шанс против европейских команд.

— Не лежит ли сила европейского футбола в физической подготовленности?

— Мы будем физически подготовлены лучше, чем бразильцы и уругвайцы в прошлом чемпионате; мы знаем, что отличные технические навыки беспомощны, если у игроков не хватит силы...

— Кого вы считаете самыми опасными противниками в Швеции?

— В первую очередь Бразилию. По отношению к ним нужно быть начеку. Считаю большой ошибкой недооценку немцев. Они способны снова преподнести сюрприз. Естественно, что среди фаворитов нельзя забывать и Англию.

Эти рассуждения аргентинского тренера характеризуют настроения многих специалистов футбола. Даже наиболее консервативная английская школа, и та под ударами «футбольной судьбы» начала перестраивать тактические приемы, хотя тренер сборной Англии Уолтер Уинтерботтом и продолжает строго придерживаться системы «дубль-вэ». Но это уже не старая, закостенелая схема, когда уход крайнего нападающего в центр, а центра в сторону считался святотатством. Нет, англичане будут применять открытую, прямолинейную игру, основанную на скорости, силе и выносливости.

Модернизация английского футбола дала уже некоторые результаты. Национальная команда Англии обыграла сборную Франции со счетом 4 : 0. На островах это послужило толчком для введения атакующих приемов игры, а во Франции дало пищу сторонникам оборонительной тактики, которые завопили: «Назад к воротам!»

Придавая большое значение этой победе, английская печать оживленно комментировала тактические новшества футболистов и отмечала, что крайний нападающий Дуглас играл «сдвоенного центра», а инсайд Хейс свободно перемещался в поисках «удобного места» для атаки.

Спортивные обозреватели подчеркивали, что англичане сохранили свои традиционные качества, но приобрели новые, свойственные футболистам агрессивной, атакующей школы.

Вилли Мейзл после матча с французами сказал:

— Англичане умеют теперь играть в любом темпе, менять на ходу ритм игры, как это недавно с большим искусством делали венгры.

Конечно, спор между оборонительной и наступательной тактикой игры не следует понимать таким образом, что первые отказываются от нападения, а вторые открывают ворота настежь. Отнюдь нет. Неподвижных схем в футболе вообще не существует. Каждый новый соперник потребует нового тактического приема, а возможно, и новой схемы расстановки игроков. Кроме того, в процессе матча может появиться надобность в усилении обороны за счет атакующих игроков и, наоборот, усилении наступательных действий за счет футболистов, расположенных позади.

Речь идет в данном случае об общей тенденции, о том, чтобы заранее не навязывать команде оборонительную тактику, исходя лишь из принципа «как бы чего не вышло», а, наоборот, вселять уверенность в победе, которая может прийти лишь в результате активного наступления.

Длинный или «молчаливый» пас!

Не только проблемы наступления на ворота или отступления к воротам стоят сейчас на «футбольной повестке дня». Специалисты спорят о методах атаки. Вести ли наступательные действия по английской системе, с длинной передачей мяча вперед, или, наоборот, атаковать короткой передачей, так называемым «молчаливым» пасом (когда не слышно удара по мячу).

Образец длинного паса москвичи видели в прошлом сезоне в игре английской команды «Вест Бромвич Альбион», выступавшей против армейских футболистов. «Молчаливый» пас мы видели довольно часто у венгров, французов, наконец, у московского «Спартака».

Как же играть? Несмотря на успехи английских команд, многие высказываются за «молчаливый» пас или за комбинацию длинных, средних и коротких передач.

Во французской прессе появились характерные заголовки: «В защиту короткого паса» или «Нужна ли заупокойная по поводу короткого паса?».

Очень интересна статья известного футболиста, центра нападения сборной команды Франции Раймона Копа, опубликованная в газете «Юманите».

«Чтобы остаться хозяином мяча, — пишет он, — не нужно посылать его куда-то в пространство, куда должен переместиться свободный партнер и куда он чаще всего опаздывает (а есть ли в футболе экстракласса свободный игрок?), а гораздо лучше продвигать его при помощи коротких пасов с обводкой соперника. В этом стиле играла французская команда и имела успехи. Сохраним хладнокровие и не будем впадать в панику по поводу временных неуспехов. Не надо заимствовать чуждые нам и спорные зарубежные рецепты, вроде игры «в глубину» (длинный пас), о которой так много говорят по ту сторону канала...»

В связи с этим возник вопрос и о стиле игры. Уже никто не говорит о венской школе футбола, красивой, техничной, виртуозной, но малоэффективной. Большинство специалистов высказывается за игру без украшательства, рациональную и экономную.

Нет возможности перечислить все проблемы, вставшие перед командами — участницами всемирного чемпионата. Их много, начиная от стратегии и тактики и кончая белыми ночами, которые будут стоять в течение всего июня в Швеции.

До начала соревнований осталось около двух месяцев.

Зарубежная печать полна статей, в которых дебатируются все эти вопросы. Много, конечно, и прогнозов. Смельчаки берутся называть будущих чемпионов. Чаще всего называются аргентинцы, англичане, бразильцы и советские футболисты.

В погоне за прогнозами французская спортивная газета «Экип» обратилась к известному парижскому «ясновидцу» Марселю Белине. От имени «потусторонних сил» Белине заявил, что спортивное счастье будет на стороне стран, название которых начинается на букву «А» и чьи футболисты носят белую спортивную форму (!). По этому «принципу» наиболее вероятные шансы имеют Англия, Аргентина и Алемань (Германия).

Подобных анекдотов сейчас очень много.

Подготовка к чемпионату в полном разгаре. Всюду идет отбор 22 сильнейших футболистов, которые появятся на полях Стокгольма, Гетеборга, Мальме.

Нигде еще не решено «уравнение с 22 неизвестными». В сборные команды попадут лишь хорошо тренированные спортсмены. В Швеции соберутся 352 сильнейших футболиста мира.

Готовятся и советские спортсмены. Они уже вернулись из Китайской Народной Республики, где регулярно тренировались и провели ряд дружеских встреч.

Сейчас «22 неизвестных» в своих клубах участвуют в очередном розыгрыше первенства страны.

В мае сборная команда Советского Союза вновь соберется, чтобы провести последние тренировки перед выездом в Швецию.

Пожелаем же ей всяческих успехов.

Отборочный матч на первенство мира между сборными командами Чехословакии и ГДР. Нападающий В. Бубник (с поднятыми руками) забил мяч в ворота немецких футболистов.

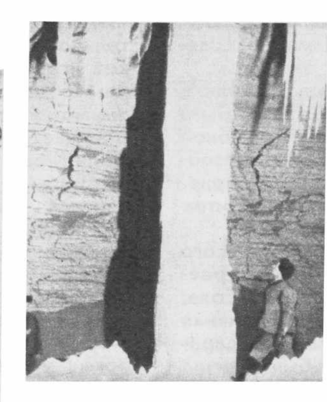
ПЕРНАТЫЕ АРХИТЕКТОРЫ

Строители сдавали Дворец культуры металлургов в Липецке. Прилетевшие ласточки неожиданно сделали заключительную работу: построили гнезда на лепных украшениях потолка. И, как видите, не нарушили архитектурные пропорции.

З. ЗУДИН

Липецк.

ЛЕД ПОД ЗЕМЛЕЙ

Ледяное «дерево» «выросло» в Мечкинской пещере Пермской области. Его обнаружили сотрудники Кунгурского стационара Уральского филиала АН СССР. Ледяные украшения подземного мира образуются в результате постепенного намерзания воды, которая просачивается по трещинам и пустотам. Многие из них сохраняются круглый год.

А. ТУРЫШЕВ

Кунгур.

Находка в барсучьей норе

Отец и сын Борисовы охотились в Чебаркульском районе, Челябинской области. Увидав нору барсука, они начали разрывать ее и обнаружили неожиданную находку: большой кристалл горного хрусталя. Барсук оказался удачливым «геологом»: он вырыл свою нору около ценных камней.

Охотники сделали заявку в комиссию по делам первооткрывателей Уральского геологического управления. На место выехал специалист. Он обнаружил около норы до ста килограммов горного хрусталя.

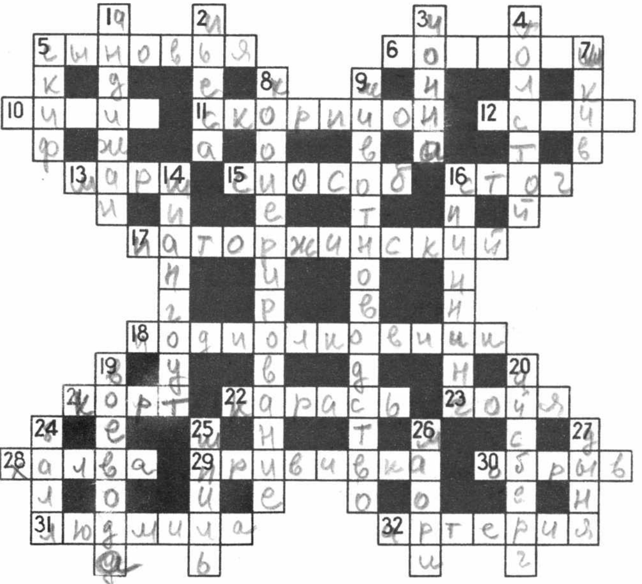
Каждый из охотников получил по тысяче рублей премии.

Н. РОЗИНА

ЛУЧШИЙ ЗАМОК...

Фотошутка А. Длугач.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Роман Л. Фейхтвангера. 6. Советский художник-баталист. 10. Солдат армии Монгольской Народной Республики. 11. Созвездие. 12. Произведение Э. Золя. 13. Часть лестницы. 15. Прием, метод. 16. Сложенное сено. 17. Народный артист СССР. 18. Воинское звание. 21. Спортивная площадка. 22. Рыба семейства карповых. 23. Испанский живописец. 28. Кондитерское изделие. 29. Пересадка части растений на подвой. 30. Роман И. А. Гончарова. 31. Героиня одной из поэм А. С. Пушкина. 32. Кровеносный сосуд.

По вертикали:

1. Областной центр Узбекской ССР. 2. Драматическое произведение. 3. Река во Франции. 4. Русский писатель. 5. Гоночная лодка. 7. Колесо, которое дает движение приводному ремню. 8. Производственные связи предприятий. 9. Отрасль сельского хозяйства. 14. Поперечное ребро в корпусе судна, в фюзеляже самолета. 16. Рыболовная снасть. 19. Опера П. И. Чайковского. 20. Плавучая ледяная гора. 24. Оценка успеваемости. 25. Надстройка на башне здания. 26. Коренное население Новой Зеландии. 27. Овощное растение семейства тыквенных.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

4. Конферансье. 9. Коротковолновик. 12. «Старик». 13. Аромат. 14. Гнесины. 17. Бросок. 19. Зарема. 20. Торошение. 21. Микрометр. 23. Эрудит. 24. Артист. 25. Каботаж. 26. Эбонит. 28. Курако. 31. Диспетчеризация. 32. «Камаринская».

По вертикали:

1. Полоцк. 2. Древность. 3. Льгота. 5. Фуко. 6. Наль. 7. Корреспонденция. 8. Кинодраматургия. 10. Стереотруба. 11. Шахматистка. 15. Наживка. 16. Накидка. 18. Кнехт. 19. Зурна. 22. Обозрение. 27. Типчак. 28. Кранах. 29. Утва. 30. Пирс.

На вкладках этого номера: репродукции картин Л. Шматько — «Выступление В. И. Ленина о плане ГОЭЛРО», В. Меллина — «Горки Ленинские. Малый пруд», «Горки Ленинские. Место отдыха Ленина», А. Костюченко — «В. И. Ленин в Горках», Д. Налбандяна — «Ленин в 1919 году» и четыре страницы цветных фотографий.

НАША БЛАГОДАРНОСТЬ

Редакционная коллегия и коллектив сотрудников журнала «Огонек» выражают благодарность артистам, принявшим участие в концерте на вечере, посвященном 35-летию журнала «Огонек»: Л. Мирову и М. Новицкому; М. Бернесу, Л. Буслаеву, Р. Быкову, А. Денисову, И. Дивову, К. Кузьминой, В. Лепко, С. Мей, М. Мироновой, А. Менакеру, И. Набатову, К. Смирновой, Я. Сеху, А. Ткаченко, Г. Тусузову, А. Эйзену.

Фото М. Савина.

М. Новицкий и Л. Миров.

М. Миронова и А. Менакер.

С. Мей и И. Дивов.

А. Эйзен.

М. Бернес.

А. Денисов и В. Лепко.

И. Набатов.

К. Смирнова.

Я. Сех.

Р. Быков и Л. Буслаев.

К. Кузьмина и А. Ткаченко.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00581. Подписано к печати 16/IV 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 432. Заказ № 867.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Весна на колхозных полях. (Махарадзевский район, Грузинская ССР).
Фото Г. Тиканадзе.

Цена номера 3 руб.